Роман «Ссянъчхон кыйбонъ», по-видимому, был создан в эпоху расцвета в Корее повествовательной литературы на родном языке и представляет ее особую ветвь как по жанру, так и по стилю. Знакомство с этим произведением показывает, что в Корее в эпоху средневековья проза была значительно богаче, чем это считалось до сих пор. Дальнейшее изучение жанра романа должно расширить наше представление о средневековой корейской литературе.

Роман «Ссянъчхон кыйбонъ», по-видимому, был создан в эпоху расцвета в Корее повествовательной литературы на родном языке и представляет ее особую ветвь как по жанру, так и по стилю. Знакомство с этим произведением показывает, что в Корее в эпоху средневековья проза была значительно богаче, чем это считалось до сих пор. Дальнейшее изучение жанра романа должно расширить наше представление о средневековой корейской литературе.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов)	
Перевод	21
Примечания	75
Текст	79

Корректор *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 18/IX 1961 г. Подписано к печати 19/II 1962 г. А-03147
Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 12,75. Уч.-изд. л. 11,12. Тираж 1250 экз. Зак. 1263 Цена 70 коп.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2
Типография Издательства восточной литературы. Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Рукописном отделе Института народов Азии АН СССР в числе рукописей и ксилографов бывшей коллекции известного английского востоковеда В. Г. Астона находится рукопись романа «Удивительное соединение двух браслетов» (雙釧奇逢) — «Ссянъчхон кыйбонъ» (С—2). Рукопись включает 22 тетради с общим количеством листов 1233 (публикуемая I тетрадь содержит 02+59 лл.) 28,5×19,5 *см*, размер текста 26×16 *см* по 10 строк на странице; пагинация китайская, по тетрадям; бумага корейская, плотная, желтоватая, пропитанная маслом. Памятник написан корейским буквенным письмом *(кукмун)*, полускорописью, местами скорописью, время создания его и автор не обозначены.

Известные нам библиографические справочники и литературоведческие работы дают следующие сведения об этом романе.

В первом томе «Bibliographie Coréenne» [1] под № 933 значится произведение под названием

쌍천긔봉
雙川奇逢 (?) [2]

По-видимому, Куран непосредственно не был знаком с этой рукописью. В иероглифической записи названия второй иероглиф 釧 представлен только фонетической частью 川. Очевидно, поэтому автором сделан неверный перевод заглавия: «Rencontre merveilleuse des deux fleuves» («Удивительная встреча двух рек»).

[1] Maurice Courant. *Bibliographie Coréenne*, Paris, 1894.
[2] Знак вопроса принадлежит Курану.

О романе «Ссянъчхон кыйбонъ» и о произведениях сходного жанра упоминается в работе Ким Тхэ Чжуна «История корейской повествовательной литературы» [3]. Однако автор ссылается только на библиографию Курана.

В работе Цой Хён Бэ «Изучение корейской письменности» [4] об этом романе ничего не сказано, хотя в ней дается подробное описание сохранившихся памятников (рукописей, ксилографов и старопечатных книг), написанных корейским буквенным письмом. Нет указаний на этот памятник и в работе Маэма Кёсаку «Каталог старых корейских книг» [5].

Отсутствие данных об этом памятнике в библиографических работах дает возможность предположить, что публикуемая рукопись — редкая или, быть может, уникальная.

«Ссянъчхон кыйбонъ» относится к жанру романа, появившемуся в Корее во второй половине XVII в. Это был период, когда в недрах феодального общества зарождались новые отношения, развивались ремесло и торговля, росли города и городское население, которое все настойчивее требовало прав гражданства. В связи с кризисом феодальной системы обострилась борьба *янбанских* [6] группировок. Все быстрее шел процесс разорения мелких и средних *янбаней*. Во всех слоях средневекового общества зрело недовольство существующими порядками. Это недовольство обобщалось и формировалось оппозиционными идеологическими течениями, возникавшими в среде передовой части правящего класса. Наиболее сильную оппозицию представляло движение, которое появилось в середине XVII в. и проходило под лозунгом «за реальные знания», откуда оно и получило свое название «сирхак» — движение «за реальные науки». Лозунг был выбран не случайно. В условиях

[3] 金俊, 朝鮮小說史, 서울, (Ким Тхэ Чжун, *История корейской повествовательной литературы*, Сеул, 1939).

[4] 최현배, 한글갈, 서울 (Цой Хён Бэ, *Изучение корейской письменности*, Сеул, 1942).

[5] 前間恭, 古鮮册譜, 東京, (Маэма Кёсаку, *Каталог старых корейских книг*, Токио, 1954).

[6] Янбани — представители высшего сословия в феодальной Корее.

господства конфуцианской идеологии средневековая наука сводилась в основном к толкованию классических конфуцианских книг, в то время как развитие общества толкало человечество на поиски практических знаний, которые способствовали бы развитию реальных наук. Зачинателями этого движения были крупные ученые XVII в. Лю Хён Вон (1622—1673) и Пак Се Дан (1629—1703).

Деятельность просветителей-сирхакистов не ограничивалась пропагандой естественных наук. Они противопоставляли официальному, ортодоксальному конфуцианству комплекс идей, правда, еще открыто не порвавших с конфуцианством, но уже несших в себе зерна демократического и в известной мере буржуазного мировоззрения.

Одним из основных вопросов, волновавших сирхакистов, был вопрос о месте и роли личности в обществе, о взаимоотношениях человека и общества. Впервые эти вопросы были затронуты в художественной литературе XVII в., когда появились крупные по объему произведения, дававшие возможность на примере истории целого поколения, а часто и нескольких, проследить жизнь представителей самых различных общественных прослоек. В этот период получили распространение переводы китайских романов самого разнообразного характера, таких, например, как «Сон в красном тереме», «Речные заводи», «Троецарствие», «Путешествие на запад», «Цзинь, Пин, Мэй» и др. Китайские романы определяли в значительной степени вкусы корейских читателей и писателей, создавших оригинальные произведения в этом жанре. Они оказали большое влияние на формирование жанра романа в корейской литературе. Корейский роман испытал воздействие прежде всего социально-бытового китайского романа, в то время как китайский героический роман оказал влияние на повесть (например, такие произведения, как «Повесть о Чо Уне» или «Повесть о Хон Гиль Доне», написанная под явным влиянием «Речных заводей»).

Появляются романы как на китайском языке, так и на корейском. Однако романы на китайском языке не получили ши-

рокого распространения, они почти не переиздавались, на корейский язык не переводились и были забыты[7]. Роман же на корейском языке, напротив, быстро развивался и стал одним из популярных прозаических жанров.

Первым корейским романом на родном языке был «Облачный сон девяти» (九雲夢) Ким Ман Чжуна (金萬重), появившийся в конце XVII в.; близким к роману произведением была и его повесть «Скитания госпожи Са по югу». Эти произведения выдающегося писателя средневековья «задали тон» корейскому роману как в отношении проблематики, идейной направленности, так и в отношении художественных особенностей. Следом появился ряд романов, написанных под впечатлением произведений Ким Ман Чжуна. Это — «Онънумонъ» (玉樓夢), «Оннинмонъ» (玉麟夢), «Оннёнмонъ» (玉連夢), из которых наиболее значительным был «Онънумонъ» — «Сон в яшмовом тереме». Эти романы в свою очередь, наряду с произведениями Ким Ман Чжуна, подвели корейскую литературу к созданию многочисленных и самых разнообразных по характеру и объему произведений в этом жанре: «Два семейства Ха и Чжин» (河陳兩門), «Два семейства Лю» (劉氏兩門錄), «Соединение трех семейств Юн, Ха и Чжон» (尹河鄭三門聚錄), и т. д.

«Ссянъчхон кыйбонъ» представляет собой исторический роман типа семейной хроники. Действие его происходит в Китае в правление династии Мин и охватывает период с 1382 по 1572 г. Роман излагает историю пяти поколений дома Ли. Основатель семьи Ли Хён (по-китайски Ли Сянь) — историческое лицо. Были известны два Ли Сяня, которые жили в начале династии Мин. Один из них был приближенным императора Чэнцзу (1403—1425), другой — императора Инцзуна (1457—1465). Если сравнить биографии этих лиц[8]

[7] Подробно об этом см.: Ким Тхэ Чжун, *История корейской повествовательной литературы*, стр. 161—166.

[8] 中國人名辞典, 上海, (Большой словарь китайских имен), Шанхай, 1921.

с жизненным путем Ли Хёна, можно убедиться в том, что в истории героя романа слились биографии двух лиц. В основу романа легли некоторые факты из жизни Ли Сяня — приближенного Чэнцзу. Однако ему приписаны государственная деятельность, чины и звания другого Ли Сяня, жившего несколько позже. Автором был создан синтезированный, художественно переосмысленный образ героя, жизнь и деятельность которого стали основной сюжетной канвой начала романа.

«Ссянъчхон кыйбонъ»—многоплановое произведение с очень сложным и разветвленным сюжетом. Названием своим он обязан одной из второстепенных сюжетных линий, которая не занимает важного места в романе, а привносит лишь дополнительную занимательность. Это история соединения двух браслетов, принадлежавших семейству Ли. Некогда один из золотых браслетов был потерян и впоследствии найден в семье Со. Браслеты были вновь соединены только через несколько поколений, когда сочетались браком юноша из семейства Ли и девушка из дома Со.

Роман во многих отношениях перекликается со «Скитаниями госпожи Са по югу». Неизвестный автор, продолжая традиции Ким Ман Чжуна и в то же время полемизируя с ним, идет гораздо дальше в решении поднятых вопросов. Вспомним повесть о госпоже Са: героиню произведения, по клеветническому обвинению наложницы, муж изгоняет из дома. Она вынуждена скитаться несколько лет, пока ее муж, узнав, что она не виновна, не восстанавливает справедливость.

Автор «Ссянъчхон кыйбонъ» усложняет ситуацию: если госпожа Са счастливо возвращается в семью, то одной из героинь романа, госпоже Чин, приходится тяжелее, так как в жизни не всегда торжествует справедливость. Автор предусматривает другой исход той же ситуации: что получается в том случае, если при жизни глава семьи не исправит свою ошибку? Ли Мён, отец одного из главных героев романа, Ли Хёна, и супруг госпожи Чин, допустивший несправедливость по отношению к своей жене и будущему сыну и не исправивший ее, сам становится жертвой собственного преступления — он гибнет.

Его жена обречена на бедствия, ей одной приходится воспитывать сына и думать о будущем. Сын не может быть счастлив, потому что расплачивается за проступок отца.

Привлекая с самого начала внимание читателя к проблеме ответственности человека перед другими людьми, с которыми он связан родственными или иными отношениями, автор в дальнейшем рассматривает ту же проблему в различных ситуациях и сюжетных комбинациях и подводит читателя к выводу: человек, особенно если он облечен властью и от него зависят судьбы многих людей, должен быть строг к себе и справедлив. Но где же искать критерий справедливости в человеческих отношениях, которые в современном автору обществе явно нуждаются в улучшении, в исправлении? Автор романа, так же как и корейские просветители XVII—XVIII вв., в поисках справедливости обращается к «чистому» конфуцианству, видя избавление от общественных зол в строгом, истинном, соблюдении конфуцианских правил в отношениях между людьми.

В романе Ли Мёну, пренебрегшему правилами пяти отношений, противопоставлен его сын Ли Хён — воплощение конфуцианских идеалов сына, мужа и отца. Но автор в своем желании создать идеальный образ по конфуцианской мерке доходит иногда до абсурда. Так, проводя гуманистическую идею о том, что человек должен думать о других (Ли Хён не может предаться горю, так как ему надо заботиться о своей матери) и должен следовать своему долгу, автор заставляет героя сначала соблюдать трехлетний траур по отцу и только после этого поинтересоваться, где скитается его жена, которая была вынуждена покинуть родные места ради того, чтобы сохранить верность мужу.

Однако автору не всегда удается примирить живое движение человеческого чувства с той схемой, которую он предложил в начале романа. Любопытным примером может служить история одной из героинь романа, Пин Сён, — дочери Ли Хан Сёна (старшего сына Ли Хёна). Здесь автор рассматривает еще один вариант традиционной ситуации: жена вынуждена покинуть дом мужа, внявшего клевете. Пин Сён, изгнанная из дома, возвращается к родителям, где живет тайком восемь лет и растит сына. Ее муж Лё Ик, узнав, что жена не виновна, пытается найти ее. С трудом разыскав, он возвращает ее в свою семью. Внешне все идет так, как положено, «в рамках приличия»: жена должна снова жить в доме мужа, если он считает, что она этого заслуживает. Молодая женщина возвращается. Она почтительна к родителям мужа, придерживается установленных правил и по отношению к своему супругу, но, как говорит автор, «молодая жена была по-прежнему холодна к мужу как лед. Глубокая любовь молодого Лё была подобна Тайшани, но он не мог проявить ее»[9]. Казалось бы, естественно, что женщина не может сразу простить мужу незаслуженную глубокую обиду. Однако писать об этом нельзя: это противоречило бы нормам конфуцианской морали и той программе, которую автор сам выдвигает; но и заставить свою героиню вести себя иначе автор не может: быстрое примирение Пин Сён с мужем противоречило бы образу героини — женщины с решительным и сильным характером. Поэтому автор прибегает к своеобразному оправданию Пин Сён: оказывается, ничто не зависит от нее. Она должна вести себя именно так, а не иначе за проступки в прошлых перерождениях. Автор ссылается на чудесную книгу, полученную Ли Хёном от духов, где описаны деяния большинства персонажей романа в их прошлой жизни. Она нужна автору для оправдания чересчур самостоятельного поведения героев, чаще героинь (Пин Сён из дома Ли и девушки из дома Со, соединившей свой браслет с браслетом Ли Мон Чхана — внука Ли Хёна).

Роман отражает жизнь людей во всей ее сложности; герои сами находят выход из создавшихся трудностей. Так, изгнанная несправедливо из дома госпожа Чин не водворяется обратно волею мужа или государя. Она сама растит сына и дает ему образование. Справедливость не восстанавливается вмешательством чуда или волей мудрого правителя. Сын, выросший

[9] «Ссянъчхон кыйбонъ», т. XXII, стр. 43-а.

без отца и не имеющий влиятельных покровителей, добивается высокого положения и дружбы родственника государя лишь благодаря собственным талантам, уму и прозорливости.

Автор «Ссянъчхон кыйбонъ», как правило, не идивидуализирует портреты и характеры своих героев. Персонажи романа наделены чертами исключительности: они необычайно талантливы. Если это мужчина, то он либо выдающийся государственный деятель, ученый, либо талантливый полководец; если это женщина, то она непременно добродетельна и образованна. Однако автор, верный просветительским тенденциям, переносит свои симпатии на женские образы и делает в отдельных случаях попытки наметить некоторые индивидуальные черты в облике и характерах героинь. Таковы Со и Ли Пин Сён.

Женские образы в романе гораздо ярче и живее мужских. Автор ставит своих героинь в такие ситуации, где они, действуя самостоятельно, могли бы проявить решительность, настойчивость в достижении цели, преданность долгу, ум и т. д. Почти каждой из них по тем или иным причинам приходилось пережить скитания на чужбине (например, госпожи Чин, Лю, Со, Ли Пин Сён). Чин и Лю, рано потерявшим мужей, приходится самим заботиться о семье и о процветании рода. Их жизнь и деятельность имеют, таким образом, самостоятельное общественное значение. Женщина представлена в романе активной, способной мыслить и действовать независимо, не уступая мужчине. В этом отношении просветительские тенденции Ким Ман Чжуна, намеченные в романах «Облачный сон девяти» и «Скитания госпожи Са по югу», развиты и углублены.

Действие романа развивается стремительно, повороты сюжета зачастую неожиданны, ситуации — остры и напряженны. Автор неистощимо изобретателен в придумывании сложных сюжетных ходов, иногда далеко уводящих от основной канвы романа. Ни одна из намеченных ситуаций не повторяется, и все главные и дополнительные сюжетные линии имеют логическое завершение. Действие в романе развертывается на протяжении двух веков, и перед читателем проходят десятки ге-

роев, с каждым из которых связана какая-нибудь занимательная история.

Основное внимание автора сосредоточено на действии, интриге, ситуации. Об этом свидетельствует отказ от ряда художественных приемов и средств, характерных для других прозаических жанров. Например, в отличие от повести, уделявшей особое внимание пейзажу, внешности героя, бытовым зарисовкам, переживаниям героев, и потому часто включавшей в себя цитаты и стихи — китайские или корейские, а иногда весь текст повести был написан ритмической прозой, — в романе нет ни корейских, ни китайских стихов — необходимого условия в повести для описания чего-нибудь красивого, выдающегося. Если иногда и употребляются китайские поэтические образы, то автор их не подчеркивает.

Внимание автора больше сосредоточено на действии, стремлении ярче и красочнее изобразить его. Воспитанный на китайских литературных образцах, он прибегает к китайскому литературному языку. В результате язык романа изобилует сочетаниями четырех и более иероглифов, записанных корейским буквенным письмом. Они не отражены в словарях и с большим трудом поддаются пониманию.

Чтение романа требует очень хорошего знания китайского языка, умения оперировать китайскими односложными словами (иероглифами), а не только знания определенного, пусть даже обширного, запаса устойчивых традиционных китайских образов. Таким образом, корейский роман был рассчитан на весьма квалифицированного читателя, знакомого с литературным языком. Он в значительно большей степени использовал ресурсы китайского литературного языка, чем корейская повесть и поэзия в жанрах *сичжо* и *каса*.

Большой объем романа, так же как сложность языка, не способствовал широкому его распространению в корейском обществе XVII—XIX вв. Роман, отнюдь не поощрявшийся официально, был предметом чтения в образованных кругах общества, поэтому, как и повесть, он оставался анонимным и больше, чем повесть, рукописным.

Роман «Ссянъчхон кыйбонъ», излагающий события из истории Китая, представляет собой, по-видимому, оригинальное корейское произведение. Как известно, перенесение места действия в Китай является одной из традиций корейской литературы (ср., например, произведения Ким Ман Чжуна «Скитания госпожи Са по югу», где действие происходит в Китае эпохи Мин, «Облачный сон девяти», где также действие происходит в Китае эпохи Тан, или новеллы Пак Чи Вона). Кроме того, в романе есть целый ряд признаков, отличающих его от китайских произведений этого жанра. Китайский роман, как правило, разбит на главы; в «Ссянъчхон кыйбонъ» такое деление отсутствует. Затем, китайский роман обычно имеет пролог; «Ссянъчхон кыйбонъ» начинается непосредственно с изложения событий, что соответствует корейской литературной традиции. Специфично также использование художественных средств для описания внешности героев. Традицией китайской литературы выработаны каноны для описания женской и мужской красоты. Смешение сфер применения этих традиционных образов в китайской литературе было бы невозможно. Между тем в публикуемом романе образы женской красоты использованы для описания внешности как женщин, так и мужчин.

Об оригинальности этого произведения свидетельствует также заключительная фраза романа — обращение к читательницам: 부인이 ᄂᆞ리보아 ᄌᆞ시알지어다 «Вы, госпожи, прочтя, разберетесь [в этом]». Как известно, литература, написанная корейским буквенным письмом, презрительно именовавшимся «женским письмом», обычно предназначалась для простолюдинов и женщин. Такое обращение к читательницам — явление, безусловно, корейское.

И наконец, в пользу предположения об оригинальном, корейском, происхождении этого произведения свидетельствует тот факт, что в «Сводном каталоге китайской художественной прозы» Сунь Кай-ди [10] его название не упомянуто.

[10] 孙楷第, 中國通俗小說書目, 北京. (Сунь Кай-ди, *Сводный каталог китайской художественной прозы*, Пекин, 1958).

Попытаемся определить время написания романа «Ссянъчхон кыйбонъ». Качество бумаги и почерк не дают никаких сведений для датировки [11].

Верхней границей является, очевидно, 1894 год (год опубликования первого тома «Библиографии» Курана); нижней можно считать 1572 г. — наиболее позднюю из упомянутых в тексте романа дат. В XXII тетради рукописи на стр. 55-а сказано: 늉경황뎨ᄉᆡ 외셜초외칠ᄃᆡ손 셜문이 급뎨ᄒᆞ 야한림학ᄉᆞᄉᆞ긔를닷글ᄉᆡ «Во времена государя, правившего под девизом Нюнъ-гёнъ, потомок Сёля в седьмом колене Сёль Мун, сдав государственные экзамены и получив звание *халлима хакса*, приводил в порядок [семейную] хронику...» Нюнъ-гёнъ — китайское Лунцин — девиз правления минского Муцзуна (1567—1572).

IV тетрадь рукописи имеет шмуцтитул:

甲申正月日雙釧奇逢 — год *капсин*, первая луна, день, «Удивительное соединение двух браслетов»;

甲申正月十二日雙釧奇逢 — год *капсин*, первая луна, двенадцатый день, «Удивительное соединение двух браслетов».

Вторая запись сделана, по-видимому, потому, что в первой пропущено число.

На этом шмуцтитуле указан в циклическом летосчислении год *капсин* (甲申). С 1572 (нижняя граница) по 1894 г. (верхняя граница) циклической датой *капсин* обозначались 1644, 1704, 1764, 1824, 1884 гг.

Какую же из этих пяти дат необходимо идентифицировать с годом *капсин*? Мы полагаем, что 1884 год. Просмотрев колофоны и пометки на других рукописях коллекции Астона, можно убедиться, что эта же циклическая дата встречается на следующих памятниках:

1. С—5 [12] (рукопись без заглавия) — сборник рассказов и

[11] Подробно вопрос об отношении качества бумаги и характера почерка к датировке корейских рукописей рассмотрен О. П. Петровой в ее предисловии к первому выпуску «Описания письменных памятников корейской культуры», М.—Л., 1956.

[12] Здесь и далее шифры рукописей даны по инвентарной описи собрания памятников корейской культуры Рукописного отдела Института народов Азии АН СССР.

диалогов на корейском языке, составленный Пак Чхон Сиком и др. для Астона во время его пребывания в Корее. На стр. 359 (по китайской пагинации) этой рукописи есть колофон:甲申十一月二十三日小貞洞書齋.

2. Д — 16, 玄氏雙麟記. На V тетради этой рукописи имеется пометка: 甲申五月二十三日.

3. С—17, 報恩記偶錄. В конце I тетради рукописи имеется пометка: 甲申四月十日汝祖卿万石.

Владелец коллекции корейских рукописей Астон был в Корее консулом с 1884 по 1886 г. Циклическая дата *капсин* 甲申 приходится как раз на первый год его консульской работы — на 1884 г. Можно предположить, что 1884 год является не годом создания памятника, а годом его переписки (возможно — специально для Астона) или приобретения. Иначе трудно объяснить, почему эта дата так часто упоминается в рукописях коллекции.

В пользу этого предположения говорят следующие факты:

1. При сравнении почерка рукописи «Ссянъчхон кыйбонъ» с почерками других рукописных романов той же коллекции обнаружилось, что этим почерком написана рукопись С — 36, 和靜善行錄 (за исключением 2-й и 3-й тетрадей), а также XXII и XXIII тетради рукописи Д — 14, 河陳兩門錄 (остальные тетради рукописи Д — 14 написаны другим почерком).

2. На страницах рукописи «Ссянъчхон кыйбонъ» имеются исправления и вставки (иногда размером 1—2 строки), сделанные черной и красной тушью, написанные тем же почерком, что и вся рукопись (т. VI, стр. 37-б; т. VII, стр. 49-б; т. VIII, стр. 21-б; т. X, стр. 41-а; т. IX, стр. 29-а; т. XI, стр. 27-б; 28-а; т. XIV, стр. 28-б). Эти исправления и вставки могли быть сделаны переписчиком при позднейшей сверке данной рукописи с оригиналом или каким-либо другим списком этого произведения.

Рассмотрим теперь, является ли язык рукописи, помеченной 1884 г., языком XIX в. Воспользуемся теми фактами языка, наличие или, наоборот, отсутствие которых в языке памятника дает возможность приблизительной его датировки. Здесь имеется в виду оформление существительного в именительном

падеже одним или двумя показателями и соблюдение закона гармонии гласных при образовании дательного падежа существительных. В средневековом корейском языке был только один показатель именительного падежа — 이 «и» — единый для слов, оканчивающихся на закрытый слог, и для слов с открытым конечным слогом. В дальнейшем в языке появляется особый показатель именительного падежа —가 «га» — для открытого слога. Посмотрим, как оформлено существительное с открытым слогом в именительном падеже в данном памятнике, и сравним его с рукописями и ксилографами XIX в.

«Ссянъчхон кыйбонъ»	Памятники XIX в.
누쉬 만면ᄒᆞ야	포슈가위션ᄒᆞᆫ손으로그년의
	칙를 감아쥐고
Слезы залили лицо... (т. I, стр. 4-а).	Стражник сначала схватил эту бабу за волосы и намотал их на руку... (С—5, рук. 1884 г., стр. 129).
칙죄 긔특ᄒᆞᆫ지라	그사ᄅᆞᆷ은진조가만타ᄒᆞᆸ
Талант удивительный... (т. I, стр. 48-а).	닉다
	Говорят, что у него много талантов (В — 15, ксилограф 1880 г., стр. 7-б).
턴해 그음 업시너ᄅᆞ니	댱마가連日긋치아니ᄒᆞᆫ올 거로
Поднебесная беспредельно широка (т. I, стр. 27-а).	Ливень не прекращался несколько дней (С — 6, рук. 1876 г., стр. 15).
부뫼 엄금ᄒᆞ니	조모가 업셔 계신가
Родители были строги (т. I, стр. 10-а).	Здравствует ли ваша матушка? (В — 4, рук. 1841 г., стр. 95).

Мы видим, что в рукописи «Ссянъчхон кыйбонъ» для именительного падежа в открытом слоге используется тот же показатель, что и в закрытом слоге, в то время как в цитированных памятниках XIX в. — открытый слог имеет особый показатель 가 «га».

Указанная особенность языка романа «Удивительное соединение двух браслетов» дает возможность предположить, что рукопись была написана раньше XIX в.

Закон гармонии гласных, который строго соблюдался в раннесредневековом языке, в памятниках XIX в. не прослеживается. Так, например, противоположение 의//에~의//애, характерное для раннесредневекового корейского языка, снимается в пользу окончаний 의//에. Отсутствие противоположения двух видов дательного падежа, свидетельствующее о нарушении закона гармонии гласных, характерно и для исследуемого памятника.

Вот несколько примеров:

슬하의우러
Плача у колен [матери] (т. II, стр. 15-а).

혹 이곳의 마조가 두려ᄒᆞ야
Боялся не встретиться бы в этом месте... (т. X, стр. 2-а).

녀ᄋᆞ의 방등의 니ᄅᆞ니
Привел [его] в комнату девушки... (т. I, стр. 13-а).

Совсем иначе обстояло дело в XVII в., когда гармония гласных при образовании дательного падежа, за редким исключением, соблюдалась. Возьмем несколько примеров из ксилографа 1667 г. 小學諺解

黨당애庠상이 이시며
На пятьсот домов есть школа... (стр. 47).

小쇼學ᄒᆞᆨ애ᄂᆞᆫ말이라
Что говорится в «Малом учении»... (стр. 21).

ᄉᆞ믈세헌히 예嫁가홀ᄯᅴ니라
В двадцать три года выдают замуж... (стр. 45).

Этот факт дает возможность предположить, что памятник «Ссянъчхон кыйбонъ» был написан после XVII в.

Остается сравнить язык романа с языком одного из памятников XVIII в. как по линии оформления существительного в дательном падеже, так и по линии действия закона гармонии гласных в дательном падеже:

«Ссянъчхон кыйбонъ»	Д—13, 敬信錄[諺譯] ксилограф 1796 г.

а) именительный падеж

텬ᄌᆡ슈도로ᄉᆞᆼ샹을각별위로ᄒᆞ시고	녀ᄌᆡ유슌치못ᄒᆞ야
Сын неба, выразив соболезнование, утешил *сынъсянъа*... (т. XXII, стр. 17-б).	Женщина, будучи непокорной... (стр. 5-б).
댱쟤왈	청의ᄉᆞ쟤날을잡아가더니
Почтенный муж сказал... (т. I, стр. 251а).	Цинский посол схватил меня... (стр. 54-а).

б) дательный падеж

открытый гласный корня

ᄆᆞᅀᆞᆷ의 ᄎᆞᆼ연ᄒᆞ더니	공이ᄆᆞᅀᆞᆷ의 이샹이녁여
[*Сиран* Ли] в душе огорчился... (т. X, стр. 1-а).	Конъ, в душе сочтя это необычным... (стр. 34-б).

закрытый гласный корня

집의니ᄅᆞ러	그ᄃᆡ집의근심ᄒᆞ고탄식ᄒᆞᆷ믈듯고
Подойдя к дому... (т. II, стр. 2-б).	Слышал, как беспокоятся и вздыхают в вашем доме... (стр. 34-б).

Итак, в языке памятника XVIII в., так же как и в романе «Ссянъчхон кыйбонъ», закон гармонии гласных в дательном падеже не соблюдается, а именительный падеж в обоих памятниках имеет для открытого слога те же окончания, что и для закрытого.

Таким образом, мы приходим к заключению, что язык публикуемого романа не является языком XIX в. Но он не является и языком XVII в., о чем свидетельствуют наши наблюдения над употреблением дательного падежа, поэтому памятник «Ссянъчхон кыйбонъ» с большой долей вероятности можно датировать XVIII в.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов)	
Перевод	21
Примечания	75
Текст	79

Корректор *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 18/IX 1961 г. Подписано к печати 19/II 1962 г. А-03147
Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 12,75. Уч.-изд. л. 11,12. Тираж 1250 экз. Зак. 1263 Цена 70 коп.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2
Типография Издательства восточной литературы. Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Рукописном отделе Института народов Азии АН СССР в числе рукописей и ксилографов бывшей коллекции известного английского востоковеда В. Г. Астона находится рукопись романа «Удивительное соединение двух браслетов» (雙釧奇逢) — «Ссянъчхон кыйбонъ» (С—2). Рукопись включает 22 тетради с общим количеством листов 1233 (публикуемая I тетрадь содержит 02+59 лл.) 28,5×19,5 *см*, размер текста 26×16 *см* по 10 строк на странице; пагинация китайская, по тетрадям; бумага корейская, плотная, желтоватая, пропитанная маслом. Памятник написан корейским буквенным письмом *(кукмун)*, полускорописью, местами скорописью, время создания его и автор не обозначены.

Известные нам библиографические справочники и литературоведческие работы дают следующие сведения об этом романе.

В первом томе «Bibliographie Coréenne» [1] под № 933 значится произведение под названием

쌍천긔봉
雙川奇逢 (?) [2]

По-видимому, Куран непосредственно не был знаком с этой рукописью. В иероглифической записи названия второй иероглиф 釧 представлен только фонетической частью 川. Очевидно, поэтому автором сделан неверный перевод заглавия: «Rencontre merveilleuse des deux fleuves» («Удивительная встреча двух рек»).

[1] Maurice Courant. *Bibliographie Coréenne*, Paris, 1894.
[2] Знак вопроса принадлежит Курану.

О романе «Ссянъчхон кыйбонъ» и о произведениях сходного жанра упоминается в работе Ким Тхэ Чжуна «История корейской повествовательной литературы» [3]. Однако автор ссылается только на библиографию Курана.

В работе Цой Хён Бэ «Изучение корейской письменности» [4] об этом романе ничего не сказано, хотя в ней дается подробное описание сохранившихся памятников (рукописей, ксилографов и старопечатных книг), написанных корейским буквенным письмом. Нет указаний на этот памятник и в работе Маэма Кёсаку «Каталог старых корейских книг» [5].

Отсутствие данных об этом памятнике в библиографических работах дает возможность предположить, что публикуемая рукопись — редкая или, быть может, уникальная.

«Ссянъчхон кыйбонъ» относится к жанру романа, появившемуся в Корее во второй половине XVII в. Это был период, когда в недрах феодального общества зарождались новые отношения, развивались ремесло и торговля, росли города и городское население, которое все настойчивее требовало прав гражданства. В связи с кризисом феодальной системы обострилась борьба *янбанских* [6] группировок. Все быстрее шел процесс разорения мелких и средних *янбаней*. Во всех слоях средневекового общества зрело недовольство существующими порядками. Это недовольство обобщалось и формировалось оппозиционными идеологическими течениями, возникавшими в среде передовой части правящего класса. Наиболее сильную оппозицию представляло движение, которое появилось в середине XVII в. и проходило под лозунгом «за реальные знания», откуда оно и получило свое название «сирхак» — движение «за реальные науки». Лозунг был выбран не случайно. В условиях

[3] 金俊, 朝鮮小說史, 서울, (Ким Тхэ Чжун, *История корейской повествовательной литературы*, Сеул, 1939).

[4] 최현배, 한글갈, 서울 (Цой Хён Бэ, *Изучение корейской письменности*, Сеул, 1942).

[5] 前間恭, 古鮮册譜, 東京, (Маэма Кёсаку, *Каталог старых корейских книг*, Токио, 1954).

[6] Янбани — представители высшего сословия в феодальной Корее.

господства конфуцианской идеологии средневековая наука сводилась в основном к толкованию классических конфуцианских книг, в то время как развитие общества толкало человечество на поиски практических знаний, которые способствовали бы развитию реальных наук. Зачинателями этого движения были крупные ученые XVII в. Лю Хён Вон (1622—1673) и Пак Се Дан (1629—1703).

Деятельность просветителей-сирхакистов не ограничивалась пропагандой естественных наук. Они противопоставляли официальному, ортодоксальному конфуцианству комплекс идей, правда, еще открыто не порвавших с конфуцианством, но уже несших в себе зерна демократического и в известной мере буржуазного мировоззрения.

Одним из основных вопросов, волновавших сирхакистов, был вопрос о месте и роли личности в обществе, о взаимоотношениях человека и общества. Впервые эти вопросы были затронуты в художественной литературе XVII в., когда появились крупные по объему произведения, дававшие возможность на примере истории целого поколения, а часто и нескольких, проследить жизнь представителей самых различных общественных прослоек. В этот период получили распространение переводы китайских романов самого разнообразного характера, таких, например, как «Сон в красном тереме», «Речные заводи», «Троецарствие», «Путешествие на запад», «Цзинь, Пин, Мэй» и др. Китайские романы определяли в значительной степени вкусы корейских читателей и писателей, создавших оригинальные произведения в этом жанре. Они оказали большое влияние на формирование жанра романа в корейской литературе. Корейский роман испытал воздействие прежде всего социально-бытового китайского романа, в то время как китайский героический роман оказал влияние на повесть (например, такие произведения, как «Повесть о Чо Уне» или «Повесть о Хон Гиль Доне», написанная под явным влиянием «Речных заводей»).

Появляются романы как на китайском языке, так и на корейском. Однако романы на китайском языке не получили ши-

рокого распространения, они почти не переиздавались, на корейский язык не переводились и были забыты[7]. Роман же на корейском языке, напротив, быстро развивался и стал одним из популярных прозаических жанров.

Первым корейским романом на родном языке был «Облачный сон девяти» (九雲夢) Ким Ман Чжуна (金萬重), появившийся в конце XVII в.; близким к роману произведением была и его повесть «Скитания госпожи Са по югу». Эти произведения выдающегося писателя средневековья «задали тон» корейскому роману как в отношении проблематики, идейной направленности, так и в отношении художественных особенностей. Следом появился ряд романов, написанных под впечатлением произведений Ким Ман Чжуна. Это — «Онънумонъ» (玉樓夢), «Оннинмонъ» (玉麟夢), «Оннёнмонъ» (玉連夢), из которых наиболее значительным был «Онънумонъ» — «Сон в яшмовом тереме». Эти романы в свою очередь, наряду с произведениями Ким Ман Чжуна, подвели корейскую литературу к созданию многочисленных и самых разнообразных по характеру и объему произведений в этом жанре: «Два семейства Ха и Чжин» (河陳兩門), «Два семейства Лю» (劉氏兩門錄), «Соединение трех семейств Юн, Ха и Чжон» (尹河鄭三門聚錄), и т. д.

«Ссянъчхон кыйбонъ» представляет собой исторический роман типа семейной хроники. Действие его происходит в Китае в правление династии Мин и охватывает период с 1382 по 1572 г. Роман излагает историю пяти поколений дома Ли. Основатель семьи Ли Хён (по-китайски Ли Сянь) — историческое лицо. Были известны два Ли Сяня, которые жили в начале династии Мин. Один из них был приближенным императора Чэнцзу (1403—1425), другой — императора Инцзуна (1457—1465). Если сравнить биографии этих лиц[8]

[7] Подробно об этом см.: Ким Тхэ Чжун, *История корейской повествовательной литературы*, стр. 161—166.

[8] 中國人名辞典, 上海, (Большой словарь китайских имен), Шанхай, 1921.

с жизненным путем Ли Хёна, можно убедиться в том, что в истории героя романа слились биографии двух лиц. В основу романа легли некоторые факты из жизни Ли Сяня — приближенного Чэнцзу. Однако ему приписаны государственная деятельность, чины и звания другого Ли Сяня, жившего несколько позже. Автором был создан синтезированный, художественно переосмысленный образ героя, жизнь и деятельность которого стали основной сюжетной канвой начала романа.

«Ссянъчхон кыйбонъ»—многоплановое произведение с очень сложным и разветвленным сюжетом. Названием своим он обязан одной из второстепенных сюжетных линий, которая не занимает важного места в романе, а привносит лишь дополнительную занимательность. Это история соединения двух браслетов, принадлежавших семейству Ли. Некогда один из золотых браслетов был потерян и впоследствии найден в семье Со. Браслеты были вновь соединены только через несколько поколений, когда сочетались браком юноша из семейства Ли и девушка из дома Со.

Роман во многих отношениях перекликается со «Скитаниями госпожи Са по югу». Неизвестный автор, продолжая традиции Ким Ман Чжуна и в то же время полемизируя с ним, идет гораздо дальше в решении поднятых вопросов. Вспомним повесть о госпоже Са: героиню произведения, по клеветническому обвинению наложницы, муж изгоняет из дома. Она вынуждена скитаться несколько лет, пока ее муж, узнав, что она не виновна, не восстанавливает справедливость.

Автор «Ссянъчхон кыйбонъ» усложняет ситуацию: если госпожа Са счастливо возвращается в семью, то одной из героинь романа, госпоже Чин, приходится тяжелее, так как в жизни не всегда торжествует справедливость. Автор предусматривает другой исход той же ситуации: что получается в том случае, если при жизни глава семьи не исправит свою ошибку? Ли Мён, отец одного из главных героев романа, Ли Хёна, и супруг госпожи Чин, допустивший несправедливость по отношению к своей жене и будущему сыну и не исправивший ее, сам становится жертвой собственного преступления — он гибнет.

Его жена обречена на бедствия, ей одной приходится воспитывать сына и думать о будущем. Сын не может быть счастлив, потому что расплачивается за проступок отца.

Привлекая с самого начала внимание читателя к проблеме ответственности человека перед другими людьми, с которыми он связан родственными или иными отношениями, автор в дальнейшем рассматривает ту же проблему в различных ситуациях и сюжетных комбинациях и подводит читателя к выводу: человек, особенно если он облечен властью и от него зависят судьбы многих людей, должен быть строг к себе и справедлив. Но где же искать критерий справедливости в человеческих отношениях, которые в современном автору обществе явно нуждаются в улучшении, в исправлении? Автор романа, так же как и корейские просветители XVII—XVIII вв., в поисках справедливости обращается к «чистому» конфуцианству, видя избавление от общественных зол в строгом, истинном, соблюдении конфуцианских правил в отношениях между людьми.

В романе Ли Мёну, пренебрегшему правилами пяти отношений, противопоставлен его сын Ли Хён — воплощение конфуцианских идеалов сына, мужа и отца. Но автор в своем желании создать идеальный образ по конфуцианской мерке доходит иногда до абсурда. Так, проводя гуманистическую идею о том, что человек должен думать о других (Ли Хён не может предаться горю, так как ему надо заботиться о своей матери) и должен следовать своему долгу, автор заставляет героя сначала соблюдать трехлетний траур по отцу и только после этого поинтересоваться, где скитается его жена, которая была вынуждена покинуть родные места ради того, чтобы сохранить верность мужу.

Однако автору не всегда удается примирить живое движение человеческого чувства с той схемой, которую он предложил в начале романа. Любопытным примером может служить история одной из героинь романа, Пин Сён, — дочери Ли Хан Сёна (старшего сына Ли Хёна). Здесь автор рассматривает еще один вариант традиционной ситуации: жена вынуждена покинуть дом мужа, внявшего клевете. Пин Сён, изгнанная из дома, возвращается к родителям, где живет тайком восемь лет и растит сына. Ее муж Лё Ик, узнав, что жена не виновна, пытается найти ее. С трудом разыскав, он возвращает ее в свою семью. Внешне все идет так, как положено, «в рамках приличия»: жена должна снова жить в доме мужа, если он считает, что она этого заслуживает. Молодая женщина возвращается. Она почтительна к родителям мужа, придерживается установленных правил и по отношению к своему супругу, но, как говорит автор, «молодая жена была по-прежнему холодна к мужу как лед. Глубокая любовь молодого Лё была подобна Тайшани, но он не мог проявить ее»[9]. Казалось бы, естественно, что женщина не может сразу простить мужу незаслуженную глубокую обиду. Однако писать об этом нельзя: это противоречило бы нормам конфуцианской морали и той программе, которую автор сам выдвигает; но и заставить свою героиню вести себя иначе автор не может: быстрое примирение Пин Сён с мужем противоречило бы образу героини — женщины с решительным и сильным характером. Поэтому автор прибегает к своеобразному оправданию Пин Сён: оказывается, ничто не зависит от нее. Она должна вести себя именно так, а не иначе за проступки в прошлых перерождениях. Автор ссылается на чудесную книгу, полученную Ли Хёном от духов, где описаны деяния большинства персонажей романа в их прошлой жизни. Она нужна автору для оправдания чересчур самостоятельного поведения героев, чаще героинь (Пин Сён из дома Ли и девушки из дома Со, соединившей свой браслет с браслетом Ли Мон Чхана — внука Ли Хёна).

Роман отражает жизнь людей во всей ее сложности; герои сами находят выход из создавшихся трудностей. Так, изгнанная несправедливо из дома госпожа Чин не водворяется обратно волею мужа или государя. Она сама растит сына и дает ему образование. Справедливость не восстанавливается вмешательством чуда или волей мудрого правителя. Сын, выросший

[9] «Ссянъчхон кыйбонъ», т. XXII, стр. 43-а.

без отца и не имеющий влиятельных покровителей, добивается высокого положения и дружбы родственника государя лишь благодаря собственным талантам, уму и прозорливости.

Автор «Ссянъчхон кыйбонъ», как правило, не идивидуализирует портреты и характеры своих героев. Персонажи романа наделены чертами исключительности: они необычайно талантливы. Если это мужчина, то он либо выдающийся государственный деятель, ученый, либо талантливый полководец; если это женщина, то она непременно добродетельна и образованна. Однако автор, верный просветительским тенденциям, переносит свои симпатии на женские образы и делает в отдельных случаях попытки наметить некоторые индивидуальные черты в облике и характерах героинь. Таковы Со и Ли Пин Сён.

Женские образы в романе гораздо ярче и живее мужских. Автор ставит своих героинь в такие ситуации, где они, действуя самостоятельно, могли бы проявить решительность, настойчивость в достижении цели, преданность долгу, ум и т. д. Почти каждой из них по тем или иным причинам приходилось пережить скитания на чужбине (например, госпожи Чин, Лю, Со, Ли Пин Сён). Чин и Лю, рано потерявшим мужей, приходится самим заботиться о семье и о процветании рода. Их жизнь и деятельность имеют, таким образом, самостоятельное общественное значение. Женщина представлена в романе активной, способной мыслить и действовать независимо, не уступая мужчине. В этом отношении просветительские тенденции Ким Ман Чжуна, намеченные в романах «Облачный сон девяти» и «Скитания госпожи Са по югу», развиты и углублены.

Действие романа развивается стремительно, повороты сюжета зачастую неожиданны, ситуации — остры и напряженны. Автор неистощимо изобретателен в придумывании сложных сюжетных ходов, иногда далеко уводящих от основной канвы романа. Ни одна из намеченных ситуаций не повторяется, и все главные и дополнительные сюжетные линии имеют логическое завершение. Действие в романе развертывается на протяжении двух веков, и перед читателем проходят десятки ге-

роев, с каждым из которых связана какая-нибудь занимательная история.

Основное внимание автора сосредоточено на действии, интриге, ситуации. Об этом свидетельствует отказ от ряда художественных приемов и средств, характерных для других прозаических жанров. Например, в отличие от повести, уделявшей особое внимание пейзажу, внешности героя, бытовым зарисовкам, переживаниям героев, и потому часто включавшей в себя цитаты и стихи — китайские или корейские, а иногда весь текст повести был написан ритмической прозой, — в романе нет ни корейских, ни китайских стихов — необходимого условия в повести для описания чего-нибудь красивого, выдающегося. Если иногда и употребляются китайские поэтические образы, то автор их не подчеркивает.

Внимание автора больше сосредоточено на действии, стремлении ярче и красочнее изобразить его. Воспитанный на китайских литературных образцах, он прибегает к китайскому литературному языку. В результате язык романа изобилует сочетаниями четырех и более иероглифов, записанных корейским буквенным письмом. Они не отражены в словарях и с большим трудом поддаются пониманию.

Чтение романа требует очень хорошего знания китайского языка, умения оперировать китайскими односложными словами (иероглифами), а не только знания определенного, пусть даже обширного, запаса устойчивых традиционных китайских образов. Таким образом, корейский роман был рассчитан на весьма квалифицированного читателя, знакомого с литературным языком. Он в значительно большей степени использовал ресурсы китайского литературного языка, чем корейская повесть и поэзия в жанрах *сичжо* и *каса*.

Большой объем романа, так же как сложность языка, не способствовал широкому его распространению в корейском обществе XVII—XIX вв. Роман, отнюдь не поощрявшийся официально, был предметом чтения в образованных кругах общества, поэтому, как и повесть, он оставался анонимным и больше, чем повесть, рукописным.

Роман «Ссянъчхон кыйбонъ», излагающий события из истории Китая, представляет собой, по-видимому, оригинальное корейское произведение. Как известно, перенесение места действия в Китай является одной из традиций корейской литературы (ср., например, произведения Ким Ман Чжуна «Скитания госпожи Са по югу», где действие происходит в Китае эпохи Мин, «Облачный сон девяти», где также действие происходит в Китае эпохи Тан, или новеллы Пак Чи Вона). Кроме того, в романе есть целый ряд признаков, отличающих его от китайских произведений этого жанра. Китайский роман, как правило, разбит на главы; в «Ссянъчхон кыйбонъ» такое деление отсутствует. Затем, китайский роман обычно имеет пролог; «Ссянъчхон кыйбонъ» начинается непосредственно с изложения событий, что соответствует корейской литературной традиции. Специфично также использование художественных средств для описания внешности героев. Традицией китайской литературы выработаны каноны для описания женской и мужской красоты. Смешение сфер применения этих традиционных образов в китайской литературе было бы невозможно. Между тем в публикуемом романе образы женской красоты использованы для описания внешности как женщин, так и мужчин.

Об оригинальности этого произведения свидетельствует также заключительная фраза романа — обращение к читательницам: 부인이 ᄂᆞ리보아 ᄌᆞ시알지어다 «Вы, госпожи, прочтя, разберетесь [в этом]». Как известно, литература, написанная корейским буквенным письмом, презрительно именовавшимся «женским письмом», обычно предназначалась для простолюдинов и женщин. Такое обращение к читательницам — явление, безусловно, корейское.

И наконец, в пользу предположения об оригинальном, корейском, происхождении этого произведения свидетельствует тот факт, что в «Сводном каталоге китайской художественной прозы» Сунь Кай-ди [10] его название не упомянуто.

[10] 孙楷第, 中國通俗小說書目, 北京. (Сунь Кай-ди, *Сводный каталог китайской художественной прозы*, Пекин, 1958).

Попытаемся определить время написания романа «Ссянъчхон кыйбонъ». Качество бумаги и почерк не дают никаких сведений для датировки [11].

Верхней границей является, очевидно, 1894 год (год опубликования первого тома «Библиографии» Курана); нижней можно считать 1572 г. — наиболее позднюю из упомянутых в тексте романа дат. В XXII тетради рукописи на стр. 55-а сказано: 늉경황뎨ᄉᆡ 외셜초외칠ᄃᆡ손 셜문이 급뎨ᄒᆞ 야한림학ᄉᆞᄉᆞ긔를닷글ᄉᆡ «Во времена государя, правившего под девизом Нюнъ-гёнъ, потомок Сёля в седьмом колене Сёль Мун, сдав государственные экзамены и получив звание *халлима хакса*, приводил в порядок [семейную] хронику...» Нюнъ-гёнъ — китайское Лунцин — девиз правления минского Муцзуна (1567—1572).

IV тетрадь рукописи имеет шмуцтитул:

甲申正月日雙釧奇逢 — год *капсин*, первая луна, день, «Удивительное соединение двух браслетов»;

甲申正月十二日雙釧奇逢 — год *капсин*, первая луна, двенадцатый день, «Удивительное соединение двух браслетов».

Вторая запись сделана, по-видимому, потому, что в первой пропущено число.

На этом шмуцтитуле указан в циклическом летосчислении год *капсин* (甲申). С 1572 (нижняя граница) по 1894 г. (верхняя граница) циклической датой *капсин* обозначались 1644, 1704, 1764, 1824, 1884 гг.

Какую же из этих пяти дат необходимо идентифицировать с годом *капсин*? Мы полагаем, что 1884 год. Просмотрев колофоны и пометки на других рукописях коллекции Астона, можно убедиться, что эта же циклическая дата встречается на следующих памятниках:

1. С—5 [12] (рукопись без заглавия) — сборник рассказов и

[11] Подробно вопрос об отношении качества бумаги и характера почерка к датировке корейских рукописей рассмотрен О. П. Петровой в ее предисловии к первому выпуску «Описания письменных памятников корейской культуры», М.—Л., 1956.

[12] Здесь и далее шифры рукописей даны по инвентарной описи собрания памятников корейской культуры Рукописного отдела Института народов Азии АН СССР.

диалогов на корейском языке, составленный Пак Чхон Сиком и др. для Астона во время его пребывания в Корее. На стр. 359 (по китайской пагинации) этой рукописи есть колофон:甲申十一月二十三日小貞洞書齋.

2. Д — 16, 玄氏雙麟記. На V тетради этой рукописи имеется пометка: 甲申五月二十三日.

3. С—17, 報恩記偶錄. В конце I тетради рукописи имеется пометка: 甲申四月十日汝祖卿万石.

Владелец коллекции корейских рукописей Астон был в Корее консулом с 1884 по 1886 г. Циклическая дата *капсин* 甲申 приходится как раз на первый год его консульской работы — на 1884 г. Можно предположить, что 1884 год является не годом создания памятника, а годом его переписки (возможно — специально для Астона) или приобретения. Иначе трудно объяснить, почему эта дата так часто упоминается в рукописях коллекции.

В пользу этого предположения говорят следующие факты:

1. При сравнении почерка рукописи «Ссянъчхон кыйбонъ» с почерками других рукописных романов той же коллекции обнаружилось, что этим почерком написана рукопись С — 36, 和靜善行錄 (за исключением 2-й и 3-й тетрадей), а также XXII и XXIII тетради рукописи Д — 14, 河陳兩門錄 (остальные тетради рукописи Д — 14 написаны другим почерком).

2. На страницах рукописи «Ссянъчхон кыйбонъ» имеются исправления и вставки (иногда размером 1—2 строки), сделанные черной и красной тушью, написанные тем же почерком, что и вся рукопись (т. VI, стр. 37-б; т. VII, стр. 49-б; т. VIII, стр. 21-б; т. X, стр. 41-а; т. IX, стр. 29-а; т. XI, стр. 27-б; 28-а; т. XIV, стр. 28-б). Эти исправления и вставки могли быть сделаны переписчиком при позднейшей сверке данной рукописи с оригиналом или каким-либо другим списком этого произведения.

Рассмотрим теперь, является ли язык рукописи, помеченной 1884 г., языком XIX в. Воспользуемся теми фактами языка, наличие или, наоборот, отсутствие которых в языке памятника дает возможность приблизительной его датировки. Здесь имеется в виду оформление существительного в именительном

падеже одним или двумя показателями и соблюдение закона гармонии гласных при образовании дательного падежа существительных. В средневековом корейском языке был только один показатель именительного падежа — 이 «и» — единый для слов, оканчивающихся на закрытый слог, и для слов с открытым конечным слогом. В дальнейшем в языке появляется особый показатель именительного падежа —가 «га» — для открытого слога. Посмотрим, как оформлено существительное с открытым слогом в именительном падеже в данном памятнике, и сравним его с рукописями и ксилографами XIX в.

«Ссянъчхон кыйбонъ»	Памятники XIX в.
누쉬 만면ᄒᆞ야	포슈가위션ᄒᆞᆫ손으로그년의
	칙를 감아쥐고
Слезы залили лицо... (т. I, стр. 4-а).	Стражник сначала схватил эту бабу за волосы и намотал их на руку... (С—5, рук. 1884 г., стр. 129).
칙죄 긔특ᄒᆞᆫ지라	그사ᄅᆞᆷ은진조가만타ᄒᆞᆸ
Талант удивительный... (т. I, стр. 48-а).	닉다
	Говорят, что у него много талантов (В — 15, ксилограф 1880 г., стр. 7-б).
턴해 그음 업시너ᄅᆞ니	댱마가連日긋치아니ᄒᆞᆫ올 거로
Поднебесная беспредельно широка (т. I, стр. 27-а).	Ливень не прекращался несколько дней (С — 6, рук. 1876 г., стр. 15).
부뫼 엄금ᄒᆞ니	조모가 업셔 계신가
Родители были строги (т. I, стр. 10-а).	Здравствует ли ваша матушка? (В — 4, рук. 1841 г., стр. 95).

Мы видим, что в рукописи «Ссянъчхон кыйбонъ» для именительного падежа в открытом слоге используется тот же показатель, что и в закрытом слоге, в то время как в цитированных памятниках XIX в. — открытый слог имеет особый показатель 가 «га».

Указанная особенность языка романа «Удивительное соединение двух браслетов» дает возможность предположить, что рукопись была написана раньше XIX в.

Закон гармонии гласных, который строго соблюдался в раннесредневековом языке, в памятниках XIX в. не прослеживается. Так, например, противоположение 의//에~의//애, характерное для раннесредневекового корейского языка, снимается в пользу окончаний 의//에. Отсутствие противоположения двух видов дательного падежа, свидетельствующее о нарушении закона гармонии гласных, характерно и для исследуемого памятника.

Вот несколько примеров:

슬하의우러
Плача у колен [матери] (т. II, стр. 15-а).

혹 이곳의 마조가 두려ᄒᆞ야
Боялся не встретиться бы в этом месте... (т. X, стр. 2-а).

녀ᄋᆞ의 방등의 니ᄅᆞ니
Привел [его] в комнату девушки... (т. I, стр. 13-а).

Совсем иначе обстояло дело в XVII в., когда гармония гласных при образовании дательного падежа, за редким исключением, соблюдалась. Возьмем несколько примеров из ксилографа 1667 г. 小學諺解

黨당애庠상이 이시며
На пятьсот домов есть школа... (стр. 47).

小쇼學ᄒᆞᆨ애ᄂᆞᆫ말이라
Что говорится в «Малом учении»... (стр. 21).

ᄉᆞ믈세헌히 예嫁가홀ᄯᅴ니라
В двадцать три года выдают замуж... (стр. 45).

Этот факт дает возможность предположить, что памятник «Ссянъчхон кыйбонъ» был написан после XVII в.

Остается сравнить язык романа с языком одного из памятников XVIII в. как по линии оформления существительного в дательном падеже, так и по линии действия закона гармонии гласных в дательном падеже:

«Ссянъчхон кыйбонъ»	Д—13, 敬信錄[諺譯] ксилограф 1796 г.

а) именительный падеж

텬ᄌᆡ슈도로ᄉᆞᆼ샹을각별위로ᄒᆞ시고	녀ᄌᆡ유슌치못ᄒᆞ야
Сын неба, выразив соболезнование, утешил *сынъсянъа*... (т. XXII, стр. 17-б).	Женщина, будучи непокорной... (стр. 5-б).
댱쟤왈	청의ᄉᆞ쟤날을잡아가더니
Почтенный муж сказал... (т. I, стр. 251а).	Цинский посол схватил меня... (стр. 54-а).

б) дательный падеж

открытый гласный корня

ᄆᆞᅀᆞᆷ의 ᄎᆞᆼ연ᄒᆞ더니	공이ᄆᆞᅀᆞᆷ의 이샹이녁여
[*Сиран* Ли] в душе огорчился... (т. X, стр. 1-а).	Конъ, в душе сочтя это необычным... (стр. 34-б).

закрытый гласный корня

집의니ᄅᆞ러	그ᄃᆡ집의근심ᄒᆞ고탄식ᄒᆞᆷ믈듯고
Подойдя к дому... (т. II, стр. 2-б).	Слышал, как беспокоятся и вздыхают в вашем доме... (стр. 34-б).

Итак, в языке памятника XVIII в., так же как и в романе «Ссянъчхон кыйбонъ», закон гармонии гласных в дательном падеже не соблюдается, а именительный падеж в обоих памятниках имеет для открытого слога те же окончания, что и для закрытого.

Таким образом, мы приходим к заключению, что язык публикуемого романа не является языком XIX в. Но он не является и языком XVII в., о чем свидетельствуют наши наблюдения над употреблением дательного падежа, поэтому памятник «Ссянъчхон кыйбонъ» с большой долей вероятности можно датировать XVIII в.

Роман «Ссянъчхон кыйбонъ», по-видимому, был создан в эпоху расцвета в Корее повествовательной литературы на родном языке и представляет ее особую ветвь как по жанру, так и по стилю. Знакомство с этим произведением показывает, что в Корее в эпоху средневековья проза была значительно богаче, чем это считалось до сих пор. Дальнейшее изучение жанра романа должно расширить наше представление о средневековой корейской литературе.

明治二十年代の日本人の
外国人に対する態度は、
今日から見ると、
ずいぶんおおらかなものであった。
たとえば、
外国人が日本人の女性と
結婚することについても、
今日ほどやかましくは
言われなかった。
もちろん、
条約改正の問題などで、
外国人の権利が
大きくなることに対しては、
国民の間に
強い反対の声があったが、
個人と個人との
交際については、
今日ほど
神経質ではなかった。
一般の人々は、
外国人を
珍しがりはしたが、
特別に
警戒したり
敵視したりは
しなかった。
これは、
日本人が
自国の文化に
絶対の自信を
持っていたからで、
外国人を
恐れる必要を
感じなかったからである。
また、
外国人の
ほうでも、
日本人を
見下すような
態度は
あまり
見られなかった。
彼らの
多くは、
日本の
美術や
工芸品を
高く
評価し、
日本の
風俗や
習慣を
尊重した。

ಕಲಿತಂತೆ ಹೆಚ್ಚಿನ ಸಂಖ್ಯೆಯ ಮಕ್ಕಳು ಶಾಲೆಗೆ ಬರುವಂತೆ ಮಾಡಲು ಸಾಧ್ಯವಾಗಿದೆ. ಇದರಿಂದ ಶಾಲೆಯಲ್ಲಿ ಮಕ್ಕಳ ಸಂಖ್ಯೆ ಹೆಚ್ಚ

ﻭﺍﻟﺪﻩ ﺍﻭﺭ ﺍﻥ ﮐﮯ ﺑﻌﺾ ﺭﺷﺘﮧ ﺩﺍﺭ ﺍﻭﺭ ﺩﻭﺳﺖ

ᠮᠣᠨᠭᠭᠣᠯ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠲᠥᠪ ᠪᠠᠢᠷᠢᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠬᠡᠰᠡᠭ ᠤᠨ ᠲᠣᠭᠲᠠᠭᠠᠯ ᠤᠨ ᠵᠠᠭᠠᠯᠠᠨ ᠳᠤ ᠪᠠᠢᠷᠯᠠᠭᠰᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠵᠠᠰᠠᠭ ᠤᠨ ᠶᠡᠬᠡ ᠬᠤᠷᠠᠯ ᠤᠨ ᠲᠥᠯᠥᠭᠡᠯᠡᠭᠴᠢᠳ ᠪᠣᠯ

ಕಾಲಕ್ಕೆ ಸರಿಯಾಗಿ ಮಳೆ ಬಾರದೆ ಇರುವುದು, ಮಳೆ ಬಂದರೂ ಅದು ಸಮರ್ಪಕವಾಗಿ ಬೆಳೆಗಳಿಗೆ ಸಿಗದೆ ಇರುವುದು, ಅಥವಾ ಅತಿಯಾಗಿ ಮಳೆ ಬಂದು ಬೆಳೆಗಳು ಹಾಳಾಗುವುದು ಇವೆಲ್ಲವೂ ಕೃಷಿಯ ಮೇಲೆ ಪರಿಣಾಮ ಬೀರುವ ಅಂಶಗಳಾಗಿವೆ. ಇಂತಹ ಸಂದರ್ಭಗಳಲ್ಲಿ ಕೃಷಿಕರು ಸಾಲ ಮಾಡಿ ಬೆಳೆ ಬೆಳೆದಿರುವುದರಿಂದ ಸಾಲ ತೀರಿಸಲಾಗದೆ ಆತ್ಮಹತ್ಯೆಯಂತಹ ಕೃತ್ಯಗಳಿಗೆ ಮುಂದಾಗುವ ಸಾಧ್ಯತೆಗಳಿವೆ. ಇಂತಹ ಸಂದರ್ಭಗಳಲ್ಲಿ ಸರ್ಕಾರವು ಕೃಷಿಕರಿಗೆ ಸಾಲ ಮನ್ನಾ ಮಾಡುವುದು, ಬೆಳೆ ವಿಮೆ ಮಾಡಿಸುವುದು ಮುಂತಾದ ಕ್ರಮಗಳನ್ನು ಕೈಗೊಳ್ಳಬೇಕಾಗಿದೆ. ಕೃಷಿಕರು ಸಹ ಸಾಲ ಮಾಡಿ ಬೆಳೆ ಬೆಳೆಯುವ ಬದಲು ಕಡಿಮೆ ಖರ್ಚಿನಲ್ಲಿ ಬೆಳೆ ಬೆಳೆಯುವ ಕಡೆಗೆ ಗಮನ ಹರಿಸಬೇಕಾಗಿದೆ. ಸಾಲ ಮಾಡಿ ಬೆಳೆ ಬೆಳೆಯುವುದರಿಂದ ಸಾಲ ತೀರಿಸಲಾಗದೆ ಆತ್ಮಹತ್ಯೆಯಂತಹ ಕೃತ್ಯಗಳಿಗೆ ಮುಂದಾಗುವ ಸಾಧ್ಯತೆಗಳಿವೆ. ಇಂತಹ ಸಂದರ್ಭಗಳಲ್ಲಿ ಸರ್ಕಾರವು ಕೃಷಿಕರಿಗೆ ಸಾಲ ಮನ್ನಾ ಮಾಡುವುದು, ಬೆಳೆ ವಿಮೆ ಮಾಡಿಸುವುದು ಮುಂತಾದ ಕ್ರಮಗಳನ್ನು ಕೈಗೊಳ್ಳಬೇಕಾಗಿದೆ. ಕೃಷಿಕರು ಸಹ ಸಾಲ ಮಾಡಿ ಬೆಳೆ ಬೆಳೆಯುವ ಬದಲು ಕಡಿಮೆ ಖರ್ಚಿನಲ್ಲಿ ಬೆಳೆ ಬೆಳೆಯುವ ಕಡೆಗೆ ಗಮನ ಹರಿಸಬೇಕಾಗಿದೆ.

ಕೃಷಿಯಲ್ಲಿ ಆಧುನಿಕ ತಂತ್ರಜ್ಞಾನವನ್ನು ಬಳಸಿಕೊಳ್ಳುವುದರಿಂದ ಕೃಷಿಯಲ್ಲಿ ಹೆಚ್ಚಿನ ಲಾಭ ಗಳಿಸಲು ಸಾಧ್ಯವಾಗುತ್ತದೆ. ಕೃಷಿಯಲ್ಲಿ ಆಧುನಿಕ ತಂತ್ರಜ್ಞಾನವನ್ನು ಬಳಸಿಕೊಳ್ಳುವುದರಿಂದ ಕೃಷಿಯಲ್ಲಿ ಹೆಚ್ಚಿನ ಲಾಭ ಗಳಿಸಲು ಸಾಧ್ಯವಾಗುತ್ತದೆ.

ಕ್ಷಣ ಮಾತ್ರದಲ್ಲಿ ಗಾಡಿಯೊಳಗಿದ್ದ ಎಲ್ಲಾ ಪ್ರಯಾಣಿಕರೂ ಕೆಳಗಿಳಿದು ಬಂದು ಗಾಡಿಯ ಸುತ್ತಲೂ ನಿಂತು ಕೊಂಡರು. ಅವರಲ್ಲಿ ಕೆಲವರು ಗಾಡಿಯ ಚಕ್ರಗಳನ್ನು ಪರೀಕ್ಷಿಸಿದರು. ಕೆಲವರು ಗಾಡಿಯ ಕೆಳಗೆ ಇಣುಕಿ ನೋಡಿದರು. ಕೆಲವರು ಗಾಡಿಯ ಮೇಲೆ ಹತ್ತಿ ಕುಳಿತಿದ್ದ ಪ್ರಯಾಣಿಕರನ್ನು ಕೆಳಗಿಳಿಯಲು ಹೇಳ

ཀུན་ཏུ་སྤྱོད་པ་ཡི་ཏིང་ངེ་འཛིན་ཐོབ་ཅིང་། ཐུགས་རྗེ་ཆེན་པོ

ಬಿ ಕಳೆದ ಭಾಗದಲ್ಲಿ ನೀವು ಅಂಗಾಂಶ ಮತ್ತು ಅಂಗಗಳ ಬಗ್ಗೆ ಅಧ್ಯಯನ ಮಾಡಿದ್ದೀರಿ. ಈಗ ನಾವು ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ಅಂಗಗಳು ಹೇಗೆ ರೂಪುಗೊಳ್ಳುತ್ತವೆ ಎಂಬುದನ್ನು ಅಧ್ಯಯನ ಮಾಡೋಣ. ಅಂಗಗಳು ಒಂದಕ್ಕಿಂತ ಹೆಚ್ಚು ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ರೂಪುಗೊಂಡಿರುತ್ತವೆ. ಅಂಗಗಳಲ್ಲಿ ಒಂದು ಅಂಗಾಂಶವು ಪ್ರಧಾನವಾಗಿರುತ್ತದೆ. ಉದಾಹರಣೆಗೆ ಹೃದಯವು ಪ್ರಧಾನವಾಗಿ ಸ್ನಾಯು ಅಂಗಾಂಶದಿಂದ ಮಾಡಲ್ಪಟ್ಟಿದೆ. ಆದರೆ ಅದು ಸಂಯೋಜಕ ಅಂಗಾಂಶ, ನರ ಅಂಗಾಂಶ ಮತ್ತು ಎಪಿತೀಲಿಯಲ್ ಅಂಗಾಂಶವನ್ನು ಸಹ ಹೊಂದಿರುತ್ತದೆ. ಅಂಗಗಳು ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ಮಾಡಲ್ಪಟ್ಟಿರುವುದರಿಂದ ಅವು ಅಂಗಾಂಶಗಳಂತೆಯೇ ಅದೇ ಗುಣಲಕ್ಷಣಗಳನ್ನು ಹೊಂದಿರುತ್ತವೆ. ಅಂಗಗಳು ಸಹ ಅಂಗಾಂಶಗಳಂತೆಯೇ ಅದೇ ಕಾರ್ಯಗಳನ್ನು ಹೊಂದಿರುತ್ತವೆ. ಅಂಗಗಳು ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ಮಾಡಲ್ಪಟ್ಟಿರುವುದರಿಂದ ಅವು ಅಂಗಾಂಶಗಳಂತೆಯೇ ಅದೇ ಗುಣಲಕ್ಷಣಗಳನ್ನು ಹೊಂದಿರುತ್ತವೆ. ಅಂಗಗಳು ಸಹ ಅಂಗಾಂಶಗಳಂತೆಯೇ ಅದೇ ಕಾರ್ಯಗಳನ್ನು ಹೊಂದಿರುತ್ತವೆ.

ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ಅಂಗಗಳು ಹೇಗೆ ರೂಪುಗೊಳ್ಳುತ್ತವೆ ಎಂಬುದನ್ನು ಅಧ್ಯಯನ ಮಾಡೋಣ. ಅಂಗಗಳು ಒಂದಕ್ಕಿಂತ ಹೆಚ್ಚು ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ರೂಪುಗೊಂಡಿರುತ್ತವೆ. ಅಂಗಗಳಲ್ಲಿ ಒಂದು ಅಂಗಾಂಶವು ಪ್ರಧಾನವಾಗಿರುತ್ತದೆ. ಉದಾಹರಣೆಗೆ ಹೃದಯವು ಪ್ರಧಾನವಾಗಿ ಸ್ನಾಯು ಅಂಗಾಂಶದಿಂದ ಮಾಡಲ್ಪಟ್ಟಿದೆ. ಆದರೆ ಅದು ಸಂಯೋಜಕ ಅಂಗಾಂಶ, ನರ ಅಂಗಾಂಶ ಮತ್ತು ಎಪಿತೀಲಿಯಲ್ ಅಂಗಾಂಶವನ್ನು ಸಹ ಹೊಂದಿರುತ್ತದೆ. ಅಂಗಗಳು ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ಮಾಡಲ್ಪಟ್ಟಿರುವುದರಿಂದ ಅವು ಅಂಗಾಂಶಗಳಂತೆಯೇ ಅದೇ ಗುಣಲಕ್ಷಣಗಳನ್ನು ಹೊಂದಿರುತ್ತವೆ. ಅಂಗಗಳು ಸಹ ಅಂಗಾಂಶಗಳಂತೆಯೇ ಅದೇ ಕಾರ್ಯಗಳನ್ನು ಹೊಂದಿರುತ್ತವೆ.

ಸಂಗತಿಯನ್ನು ಕೇಳಿ ಅವನ ಮನಸ್ಸಿಗೆ ಬಹಳ ಬೇಸರವಾಯಿತು. ಅವನು ಅಲ್ಲಿಂದ ಹೊರಟು ಹೋಗಿ ಒಂದು ಮರದ ಕೆಳಗೆ ಕುಳಿತು ಕೊಂಡನು. ಅವನ ಮನಸ್ಸಿನಲ್ಲಿ ಅನೇಕ ವಿಚಾರಗಳು ಹುಟ್ಟಿ ಬರಲಾರಂಭಿಸಿದವು. ಅವನು ಯೋಚಿಸಿದನು, "ಈ ಪ್ರಪಂಚದಲ್ಲಿ ಯಾರೂ ಯಾರಿಗೂ ಸಹಾಯ ಮಾಡುವುದಿಲ್ಲ. ಎಲ್ಲರೂ ಸ್ವಾರ್ಥಿಗಳೇ. ಹಣವಿದ್ದರೆ ಮಾತ್ರ ಎಲ್ಲರೂ ಗೌರವಿಸುತ್ತಾರೆ. ಹಣವಿಲ್ಲದವನನ್ನು ಯಾರೂ ಲೆಕ್ಕಕ್ಕೆ ತೆಗೆದುಕೊಳ್ಳುವುದಿಲ್ಲ. ಹಣವಿಲ್ಲದವನು ಎಷ್ಟೇ ಒಳ್ಳೆಯವನಾಗಿದ್ದರೂ ಅವನಿಗೆ ಯಾರೂ ಬೆಲೆ ಕೊಡುವುದಿಲ್ಲ. ಹಣವಿಲ್ಲದವನು ಎಷ್ಟೇ ಬುದ್ಧಿವಂತನಾಗಿದ್ದರೂ ಅವನಿಗೆ ಯಾರೂ ಗೌರವ ಕೊಡುವುದಿಲ್ಲ. ಹಣವಿಲ್ಲದವನು ಎಷ್ಟೇ ಪ್ರತಿಭಾವಂತನಾಗಿದ್ದರೂ ಅವನಿಗೆ ಯಾರೂ ಮನ್ನಣೆ ನೀಡುವುದಿಲ್ಲ. ಹಣವಿಲ್ಲದವನು ಎಷ್ಟೇ ಸಾಧನೆ ಮಾಡಿದರೂ ಅವನಿಗೆ ಯಾರೂ ಪ್ರಶಸ್ತಿ ಕೊ

가 없었다. 이것은 그 당시 문인 사회로 보고 하나의 특
이한 현상이라고 할 수 있을 것이다. 그 이유는 여러 가
지가 있겠지만 그 중에서 가장 큰 것은 당시 문인들이
대부분 벼슬을 하고 있었기 때문에 벼슬을 하지 않고
서는 생활이 어려웠던 것이 아닌가 생각된다. 그러나
이 시기에 있어서 문인들의 생활이 어려웠다고 하여
서 그들이 시를 짓지 않았다는 것은 아니다. 그들은
시를 지었으나 그 시가 전해지지 않았을 뿐이다. 그
들은 시를 지었으나 그 시가 전해지지 않았을 뿐이다.

ಕೆ ನೀಡಿದ ಅಧಿಕಾರವನ್ನು ಚಲಾಯಿಸಿ ಅಂಥ ಅಧಿಕಾರಿಯು ಈ ಕೆಳಗಿನ ಕರ್ತವ್ಯಗಳನ್ನು ನಿರ್ವಹಿಸಬೇಕು ಮತ್ತು

ಕಾಲಿಗೆ ಬಿದ್ದು ಕಣ್ಣೀರಿಟ್ಟು ಕೊಂಡಾಡಿದರು. ಆಗ ಅವರು ಅವಳನ್ನು ಎಬ್ಬಿಸಿ ಸಮಾಧಾನ ಪಡಿಸಿ ಅವಳ ಕೈಯಲ್ಲಿ ಒಂದು ಕಾಗದವನ್ನು ಕೊಟ್ಟು ಅದನ್ನು ಓದಿ ನೋಡಲು ಹೇಳಿದರು. ಅವಳು ಅದನ್ನು ಓದಿ ನೋಡಿ ಅದರಲ್ಲಿ ಬರೆದಿದ್ದ ಸಂಗತಿಗಳನ್ನು ಕೇಳಿ ಬಹಳ ಸಂತೋಷಪಟ್ಟಳು. ಅದರಲ್ಲಿ ಬರೆದಿದ್ದ ಸಂಗತಿಗಳು ಹೀಗಿವೆ. ಅವಳು ಹಿಂದಿನ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಒಬ್ಬ ಬ್ರಾಹ್ಮಣ ಸ್ತ್ರೀಯಾಗಿದ್ದಳು. ಅವಳು ಒಂದು ಸಲ ಒಂದು ಕಾಡಿನಲ್ಲಿ ಹೋಗುತ್ತಿರುವಾಗ ಒಂದು ಹಸುವಿನ ಕರು ಹುಲಿಯ ಬಾಯಿಗೆ ಸಿಕ್ಕಿ ಸಾಯುತ್ತಿರುವುದನ್ನು ಕಂಡಳು. ಆಗ ಅವಳು ಆ ಕರುವನ್ನು ಹುಲಿಯ ಬಾಯಿಂದ ಬಿಡಿಸಿ ಅದರ ಪ್ರಾಣವನ್ನು ಉಳಿಸಿದಳು. ಆ ಪುಣ್ಯದಿಂದ ಅವಳು ಈ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಒಬ್ಬ ರಾಜಕುಮಾರಿಯಾಗಿ ಹುಟ್ಟಿದಳು. ಆ ಕರುವು ಈ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಒಬ್ಬ ರಾಜಕುಮಾರನಾಗಿ ಹುಟ್ಟಿತ್ತು. ಅವಳು ಹಿಂದಿನ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಮಾಡಿದ್ದ ಪುಣ್ಯದ ಫಲವಾಗಿ ಅವಳಿಗೆ ಈ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಒಳ್ಳೆಯ ಗಂಡ ಸಿಕ್ಕಿದ್ದಾನೆ. ಅವಳು ಹಿಂದಿನ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಮಾಡಿದ್ದ ಪಾಪದ ಫಲವಾಗಿ ಅವಳಿಗೆ ಈ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಮಕ್ಕಳಾಗಿರಲಿಲ್ಲ

미안하다는 말을 하고 싶었다. 그러나 그 말은 입 밖으로 나오지 않았다. 그것은 그가 그녀에게 해야 할 말이 아니었기 때문이다. 그는 그녀의 손을 잡고 싶었지만 그럴 수 없었다. 그는 그녀의 눈을 바라보았다. 그녀의 눈은 그를 향하고 있었지만 그를 보고 있지 않았다. 그녀는 그를 보고 있었지만 그를 보고 있지 않았

ಕಾಲಕ್ಕೆ ಮಾಡಿದ ಪಾಪಗಳಿಗೆ ಪ್ರಾಯಶ್ಚಿತ್ತವಾಗಿ ಅವರು ಸಾಯಬೇಕಾಗಿತ್ತು. ಆದರೆ ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲ. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು.

ಕಾಲಕ್ಕೆ ಮಾಡಿದ ಪಾಪಗಳಿಗೆ ಪ್ರಾಯಶ್ಚಿತ್ತವಾಗಿ ಅವರು ಸಾಯಬೇಕಾಗಿತ್ತು. ಆದರೆ ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲ. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು.

ولقد أمرنا بني إسرائيل أن لا يعبدوا إلا الله وحده، وأن يقيموا الصلاة ويؤتوا الزكاة، وأن يحسنوا إلى الوالدين والأقربين واليتامى والمساكين، وأن يقولوا للناس حسنا، وأن يقيموا الصلاة ويؤتوا الزكاة، ثم تولوا إلا قليلا منهم وأنتم معرضون. وإذ أخذنا ميثاقكم لا تسفكون دماءكم ولا تخرجون أنفسكم من دياركم ثم أقررتم وأنتم تشهدون. ثم أنتم هؤلاء تقتلون أنفسكم وتخرجون فريقا منكم من ديارهم تظاهرون عليهم بالإثم والعدوان وإن يأتوكم أسارى تفادوهم وهو محرم عليكم إخراجهم أفتؤمنون ببعض الكتاب وتكفرون ببعض فما جزاء من يفعل ذلك منكم إلا خزي في الحياة الدنيا ويوم القيامة يردون إلى أشد العذاب وما الله بغافل عما تعملون. أولئك الذين اشتروا الحياة الدنيا بالآخرة فلا يخفف عنهم العذاب ولا هم ينصرون. ولقد آتينا موسى الكتاب وقفينا من بعده بالرسل وآتينا عيسى ابن مريم البينات وأيدناه بروح القدس أفكلما جاءكم رسول بما لا تهوى أنفسكم استكبرتم ففريقا كذبتم وفريقا تقتلون. وقالوا قلوبنا غلف بل لعنهم الله بكفرهم فقليلا ما يؤمنون. ولما جاءهم كتاب من عند الله مصدق لما معهم وكانوا من قبل يستفتحون على الذين كفروا فلما جاءهم ما عرفوا كفروا به فلعنة الله على الكافرين. بئسما اشتروا به أنفسهم أن يكفروا بما أنزل الله بغيا أن ينزل الله من فضله على من يشاء من عباده فباءو بغضب على غضب وللكافرين عذاب مهين. وإذا قيل لهم آمنوا بما أنزل الله قالوا نؤمن بما أنزل علينا ويكفرون بما وراءه وهو الحق مصدقا لما معهم قل فلم تقتلون أنبياء الله من قبل إن كنتم مؤمنين. ولقد جاءكم موسى بالبينات ثم اتخذتم العجل من بعده وأنتم ظالمون. وإذ أخذنا ميثاقكم ورفعنا فوقكم الطور خذوا ما آتيناكم بقوة واسمعوا قالوا سمعنا وعصينا وأشربوا في قلوبهم العجل بكفرهم قل بئسما يأمركم به إيمانكم إن كنتم مؤمنين. قل إن كانت لكم الدار الآخرة عند الله خالصة من دون الناس فتمنوا الموت إن كنتم صادقين. ولن يتمنوه أبدا بما قدمت أيديهم والله عليم بالظالمين. ولتجدنهم أحرص الناس على حياة ومن الذين أشركوا يود أحدهم لو يعمر ألف سنة وما هو بمزحزحه من العذاب أن يعمر والله بصير بما يعملون. قل من كان عدوا لجبريل فإنه نزله على قلبك بإذن الله مصدقا لما بين يديه وهدى وبشرى للمؤمنين. من كان عدوا لله وملائكته ورسله وجبريل وميكال فإن الله عدو للكافرين. ولقد أنزلنا إليك آيات بينات وما يكفر بها إلا الفاسقون. أوكلما عاهدوا عهدا نبذه فريق منهم بل أكثرهم لا يؤمنون. ولما جاءهم رسول من عند الله مصدق لما معهم نبذ فريق من الذين أوتوا الكتاب كتاب الله وراء ظهورهم كأنهم لا يعلمون. واتبعوا ما تتلو الشياطين على ملك سليمان وما كفر سليمان ولكن الشياطين كفروا يعلمون الناس السحر وما أنزل على الملكين ببابل هاروت وماروت وما يعلمان من أحد حتى يقولا إنما نحن فتنة فلا تكفر فيتعلمون منهما ما يفرقون به بين المرء وزوجه وما هم بضارين به من أحد إلا بإذن الله ويتعلمون ما يضرهم ولا ينفعهم ولقد علموا لمن اشتراه ما له في الآخرة من خلاق ولبئس ما شروا به أنفسهم لو كانوا يعلمون. ولو أنهم آمنوا واتقوا لمثوبة من عند الله خير لو كانوا يعلمون. يا أيها الذين آمنوا لا تقولوا راعنا وقولوا انظرنا واسمعوا وللكافرين عذاب أليم. ما يود الذين كفروا من أهل الكتاب ولا المشركين أن ينزل عليكم من خير من ربكم والله يختص برحمته من يشاء والله ذو الفضل العظيم. ما ننسخ من آية أو ننسها نأت بخير منها أو مثلها ألم تعلم أن الله على كل شيء قدير. ألم تعلم أن الله له ملك السماوات والأرض وما لكم من دون الله من ولي ولا نصير. أم تريدون أن تسألوا رسولكم كما سئل موسى من قبل ومن يتبدل الكفر بالإيمان فقد ضل سواء السبيل. ود كثير من أهل الكتاب لو يردونكم من بعد إيمانكم كفارا حسدا من عند أنفسهم من بعد ما تبين لهم الحق فاعفوا واصفحوا حتى يأتي الله بأمره إن الله على كل شيء قدير. وأقيموا الصلاة وآتوا الزكاة وما تقدموا لأنفسكم من خير تجدوه عند الله إن الله بما تعملون بصير. وقالوا لن يدخل الجنة إلا من كان هودا أو نصارى تلك أمانيهم قل هاتوا برهانكم إن كنتم صادقين. بلى من أسلم وجهه لله وهو محسن فله أجره عند ربه ولا خوف عليهم ولا هم يحزنون. وقالت اليهود ليست النصارى على شيء وقالت النصارى ليست اليهود على شيء وهم يتلون الكتاب كذلك قال الذين لا يعلمون مثل قولهم فالله يحكم بينهم يوم القيامة فيما كانوا فيه يختلفون. ومن أظلم ممن منع مساجد الله أن يذكر فيها اسمه وسعى في خرابها أولئك ما كان لهم أن يدخلوها إلا خائفين لهم في الدنيا خزي ولهم في الآخرة عذاب عظيم. ولله المشرق والمغرب فأينما تولوا فثم وجه الله إن الله واسع عليم. وقالوا اتخذ الله ولدا سبحانه بل له ما في السماوات والأرض كل له قانتون. بديع السماوات والأرض وإذا قضى أمرا فإنما يقول له كن فيكون. وقال الذين لا يعلمون لولا يكلمنا الله أو تأتينا آية كذلك قال الذين من قبلهم مثل قولهم تشابهت قلوبهم قد بينا الآيات لقوم يوقنون. إنا أرسلناك بالحق بشيرا ونذيرا ولا تسأل عن أصحاب الجحيم. ولن ترضى عنك اليهود ولا النصارى حتى تتبع ملتهم قل إن هدى الله هو الهدى ولئن اتبعت أهواءهم بعد الذي جاءك من العلم ما لك من الله من ولي ولا نصير. الذين آتيناهم الكتاب يتلونه حق تلاوته أولئك يؤمنون به ومن يكفر به فأولئك هم الخاسرون. يا بني إسرائيل اذكروا نعمتي التي أنعمت عليكم وأني فضلتكم على العالمين. واتقوا يوما لا تجزي نفس عن نفس شيئا ولا يقبل منها شفاعة ولا يؤخذ منها عدل ولا هم ينصرون. وإذ نجيناكم من آل فرعون يسومونكم سوء العذاب يذبحون أبناءكم ويستحيون نساءكم وفي ذلكم بلاء من ربكم عظيم. وإذ فرقنا بكم البحر فأنجيناكم وأغرقنا آل فرعون وأنتم تنظرون. وإذ وعدنا موسى أربعين ليلة ثم اتخذتم العجل من بعده وأنتم ظالمون. ثم عفونا عنكم من بعد ذلك لعلكم تشكرون. وإذ آتينا موسى الكتاب والفرقان لعلكم تهتدون. وإذ قال موسى لقومه يا قوم إنكم ظلمتم أنفسكم باتخاذكم العجل فتوبوا إلى بارئكم فاقتلوا أنفسكم ذلكم خير لكم عند بارئكم فتاب عليكم إنه هو التواب الرحيم. وإذ قلتم يا موسى لن نؤمن لك حتى نرى الله جهرة فأخذتكم الصاعقة وأنتم تنظرون. ثم بعثناكم من بعد موتكم لعلكم تشكرون. وظللنا عليكم الغمام وأنزلنا عليكم المن والسلوى كلوا من طيبات ما رزقناكم وما ظلمونا ولكن كانوا أنفسهم يظلمون. وإذ قلنا ادخلوا هذه القرية فكلوا منها حيث شئتم رغدا وادخلوا الباب سجدا وقولوا حطة نغفر لكم خطاياكم وسنزيد المحسنين. فبدل الذين ظلموا قولا غير الذي قيل لهم فأنزلنا على الذين ظلموا رجزا من السماء بما كانوا يفسقون. وإذ استسقى موسى لقومه فقلنا اضرب بعصاك الحجر فانفجرت منه اثنتا عشرة عينا قد علم كل أناس مشربهم كلوا واشربوا من رزق الله ولا تعثوا في الأرض مفسدين. وإذ قلتم يا موسى لن نصبر على طعام واحد فادع لنا ربك يخرج لنا مما تنبت الأرض من بقلها وقثائها وفومها وعدسها وبصلها قال أتستبدلون الذي هو أدنى بالذي هو خير اهبطوا مصرا فإن لكم ما سألتم وضربت عليهم الذلة والمسكنة وباءو بغضب من الله ذلك بأنهم كانوا يكفرون بآيات الله ويقتلون النبيين بغير الحق ذلك بما عصوا وكانوا يعتدون. إن الذين آمنوا والذين هادوا والنصارى والصابئين من آمن بالله واليوم الآخر وعمل صالحا فلهم أجرهم عند ربهم ولا خوف عليهم ولا هم يحزنون. وإذ أخذنا ميثاقكم ورفعنا فوقكم الطور خذوا ما آتيناكم بقوة واذكروا ما فيه لعلكم تتقون. ثم توليتم من بعد ذلك فلولا فضل الله عليكم ورحمته لكنتم من الخاسرين. ولقد علمتم الذين اعتدوا منكم في السبت فقلنا لهم كونوا قردة خاسئين. فجعلناها نكالا لما بين يديها وما خلفها وموعظة للمتقين. وإذ قال موسى لقومه إن الله يأمركم أن تذبحوا بقرة قالوا أتتخذنا هزوا قال أعوذ بالله أن أكون من الجاهلين. قالوا ادع لنا ربك يبين لنا ما هي قال إنه يقول إنها بقرة لا فارض ولا بكر عوان بين ذلك فافعلوا ما تؤمرون. قالوا ادع لنا ربك يبين لنا ما لونها قال إنه يقول إنها بقرة صفراء فاقع لونها تسر الناظرين. قالوا ادع لنا ربك يبين لنا ما هي إن البقر تشابه علينا وإنا إن شاء الله لمهتدون. قال إنه يقول إنها بقرة لا ذلول تثير الأرض ولا تسقي الحرث مسلمة لا شية فيها قالوا الآن جئت بالحق فذبحوها وما كادوا يفعلون. وإذ قتلتم نفسا فادارأتم فيها والله مخرج ما كنتم تكتمون. فقلنا اضربوه ببعضها كذلك يحيي الله الموتى ويريكم آياته لعلكم تعقلون. ثم قست قلوبكم من بعد ذلك فهي كالحجارة أو أشد قسوة وإن من الحجارة لما يتفجر منه الأنهار وإن منها لما يشقق فيخرج منه الماء وإن منها لما يهبط من خشية الله وما الله بغافل عما تعملون. أفتطمعون أن يؤمنوا لكم وقد كان فريق منهم يسمعون كلام الله ثم يحرفونه من بعد ما عقلوه وهم يعلمون. وإذا لقوا الذين آمنوا قالوا آمنا وإذا خلا بعضهم إلى بعض قالوا أتحدثونهم بما فتح الله عليكم ليحاجوكم به عند ربكم أفلا تعقلون. أولا يعلمون أن الله يعلم ما يسرون وما يعلنون. ومنهم أميون لا يعلمون الكتاب إلا أماني وإن هم إلا يظنون. فويل للذين يكتبون الكتاب بأيديهم ثم يقولون هذا من عند الله ليشتروا به ثمنا قليلا فويل لهم مما كتبت أيديهم وويل لهم مما يكسبون. وقالوا لن تمسنا النار إلا أياما معدودة قل أتخذتم عند الله عهدا فلن يخلف الله عهده أم تقولون على الله ما لا تعلمون. بلى من كسب سيئة وأحاطت به خطيئته فأولئك أصحاب النار هم فيها خالدون. والذين آمنوا وعملوا الصالحات أولئك أصحاب الجنة هم فيها خالدون. وإذ أخذنا ميثاق بني إسرائيل لا تعبدون إلا الله وبالوالدين إحسانا وذي القربى واليتامى والمساكين وقولوا للناس حسنا وأقيموا الصلاة وآتوا الزكاة ثم توليتم إلا قليلا منك

자기의 주장을 세우기 위하여 상대방의 사상을 곡해하거나 또는 상대방의 사상을 자기의 입장에서 해석하여 자기의 주장을 세우는 것은 학문하는 사람의 태도가 아니다. 학문하는 사람은 상대방의 사상을 있는 그대로 받아들여 그 사상을 충분히 이해한 다음에 비로소 그 사상을 비판하여야 한다. 그러므로 학문하는 사람은 상대방의 사상을 있는 그대로 받아들여 그 사상을 충분히 이해하는 것이 무엇보다 중요하다. 그러나 상대방의 사상을 있는 그대로 받아들여 그 사상을 충분히 이해하는 것은 결코 쉬운 일이 아니다. 왜냐하면 상대방의 사상을 있는 그대로 받아들여 그 사상을 충분히 이해하기 위하여는 상대방의 사상을 자기의 입장에서 해석하지 않고 상대방의 입장에서 해석하여야 하기 때문이다. 그러므로 학문하는 사람은 상대방의 사상을 있는 그대로 받아들여 그 사상을 충분히 이해하기 위하여 끊임없이 노력하여야 한다.

제한의 조건이 있다. 첫째로 상대방의 사상을 있는 그대로 받아들여 그 사상을 충분히 이해하기 위하여는 상대방의 사상을 자기의 입장에서 해석하지 않고 상대방의 입장에서 해석하여야 한다. 둘째로 상대방의 사상을 있는 그대로 받아들여 그 사상을 충분히 이해하기 위하여는 상대방의 사상을 자기의 주관적 견해로 왜곡하지 않고 객관적으로 받아들여야 한다. 셋째로 상대방의 사상을 있는 그대로 받아들여 그 사상을 충분히 이해하기 위하여는 상대방의 사상을 자기의 편견으로 왜곡하지 않고 공정하게 받아들여야 한다. 넷째로 상대방의 사상을 있는 그대로 받아들여 그 사상을 충분히 이해하기 위하여는 상대방의 사상을 자기의 감정으로 왜곡하지 않고 이성적으로 받아들여야 한다. 다섯째로 상대방의 사상을 있는 그대로 받아들여 그 사상을 충분히 이해하기 위하여는 상대방의 사상을 자기의 이익으로 왜곡하지 않고 진리로 받아들여야 한다. 이상의 다섯 가지 조건을 충족시킬 때 비로소 상대방의 사상을 있는 그대로 받아들여 그 사상을 충분히 이해할 수 있다. 그러나 이상의 다섯 가지 조건을 충족시키는 것은 결코 쉬운 일이 아니다. 그러므로 학문하는 사람은 이상의 다섯 가지 조건을 충족시키기 위하여 끊임없이 노력하여야 한다.

ಕಾಲಿಗೆ ಬಿದ್ದು ಕಣ್ಣೀರಿಟ್ಟು ಕೊಂಡಾಡಿದರು. ಆಗ ಅವರ ಮೇಲೆ ಕರುಣೆ ತಾಳಿ ಅವರ ಕಣ್ಣೀರನ್ನು ಒರೆಸಿ ಅವರಿಗೆ ಸಮಾಧಾನ ಹೇಳಿ ಅವರಿಗೆ ಅಭಯ ಕೊಟ್ಟು ಅವರ ಮೇಲೆ ಕೃಪೆ ಮಾಡಿ ಅವರಿಗೆ ಅನುಗ್ರಹ ಮಾಡಿ ಅವರಿಗೆ ಆಶೀರ್ವಾದ ಮಾಡಿ ಅವರಿಗೆ ಸಂತೋಷ ಹೇಳಿ ಅವರಿಗೆ ಸಂತೈಸ

ಕಿಸಿ ಗಾಂಧಿ ಅವರು ಸಂಸತ್ತಿನಲ್ಲಿ ಮಾಡಿದ ಭಾಷಣದ ಕೆಲವು ಭಾಗಗಳನ್ನು ಓದಿ ಹೇಳಿದರು. ಆ ಭಾಷಣದಲ್ಲಿ ಅವರು ಹೇಳಿದ್ದರು: "ಈ ಸಂಸತ್ತಿನಲ್ಲಿ ಕುಳಿತಿರುವ ಕೆಲವು ಸದಸ್ಯರು ಸಂಸತ್ತಿನ ಹೊರಗೆ ಬೇರೆ ಬೇರೆ ಕಡೆಗಳಲ್ಲಿ ಮಾಡಿರುವ ಭಾಷಣಗಳು ಅತ್ಯಂತ ಕೆಟ್ಟದಾಗಿವೆ. ಅವರು ಸಂಸತ್ತಿನ ಒಳಗೆ ಮಾತನಾಡುವಾಗ ಸಂಸತ್ತಿನ ಘನತೆಗೆ ತಕ್ಕಂತೆ ಮಾತನಾಡಬೇಕು. ಸಂಸತ್ತಿನ ಹೊರಗೆ ಅವರು

ﻣﺎ ﻳﻤﻜﻦ ﺃﻥ ﻳﻘﺎﻝ ﻫﻮ ﺃﻥ ﺍﻟﻤﺴﺘﻮﻯ ﺍﻟﺬﻱ ﻳﺘﻢ ﻓﻴﻪ ﺍﻟﺘﻌﺎﻣﻞ ﻣﻊ ﺍﻟﻤﺸﻜﻼﺕ ﻭﺍﻟﻤﻮﺍﻗﻒ ﻭﺍﻟﻘﻀﺎﻳﺎ ﻭﺍﻟﺘﻌﺒﻴﺮ ﻋﻦ ﺍﻟﺮﺃﻱ ﻭﺍﻟﺘﻔﺎﻋﻞ ﻣﻌﻬﺎ ﻫﻮ ﻣﺴﺘﻮﻯ ﻣﺘﻘﺪﻡ ﻭﻣﺘﻄﻮﺭ ﻭﻳﺪﻝ ﻋﻠﻰ ﺍﻟﻨﻀﺞ ﻭﺍﻟﻮﻋﻲ ﻭﺍﻟﻘﺪﺭﺓ ﻋﻠﻰ ﺍﻟﺘﺤﻠﻴﻞ ﻭﺍﻟﺘﻔﻜﻴﺮ ﺍﻟﻌﻤﻴﻖ ﻭﺍﻟﺒﻌﻴﺪ ﻋﻦ ﺍﻟﺴﻄﺤﻴﺔ ﻭﺍﻟﺘﺴﺮﻉ ﻓﻲ ﺍﺗﺨﺎﺫ ﺍﻟﻘﺮﺍﺭﺍﺕ ﻭﺍﻟﺘﻌﺎﻣﻞ ﻣﻊ ﺍﻟﻤﺸﻜﻼﺕ ﻭﺍﻟﻤﻮﺍﻗﻒ ﻭﺍﻟﻘﻀﺎﻳﺎ ﺍﻟﺘﻲ ﺗﻮﺍﺟﻬﻪ ﻭﺍﻟﺘﻲ ﺗﺘﻄﻠﺐ ﻣﻨﻪ ﺍﻟﺘﻌﺎﻣﻞ ﻣﻌﻬﺎ ﻭﺍﻟﺘﻌﺒﻴﺮ ﻋﻦ ﺭﺃﻳﻪ ﻭﻣﻮﻗﻔﻪ ﻭﺍﻟﺘﻔﺎﻋﻞ ﻣﻌﻬﺎ ﻭﻫﺬﺍ

ولكن الأمر لم يكن كذلك. فقد كان الأمير يعرف أن الأمور لا تسير على ما يرام في مملكته، وأن الناس يشكون من الظلم والفقر، وأن الجيش يحتاج إلى إصلاح. لذلك قرر أن يسافر متنكرا ليرى بعينيه ما يجري، وأن يسمع بأذنيه ما يقوله الناس عنه وعن وزرائه. وقد اختار لهذه الرحلة يوما من أيام الربيع الجميلة، حين تكون الطرق مناسبة والجو معتدلا.

وقد اختار لهذه الرحلة يوما من أيام الربيع الجميلة، حين تكون الطرق مناسبة والجو معتدلا. لذلك قرر أن يسافر متنكرا ليرى بعينيه ما يجري، وأن يسمع بأذنيه ما يقوله الناس عنه وعن وزرائه. ولكن الأمر لم يكن كذلك. فقد كان الأمير يعرف أن الأمور لا تسير على ما يرام في مملكته، وأن الناس يشكون من الظلم والفقر، وأن الجيش يحتاج إلى إصلاح.

ولكن الأمر لم يكن كذلك. فقد كان الأمير يعرف أن الأمور لا تسير على ما يرام في مملكته، وأن الناس يشكون من الظلم والفقر، وأن الجيش يحتاج إلى إصلاح. لذلك قرر أن يسافر متنكرا ليرى بعينيه ما يجري، وأن يسمع بأذنيه ما يقوله الناس عنه وعن وزرائه. وقد اختار لهذه الرحلة يوما من أيام الربيع الجميلة، حين تكون الطرق مناسبة والجو معتدلا.

ਜਾਂ ਜਿਸ ਦੇਸ਼ ਵਿਚ ਉਸ ਦਾ ਜਨਮ ਹੋਇਆ ਹੋਵੇ ਉਸ ਦੇਸ਼ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਪ੍ਰਾਪਤ ਕਰ ਲੈਂਦਾ ਹੈ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਉਹ ਵਿਅਕਤੀ ਦੋਹਰੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਦਾ ਅਨੰਦ ਮਾਣਦਾ ਹੈ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਨੂੰ ਦੋਹਰੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਕਹਿੰਦੇ ਹਨ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਦੀ ਵਿਵਸਥਾ ਕਰਨ ਵਾਲੇ ਦੇਸ਼ ਹਨ ਅਮਰੀਕਾ, ਕੈਨੇਡਾ, ਆਸਟ੍ਰੇਲੀਆ, ਨਿਊਜ਼ੀਲੈਂਡ ਆਦਿ। ਇਹਨਾਂ ਦੇਸ਼ਾਂ ਵਿਚ ਜਨਮ ਦੇ ਆਧਾਰ ਤੇ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਪ੍ਰਾਪਤ ਕਰਨ ਵਾਲੇ ਵਿਅਕਤੀ ਨੂੰ ਆਪਣੇ ਮਾਤਾ-ਪਿਤਾ ਦੇ ਦੇਸ਼ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਵੀ ਪ੍ਰਾਪਤ ਹੁੰਦੀ ਹੈ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਉਹ ਵਿਅਕਤੀ ਦੋਹਰੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਦਾ ਅਨੰਦ ਮਾਣਦਾ ਹੈ।

ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਦੇ ਸੰਬੰਧ ਵਿਚ ਵਿਸ਼ਵ ਦੇ ਦੇਸ਼ਾਂ ਵਿਚ ਦੋ ਸਿਧਾਂਤ ਪ੍ਰਚਲਿਤ ਹਨ। ਇਕ ਸਿਧਾਂਤ ਅਨੁਸਾਰ ਜਨਮ ਦੇ ਆਧਾਰ ਤੇ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਪ੍ਰਾਪਤ ਕਰਨ ਵਾਲੇ ਵਿਅਕਤੀ ਨੂੰ ਆਪਣੇ ਮਾਤਾ-ਪਿਤਾ ਦੇ ਦੇਸ਼ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਵੀ ਪ੍ਰਾਪਤ ਹੁੰਦੀ ਹੈ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਉਹ ਵਿਅਕਤੀ ਦੋਹਰੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਦਾ ਅਨੰਦ ਮਾਣਦਾ ਹੈ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਨੂੰ ਦੋਹਰੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਕਹਿੰਦੇ ਹਨ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਦੀ ਵਿਵਸਥਾ ਕਰਨ ਵਾਲੇ ਦੇਸ਼ ਹਨ ਅਮਰੀਕਾ, ਕੈਨੇਡਾ, ਆਸਟ੍ਰੇਲੀਆ, ਨਿਊਜ਼ੀਲੈਂਡ ਆਦਿ। ਇਹਨਾਂ ਦੇਸ਼ਾਂ ਵਿਚ ਜਨਮ ਦੇ ਆਧਾਰ ਤੇ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਪ੍ਰਾਪਤ ਕਰਨ ਵਾਲੇ ਵਿਅਕਤੀ ਨੂੰ ਆਪਣੇ ਮਾਤਾ-ਪਿਤਾ ਦੇ ਦੇਸ਼ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਵੀ ਪ੍ਰਾਪਤ ਹੁੰਦੀ ਹੈ।

ཀཱ་ཤི་ཀཱ་ཡཱ་ཨཱ་ཀཱ་ཤ་

ن ڈیڑھ ہزار سال قبل کے عرب معاشرے کی تصویر کشی کی ہے جس میں
ہر قبیلہ اپنی برتری کے لیے دوسرے قبیلے پر حملہ کرتا تھا۔ اس
کشمکش کے ماحول میں ایک شخص نے اٹھ کر ان سب کو ایک
خدا کی عبادت کی دعوت دی۔ اس شخص کا نام محمد بن عبداللہ
تھا اور وہ مکہ کے ایک معزز خاندان بنو ہاشم سے تعلق رکھتے
تھے۔ ان کی پیدائش ۵۷۰ء کے قریب ہوئی۔ بچپن ہی سے وہ
اپنی سچائی اور دیانت داری کی وجہ سے مشہور تھے۔ لوگ
انہیں صادق اور امین کہہ کر پکارتے تھے۔ یہ وہ دور تھا جب
عرب میں بت پرستی عام تھی اور کعبہ میں تین سو ساٹھ بت
رکھے ہوئے تھے۔ ہر قبیلہ اپنے بت کی پوجا کرتا تھا اور
دوسرے قبیلوں کے بتوں کا مذاق اڑاتا تھا۔ اس ماحول میں
توحید کا پیغام دینا بہت مشکل کام تھا۔

آپ نے چالیس سال کی عمر میں غار حرا میں پہلی وحی نازل
ہونے کے بعد اپنی قوم کو اللہ کی طرف بلانا شروع کیا۔
ابتدا میں صرف چند لوگ ایمان لائے جن میں آپ کی اہلیہ
حضرت خدیجہ، آپ کے چچا زاد بھائی حضرت علی اور آپ کے
قریبی دوست حضرت ابوبکر شامل تھے۔ جیسے جیسے آپ کی
دعوت پھیلتی گئی، قریش کے سردار آپ کی مخالفت پر اتر آئے۔
انہوں نے آپ پر اور آپ کے ماننے والوں پر ظلم و ستم کے
پہاڑ توڑ دیے۔ کچھ مسلمانوں کو اتنا مارا گیا کہ وہ شہید ہو
گئے۔ یہ اسلام کی تاریخ کے پہلے شہید تھے۔

明治二十年代の日本人の
外国人に対する態度は、
今日から見ると、
ずいぶんおおらかなものであった。
たとえば、
外国人が日本人の女性と
結婚することについても、
今日ほどやかましくは
言われなかった。
もちろん、
条約改正の問題などで、
外国人の権利が
大きくなることに対しては、
国民の間に
強い反対の声があったが、
個人と個人との
交際については、
今日ほど
神経質ではなかった。
一般の人々は、
外国人を
珍しがりはしたが、
特別に
警戒したり
敵視したりは
しなかった。
これは、
日本人が
自国の文化に
絶対の自信を
持っていたからで、
外国人を
恐れる必要を
感じなかったからである。
また、
外国人の
ほうでも、
日本人を
見下すような
態度は
あまり
見られなかった。
彼らの
多くは、
日本の
美術や
工芸品を
高く
評価し、
日本の
風俗や
習慣を
尊重した。

ಕಲಿತಂತೆ ಹೆಚ್ಚಿನ ಸಂಖ್ಯೆಯ ಮಕ್ಕಳು ಶಾಲೆಗೆ ಬರುವಂತೆ ಮಾಡಲು ಸಾಧ್ಯವಾಗಿದೆ. ಇದರಿಂದ ಶಾಲೆಯಲ್ಲಿ ಮಕ್ಕಳ ಸಂಖ್ಯೆ ಹೆಚ್ಚ

ﻭﺍﻟﺪﻩ ﺍﻭﺭ ﺍﻥ ﮐﮯ ﺑﻌﺾ ﺭﺷﺘﮧ ﺩﺍﺭ ﺍﻭﺭ ﺩﻭﺳﺖ

ᠮᠣᠨᠭᠭᠣᠯ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠲᠥᠪ ᠪᠠᠢᠷᠢᠯᠠᠯ ᠤᠨ ᠬᠡᠰᠡᠭ ᠤᠨ ᠲᠣᠭᠲᠠᠭᠠᠯ ᠤᠨ ᠵᠠᠭᠠᠯᠠᠨ ᠳᠤ ᠪᠠᠢᠷᠯᠠᠭᠰᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠵᠠᠰᠠᠭ ᠤᠨ ᠶᠡᠬᠡ ᠬᠤᠷᠠᠯ ᠤᠨ ᠲᠥᠯᠥᠭᠡᠯᠡᠭᠴᠢᠳ ᠪᠣᠯ

ಕಾಲಕ್ಕೆ ಸರಿಯಾಗಿ ಮಳೆ ಬಾರದೆ ಇರುವುದು, ಮಳೆ ಬಂದರೂ ಅದು ಸಮರ್ಪಕವಾಗಿ ಬೆಳೆಗಳಿಗೆ ಸಿಗದೆ ಇರುವುದು, ಅಥವಾ ಅತಿಯಾಗಿ ಮಳೆ ಬಂದು ಬೆಳೆಗಳು ಹಾಳಾಗುವುದು ಇವೆಲ್ಲವೂ ಕೃಷಿಯ ಮೇಲೆ ಪರಿಣಾಮ ಬೀರುವ ಅಂಶಗಳಾಗಿವೆ. ಇಂತಹ ಸಂದರ್ಭಗಳಲ್ಲಿ ಕೃಷಿಕರು ಸಾಲ ಮಾಡಿ ಬೆಳೆ ಬೆಳೆದಿರುವುದರಿಂದ ಸಾಲ ತೀರಿಸಲಾಗದೆ ಆತ್ಮಹತ್ಯೆಯಂತಹ ಕೃತ್ಯಗಳಿಗೆ ಮುಂದಾಗುವ ಸಾಧ್ಯತೆಗಳಿವೆ. ಇಂತಹ ಸಂದರ್ಭಗಳಲ್ಲಿ ಸರ್ಕಾರವು ಕೃಷಿಕರಿಗೆ ಸಾಲ ಮನ್ನಾ ಮಾಡುವುದು, ಬೆಳೆ ವಿಮೆ ಮಾಡಿಸುವುದು ಮುಂತಾದ ಕ್ರಮಗಳನ್ನು ಕೈಗೊಳ್ಳಬೇಕಾಗಿದೆ. ಕೃಷಿಕರು ಸಹ ಸಾಲ ಮಾಡಿ ಬೆಳೆ ಬೆಳೆಯುವ ಬದಲು ಕಡಿಮೆ ಖರ್ಚಿನಲ್ಲಿ ಬೆಳೆ ಬೆಳೆಯುವ ಕಡೆಗೆ ಗಮನ ಹರಿಸಬೇಕಾಗಿದೆ. ಸಾಲ ಮಾಡಿ ಬೆಳೆ ಬೆಳೆಯುವುದರಿಂದ ಸಾಲ ತೀರಿಸಲಾಗದೆ ಆತ್ಮಹತ್ಯೆಯಂತಹ ಕೃತ್ಯಗಳಿಗೆ ಮುಂದಾಗುವ ಸಾಧ್ಯತೆಗಳಿವೆ. ಇಂತಹ ಸಂದರ್ಭಗಳಲ್ಲಿ ಸರ್ಕಾರವು ಕೃಷಿಕರಿಗೆ ಸಾಲ ಮನ್ನಾ ಮಾಡುವುದು, ಬೆಳೆ ವಿಮೆ ಮಾಡಿಸುವುದು ಮುಂತಾದ ಕ್ರಮಗಳನ್ನು ಕೈಗೊಳ್ಳಬೇಕಾಗಿದೆ. ಕೃಷಿಕರು ಸಹ ಸಾಲ ಮಾಡಿ ಬೆಳೆ ಬೆಳೆಯುವ ಬದಲು ಕಡಿಮೆ ಖರ್ಚಿನಲ್ಲಿ ಬೆಳೆ ಬೆಳೆಯುವ ಕಡೆಗೆ ಗಮನ ಹರಿಸಬೇಕಾಗಿದೆ.

ಕೃಷಿಯಲ್ಲಿ ಆಧುನಿಕ ತಂತ್ರಜ್ಞಾನವನ್ನು ಬಳಸಿಕೊಳ್ಳುವುದರಿಂದ ಕೃಷಿಯಲ್ಲಿ ಹೆಚ್ಚಿನ ಲಾಭ ಗಳಿಸಲು ಸಾಧ್ಯವಾಗುತ್ತದೆ. ಕೃಷಿಯಲ್ಲಿ ಆಧುನಿಕ ತಂತ್ರಜ್ಞಾನವನ್ನು ಬಳಸಿಕೊಳ್ಳುವುದರಿಂದ ಕೃಷಿಯಲ್ಲಿ ಹೆಚ್ಚಿನ ಲಾಭ ಗಳಿಸಲು ಸಾಧ್ಯವಾಗುತ್ತದೆ.

ಕ್ಷಣ ಮಾತ್ರದಲ್ಲಿ ಗಾಡಿಯೊಳಗಿದ್ದ ಎಲ್ಲಾ ಪ್ರಯಾಣಿಕರೂ ಕೆಳಗಿಳಿದು ಬಂದು ಗಾಡಿಯ ಸುತ್ತಲೂ ನಿಂತು ಕೊಂಡರು. ಅವರಲ್ಲಿ ಕೆಲವರು ಗಾಡಿಯ ಚಕ್ರಗಳನ್ನು ಪರೀಕ್ಷಿಸಿದರು. ಕೆಲವರು ಗಾಡಿಯ ಕೆಳಗೆ ಇಣುಕಿ ನೋಡಿದರು. ಕೆಲವರು ಗಾಡಿಯ ಮೇಲೆ ಹತ್ತಿ ಕುಳಿತಿದ್ದ ಪ್ರಯಾಣಿಕರನ್ನು ಕೆಳಗಿಳಿಯಲು ಹೇಳ

ཀུན་ཏུ་སྤྱོད་པ་ཡི་ཏིང་ངེ་འཛིན་ཐོབ་ཅིང་། ཐུགས་རྗེ་ཆེན་པོ

ಬಿ ಕಳೆದ ಭಾಗದಲ್ಲಿ ನೀವು ಅಂಗಾಂಶ ಮತ್ತು ಅಂಗಗಳ ಬಗ್ಗೆ ಅಧ್ಯಯನ ಮಾಡಿದ್ದೀರಿ. ಈಗ ನಾವು ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ಅಂಗಗಳು ಹೇಗೆ ರೂಪುಗೊಳ್ಳುತ್ತವೆ ಎಂಬುದನ್ನು ಅಧ್ಯಯನ ಮಾಡೋಣ. ಅಂಗಗಳು ಒಂದಕ್ಕಿಂತ ಹೆಚ್ಚು ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ರೂಪುಗೊಂಡಿರುತ್ತವೆ. ಅಂಗಗಳಲ್ಲಿ ಒಂದು ಅಂಗಾಂಶವು ಪ್ರಧಾನವಾಗಿರುತ್ತದೆ. ಉದಾಹರಣೆಗೆ ಹೃದಯವು ಪ್ರಧಾನವಾಗಿ ಸ್ನಾಯು ಅಂಗಾಂಶದಿಂದ ಮಾಡಲ್ಪಟ್ಟಿದೆ. ಆದರೆ ಅದು ಸಂಯೋಜಕ ಅಂಗಾಂಶ, ನರ ಅಂಗಾಂಶ ಮತ್ತು ಎಪಿತೀಲಿಯಲ್ ಅಂಗಾಂಶವನ್ನು ಸಹ ಹೊಂದಿರುತ್ತದೆ. ಅಂಗಗಳು ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ಮಾಡಲ್ಪಟ್ಟಿರುವುದರಿಂದ ಅವು ಅಂಗಾಂಶಗಳಂತೆಯೇ ಅದೇ ಗುಣಲಕ್ಷಣಗಳನ್ನು ಹೊಂದಿರುತ್ತವೆ. ಅಂಗಗಳು ಸಹ ಅಂಗಾಂಶಗಳಂತೆಯೇ ಅದೇ ಕಾರ್ಯಗಳನ್ನು ಹೊಂದಿರುತ್ತವೆ. ಅಂಗಗಳು ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ಮಾಡಲ್ಪಟ್ಟಿರುವುದರಿಂದ ಅವು ಅಂಗಾಂಶಗಳಂತೆಯೇ ಅದೇ ಗುಣಲಕ್ಷಣಗಳನ್ನು ಹೊಂದಿರುತ್ತವೆ. ಅಂಗಗಳು ಸಹ ಅಂಗಾಂಶಗಳಂತೆಯೇ ಅದೇ ಕಾರ್ಯಗಳನ್ನು ಹೊಂದಿರುತ್ತವೆ.

ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ಅಂಗಗಳು ಹೇಗೆ ರೂಪುಗೊಳ್ಳುತ್ತವೆ ಎಂಬುದನ್ನು ಅಧ್ಯಯನ ಮಾಡೋಣ. ಅಂಗಗಳು ಒಂದಕ್ಕಿಂತ ಹೆಚ್ಚು ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ರೂಪುಗೊಂಡಿರುತ್ತವೆ. ಅಂಗಗಳಲ್ಲಿ ಒಂದು ಅಂಗಾಂಶವು ಪ್ರಧಾನವಾಗಿರುತ್ತದೆ. ಉದಾಹರಣೆಗೆ ಹೃದಯವು ಪ್ರಧಾನವಾಗಿ ಸ್ನಾಯು ಅಂಗಾಂಶದಿಂದ ಮಾಡಲ್ಪಟ್ಟಿದೆ. ಆದರೆ ಅದು ಸಂಯೋಜಕ ಅಂಗಾಂಶ, ನರ ಅಂಗಾಂಶ ಮತ್ತು ಎಪಿತೀಲಿಯಲ್ ಅಂಗಾಂಶವನ್ನು ಸಹ ಹೊಂದಿರುತ್ತದೆ. ಅಂಗಗಳು ಅಂಗಾಂಶಗಳಿಂದ ಮಾಡಲ್ಪಟ್ಟಿರುವುದರಿಂದ ಅವು ಅಂಗಾಂಶಗಳಂತೆಯೇ ಅದೇ ಗುಣಲಕ್ಷಣಗಳನ್ನು ಹೊಂದಿರುತ್ತವೆ. ಅಂಗಗಳು ಸಹ ಅಂಗಾಂಶಗಳಂತೆಯೇ ಅದೇ ಕಾರ್ಯಗಳನ್ನು ಹೊಂದಿರುತ್ತವೆ.

ಸಂಗತಿಯನ್ನು ಕೇಳಿ ಅವನ ಮನಸ್ಸಿಗೆ ಬಹಳ ಬೇಸರವಾಯಿತು. ಅವನು ಅಲ್ಲಿಂದ ಹೊರಟು ಹೋಗಿ ಒಂದು ಮರದ ಕೆಳಗೆ ಕುಳಿತು ಕೊಂಡನು. ಅವನ ಮನಸ್ಸಿನಲ್ಲಿ ಅನೇಕ ವಿಚಾರಗಳು ಹುಟ್ಟಿ ಬರಲಾರಂಭಿಸಿದವು. ಅವನು ಯೋಚಿಸಿದನು, "ಈ ಪ್ರಪಂಚದಲ್ಲಿ ಯಾರೂ ಯಾರಿಗೂ ಸಹಾಯ ಮಾಡುವುದಿಲ್ಲ. ಎಲ್ಲರೂ ಸ್ವಾರ್ಥಿಗಳೇ. ಹಣವಿದ್ದರೆ ಮಾತ್ರ ಎಲ್ಲರೂ ಗೌರವಿಸುತ್ತಾರೆ. ಹಣವಿಲ್ಲದವನನ್ನು ಯಾರೂ ಲೆಕ್ಕಕ್ಕೆ ತೆಗೆದುಕೊಳ್ಳುವುದಿಲ್ಲ. ಹಣವಿಲ್ಲದವನು ಎಷ್ಟೇ ಒಳ್ಳೆಯವನಾಗಿದ್ದರೂ ಅವನಿಗೆ ಯಾರೂ ಬೆಲೆ ಕೊಡುವುದಿಲ್ಲ. ಹಣವಿಲ್ಲದವನು ಎಷ್ಟೇ ಬುದ್ಧಿವಂತನಾಗಿದ್ದರೂ ಅವನಿಗೆ ಯಾರೂ ಗೌರವ ಕೊಡುವುದಿಲ್ಲ. ಹಣವಿಲ್ಲದವನು ಎಷ್ಟೇ ಪ್ರತಿಭಾವಂತನಾಗಿದ್ದರೂ ಅವನಿಗೆ ಯಾರೂ ಮನ್ನಣೆ ನೀಡುವುದಿಲ್ಲ. ಹಣವಿಲ್ಲದವನು ಎಷ್ಟೇ ಸಾಧನೆ ಮಾಡಿದರೂ ಅವನಿಗೆ ಯಾರೂ ಪ್ರಶಸ್ತಿ ಕೊ

가 없었다. 이것은 그 당시 문인 사회로 보고 하나의 특
이한 현상이라고 할 수 있을 것이다. 그 이유는 여러 가
지가 있겠지만 그 중에서 가장 큰 것은 당시 문인들이
대부분 벼슬을 하고 있었기 때문에 벼슬을 하지 않고
서는 생활이 어려웠던 것이 아닌가 생각된다. 그러나
이 시기에 있어서 문인들의 생활이 어려웠다고 하여
서 그들이 시를 짓지 않았다는 것은 아니다. 그들은
시를 지었으나 그 시가 전해지지 않았을 뿐이다. 그
들은 시를 지었으나 그 시가 전해지지 않았을 뿐이다.

ಕೆ ನೀಡಿದ ಅಧಿಕಾರವನ್ನು ಚಲಾಯಿಸಿ ಅಂಥ ಅಧಿಕಾರಿಯು ಈ ಕೆಳಗಿನ ಕರ್ತವ್ಯಗಳನ್ನು ನಿರ್ವಹಿಸಬೇಕು ಮತ್ತು

ಕಾಲಿಗೆ ಬಿದ್ದು ಕಣ್ಣೀರಿಟ್ಟು ಕೊಂಡಾಡಿದರು. ಆಗ ಅವರು ಅವಳನ್ನು ಎಬ್ಬಿಸಿ ಸಮಾಧಾನ ಪಡಿಸಿ ಅವಳ ಕೈಯಲ್ಲಿ ಒಂದು ಕಾಗದವನ್ನು ಕೊಟ್ಟು ಅದನ್ನು ಓದಿ ನೋಡಲು ಹೇಳಿದರು. ಅವಳು ಅದನ್ನು ಓದಿ ನೋಡಿ ಅದರಲ್ಲಿ ಬರೆದಿದ್ದ ಸಂಗತಿಗಳನ್ನು ಕೇಳಿ ಬಹಳ ಸಂತೋಷಪಟ್ಟಳು. ಅದರಲ್ಲಿ ಬರೆದಿದ್ದ ಸಂಗತಿಗಳು ಹೀಗಿವೆ. ಅವಳು ಹಿಂದಿನ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಒಬ್ಬ ಬ್ರಾಹ್ಮಣ ಸ್ತ್ರೀಯಾಗಿದ್ದಳು. ಅವಳು ಒಂದು ಸಲ ಒಂದು ಕಾಡಿನಲ್ಲಿ ಹೋಗುತ್ತಿರುವಾಗ ಒಂದು ಹಸುವಿನ ಕರು ಹುಲಿಯ ಬಾಯಿಗೆ ಸಿಕ್ಕಿ ಸಾಯುತ್ತಿರುವುದನ್ನು ಕಂಡಳು. ಆಗ ಅವಳು ಆ ಕರುವನ್ನು ಹುಲಿಯ ಬಾಯಿಂದ ಬಿಡಿಸಿ ಅದರ ಪ್ರಾಣವನ್ನು ಉಳಿಸಿದಳು. ಆ ಪುಣ್ಯದಿಂದ ಅವಳು ಈ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಒಬ್ಬ ರಾಜಕುಮಾರಿಯಾಗಿ ಹುಟ್ಟಿದಳು. ಆ ಕರುವು ಈ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಒಬ್ಬ ರಾಜಕುಮಾರನಾಗಿ ಹುಟ್ಟಿತ್ತು. ಅವಳು ಹಿಂದಿನ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಮಾಡಿದ್ದ ಪುಣ್ಯದ ಫಲವಾಗಿ ಅವಳಿಗೆ ಈ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಒಳ್ಳೆಯ ಗಂಡ ಸಿಕ್ಕಿದ್ದಾನೆ. ಅವಳು ಹಿಂದಿನ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಮಾಡಿದ್ದ ಪಾಪದ ಫಲವಾಗಿ ಅವಳಿಗೆ ಈ ಜನ್ಮದಲ್ಲಿ ಮಕ್ಕಳಾಗಿರಲಿಲ್ಲ

미안하다는 말을 하고 싶었다. 그러나 그 말은 입 밖으로 나오지 않았다. 그것은 그가 그녀에게 해야 할 말이 아니었기 때문이다. 그는 그녀의 손을 잡고 싶었지만 그럴 수 없었다. 그는 그녀의 눈을 바라보았다. 그녀의 눈은 그를 향하고 있었지만 그를 보고 있지 않았다. 그녀는 그를 보고 있었지만 그를 보고 있지 않았

ಕಾಲಕ್ಕೆ ಮಾಡಿದ ಪಾಪಗಳಿಗೆ ಪ್ರಾಯಶ್ಚಿತ್ತವಾಗಿ ಅವರು ಸಾಯಬೇಕಾಗಿತ್ತು. ಆದರೆ ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲ. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು.

ಕಾಲಕ್ಕೆ ಮಾಡಿದ ಪಾಪಗಳಿಗೆ ಪ್ರಾಯಶ್ಚಿತ್ತವಾಗಿ ಅವರು ಸಾಯಬೇಕಾಗಿತ್ತು. ಆದರೆ ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲ. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು. ಅವರು ಸಾಯಲಿಲ್ಲವೆಂಬುದಕ್ಕೆ ಅವರ ಸಂತಾನವೇ ಸಾಕ್ಷಿಯಾಗಿದೆ. ಅವರ ಸಂತಾನದವರು ಅಸಂಖ್ಯಾತರಾಗಿ ಹೆಚ್ಚಿದರು.

ولقد أمرنا بني إسرائيل أن لا يعبدوا إلا الله وحده، وأن يقيموا الصلاة ويؤتوا الزكاة، وأن يحسنوا إلى الوالدين والأقربين واليتامى والمساكين، وأن يقولوا للناس حسنا، وأن يقيموا الصلاة ويؤتوا الزكاة، ثم تولوا إلا قليلا منهم وأنتم معرضون. وإذ أخذنا ميثاقكم لا تسفكون دماءكم ولا تخرجون أنفسكم من دياركم ثم أقررتم وأنتم تشهدون. ثم أنتم هؤلاء تقتلون أنفسكم وتخرجون فريقا منكم من ديارهم تظاهرون عليهم بالإثم والعدوان وإن يأتوكم أسارى تفادوهم وهو محرم عليكم إخراجهم أفتؤمنون ببعض الكتاب وتكفرون ببعض فما جزاء من يفعل ذلك منكم إلا خزي في الحياة الدنيا ويوم القيامة يردون إلى أشد العذاب وما الله بغافل عما تعملون. أولئك الذين اشتروا الحياة الدنيا بالآخرة فلا يخفف عنهم العذاب ولا هم ينصرون. ولقد آتينا موسى الكتاب وقفينا من بعده بالرسل وآتينا عيسى ابن مريم البينات وأيدناه بروح القدس أفكلما جاءكم رسول بما لا تهوى أنفسكم استكبرتم ففريقا كذبتم وفريقا تقتلون. وقالوا قلوبنا غلف بل لعنهم الله بكفرهم فقليلا ما يؤمنون. ولما جاءهم كتاب من عند الله مصدق لما معهم وكانوا من قبل يستفتحون على الذين كفروا فلما جاءهم ما عرفوا كفروا به فلعنة الله على الكافرين. بئسما اشتروا به أنفسهم أن يكفروا بما أنزل الله بغيا أن ينزل الله من فضله على من يشاء من عباده فباءو بغضب على غضب وللكافرين عذاب مهين. وإذا قيل لهم آمنوا بما أنزل الله قالوا نؤمن بما أنزل علينا ويكفرون بما وراءه وهو الحق مصدقا لما معهم قل فلم تقتلون أنبياء الله من قبل إن كنتم مؤمنين. ولقد جاءكم موسى بالبينات ثم اتخذتم العجل من بعده وأنتم ظالمون. وإذ أخذنا ميثاقكم ورفعنا فوقكم الطور خذوا ما آتيناكم بقوة واسمعوا قالوا سمعنا وعصينا وأشربوا في قلوبهم العجل بكفرهم قل بئسما يأمركم به إيمانكم إن كنتم مؤمنين. قل إن كانت لكم الدار الآخرة عند الله خالصة من دون الناس فتمنوا الموت إن كنتم صادقين. ولن يتمنوه أبدا بما قدمت أيديهم والله عليم بالظالمين. ولتجدنهم أحرص الناس على حياة ومن الذين أشركوا يود أحدهم لو يعمر ألف سنة وما هو بمزحزحه من العذاب أن يعمر والله بصير بما يعملون. قل من كان عدوا لجبريل فإنه نزله على قلبك بإذن الله مصدقا لما بين يديه وهدى وبشرى للمؤمنين. من كان عدوا لله وملائكته ورسله وجبريل وميكال فإن الله عدو للكافرين. ولقد أنزلنا إليك آيات بينات وما يكفر بها إلا الفاسقون. أوكلما عاهدوا عهدا نبذه فريق منهم بل أكثرهم لا يؤمنون. ولما جاءهم رسول من عند الله مصدق لما معهم نبذ فريق من الذين أوتوا الكتاب كتاب الله وراء ظهورهم كأنهم لا يعلمون. واتبعوا ما تتلو الشياطين على ملك سليمان وما كفر سليمان ولكن الشياطين كفروا يعلمون الناس السحر وما أنزل على الملكين ببابل هاروت وماروت وما يعلمان من أحد حتى يقولا إنما نحن فتنة فلا تكفر فيتعلمون منهما ما يفرقون به بين المرء وزوجه وما هم بضارين به من أحد إلا بإذن الله ويتعلمون ما يضرهم ولا ينفعهم ولقد علموا لمن اشتراه ما له في الآخرة من خلاق ولبئس ما شروا به أنفسهم لو كانوا يعلمون. ولو أنهم آمنوا واتقوا لمثوبة من عند الله خير لو كانوا يعلمون. يا أيها الذين آمنوا لا تقولوا راعنا وقولوا انظرنا واسمعوا وللكافرين عذاب أليم. ما يود الذين كفروا من أهل الكتاب ولا المشركين أن ينزل عليكم من خير من ربكم والله يختص برحمته من يشاء والله ذو الفضل العظيم. ما ننسخ من آية أو ننسها نأت بخير منها أو مثلها ألم تعلم أن الله على كل شيء قدير. ألم تعلم أن الله له ملك السماوات والأرض وما لكم من دون الله من ولي ولا نصير. أم تريدون أن تسألوا رسولكم كما سئل موسى من قبل ومن يتبدل الكفر بالإيمان فقد ضل سواء السبيل. ود كثير من أهل الكتاب لو يردونكم من بعد إيمانكم كفارا حسدا من عند أنفسهم من بعد ما تبين لهم الحق فاعفوا واصفحوا حتى يأتي الله بأمره إن الله على كل شيء قدير. وأقيموا الصلاة وآتوا الزكاة وما تقدموا لأنفسكم من خير تجدوه عند الله إن الله بما تعملون بصير. وقالوا لن يدخل الجنة إلا من كان هودا أو نصارى تلك أمانيهم قل هاتوا برهانكم إن كنتم صادقين. بلى من أسلم وجهه لله وهو محسن فله أجره عند ربه ولا خوف عليهم ولا هم يحزنون. وقالت اليهود ليست النصارى على شيء وقالت النصارى ليست اليهود على شيء وهم يتلون الكتاب كذلك قال الذين لا يعلمون مثل قولهم فالله يحكم بينهم يوم القيامة فيما كانوا فيه يختلفون. ومن أظلم ممن منع مساجد الله أن يذكر فيها اسمه وسعى في خرابها أولئك ما كان لهم أن يدخلوها إلا خائفين لهم في الدنيا خزي ولهم في الآخرة عذاب عظيم. ولله المشرق والمغرب فأينما تولوا فثم وجه الله إن الله واسع عليم. وقالوا اتخذ الله ولدا سبحانه بل له ما في السماوات والأرض كل له قانتون. بديع السماوات والأرض وإذا قضى أمرا فإنما يقول له كن فيكون. وقال الذين لا يعلمون لولا يكلمنا الله أو تأتينا آية كذلك قال الذين من قبلهم مثل قولهم تشابهت قلوبهم قد بينا الآيات لقوم يوقنون. إنا أرسلناك بالحق بشيرا ونذيرا ولا تسأل عن أصحاب الجحيم. ولن ترضى عنك اليهود ولا النصارى حتى تتبع ملتهم قل إن هدى الله هو الهدى ولئن اتبعت أهواءهم بعد الذي جاءك من العلم ما لك من الله من ولي ولا نصير. الذين آتيناهم الكتاب يتلونه حق تلاوته أولئك يؤمنون به ومن يكفر به فأولئك هم الخاسرون. يا بني إسرائيل اذكروا نعمتي التي أنعمت عليكم وأني فضلتكم على العالمين. واتقوا يوما لا تجزي نفس عن نفس شيئا ولا يقبل منها شفاعة ولا يؤخذ منها عدل ولا هم ينصرون. وإذ نجيناكم من آل فرعون يسومونكم سوء العذاب يذبحون أبناءكم ويستحيون نساءكم وفي ذلكم بلاء من ربكم عظيم. وإذ فرقنا بكم البحر فأنجيناكم وأغرقنا آل فرعون وأنتم تنظرون. وإذ وعدنا موسى أربعين ليلة ثم اتخذتم العجل من بعده وأنتم ظالمون. ثم عفونا عنكم من بعد ذلك لعلكم تشكرون. وإذ آتينا موسى الكتاب والفرقان لعلكم تهتدون. وإذ قال موسى لقومه يا قوم إنكم ظلمتم أنفسكم باتخاذكم العجل فتوبوا إلى بارئكم فاقتلوا أنفسكم ذلكم خير لكم عند بارئكم فتاب عليكم إنه هو التواب الرحيم. وإذ قلتم يا موسى لن نؤمن لك حتى نرى الله جهرة فأخذتكم الصاعقة وأنتم تنظرون. ثم بعثناكم من بعد موتكم لعلكم تشكرون. وظللنا عليكم الغمام وأنزلنا عليكم المن والسلوى كلوا من طيبات ما رزقناكم وما ظلمونا ولكن كانوا أنفسهم يظلمون. وإذ قلنا ادخلوا هذه القرية فكلوا منها حيث شئتم رغدا وادخلوا الباب سجدا وقولوا حطة نغفر لكم خطاياكم وسنزيد المحسنين. فبدل الذين ظلموا قولا غير الذي قيل لهم فأنزلنا على الذين ظلموا رجزا من السماء بما كانوا يفسقون. وإذ استسقى موسى لقومه فقلنا اضرب بعصاك الحجر فانفجرت منه اثنتا عشرة عينا قد علم كل أناس مشربهم كلوا واشربوا من رزق الله ولا تعثوا في الأرض مفسدين. وإذ قلتم يا موسى لن نصبر على طعام واحد فادع لنا ربك يخرج لنا مما تنبت الأرض من بقلها وقثائها وفومها وعدسها وبصلها قال أتستبدلون الذي هو أدنى بالذي هو خير اهبطوا مصرا فإن لكم ما سألتم وضربت عليهم الذلة والمسكنة وباءو بغضب من الله ذلك بأنهم كانوا يكفرون بآيات الله ويقتلون النبيين بغير الحق ذلك بما عصوا وكانوا يعتدون. إن الذين آمنوا والذين هادوا والنصارى والصابئين من آمن بالله واليوم الآخر وعمل صالحا فلهم أجرهم عند ربهم ولا خوف عليهم ولا هم يحزنون. وإذ أخذنا ميثاقكم ورفعنا فوقكم الطور خذوا ما آتيناكم بقوة واذكروا ما فيه لعلكم تتقون. ثم توليتم من بعد ذلك فلولا فضل الله عليكم ورحمته لكنتم من الخاسرين. ولقد علمتم الذين اعتدوا منكم في السبت فقلنا لهم كونوا قردة خاسئين. فجعلناها نكالا لما بين يديها وما خلفها وموعظة للمتقين. وإذ قال موسى لقومه إن الله يأمركم أن تذبحوا بقرة قالوا أتتخذنا هزوا قال أعوذ بالله أن أكون من الجاهلين. قالوا ادع لنا ربك يبين لنا ما هي قال إنه يقول إنها بقرة لا فارض ولا بكر عوان بين ذلك فافعلوا ما تؤمرون. قالوا ادع لنا ربك يبين لنا ما لونها قال إنه يقول إنها بقرة صفراء فاقع لونها تسر الناظرين. قالوا ادع لنا ربك يبين لنا ما هي إن البقر تشابه علينا وإنا إن شاء الله لمهتدون. قال إنه يقول إنها بقرة لا ذلول تثير الأرض ولا تسقي الحرث مسلمة لا شية فيها قالوا الآن جئت بالحق فذبحوها وما كادوا يفعلون. وإذ قتلتم نفسا فادارأتم فيها والله مخرج ما كنتم تكتمون. فقلنا اضربوه ببعضها كذلك يحيي الله الموتى ويريكم آياته لعلكم تعقلون. ثم قست قلوبكم من بعد ذلك فهي كالحجارة أو أشد قسوة وإن من الحجارة لما يتفجر منه الأنهار وإن منها لما يشقق فيخرج منه الماء وإن منها لما يهبط من خشية الله وما الله بغافل عما تعملون. أفتطمعون أن يؤمنوا لكم وقد كان فريق منهم يسمعون كلام الله ثم يحرفونه من بعد ما عقلوه وهم يعلمون. وإذا لقوا الذين آمنوا قالوا آمنا وإذا خلا بعضهم إلى بعض قالوا أتحدثونهم بما فتح الله عليكم ليحاجوكم به عند ربكم أفلا تعقلون. أولا يعلمون أن الله يعلم ما يسرون وما يعلنون. ومنهم أميون لا يعلمون الكتاب إلا أماني وإن هم إلا يظنون. فويل للذين يكتبون الكتاب بأيديهم ثم يقولون هذا من عند الله ليشتروا به ثمنا قليلا فويل لهم مما كتبت أيديهم وويل لهم مما يكسبون. وقالوا لن تمسنا النار إلا أياما معدودة قل أتخذتم عند الله عهدا فلن يخلف الله عهده أم تقولون على الله ما لا تعلمون. بلى من كسب سيئة وأحاطت به خطيئته فأولئك أصحاب النار هم فيها خالدون. والذين آمنوا وعملوا الصالحات أولئك أصحاب الجنة هم فيها خالدون. وإذ أخذنا ميثاق بني إسرائيل لا تعبدون إلا الله وبالوالدين إحسانا وذي القربى واليتامى والمساكين وقولوا للناس حسنا وأقيموا الصلاة وآتوا الزكاة ثم توليتم إلا قليلا منك

자기의 주장을 세우기 위하여 상대방의 사상을 곡해하고 그 사람의 인격을 모독하는 것은 결코 옳은 일이 아니다. 시비를 가리는 것은 어디까지나 사실에 입각하여 이성적으로 해야 할 것이다. 우리 사회에는 이러한 비이성적인 논쟁이 너무 많다. 이것은 우리 사회가 아직 민주주의의 기본 원칙을 충분히 이해하지 못하고 있다는 증거이다. 민주주의는 다수결의 원칙에 따라 의사를 결정하는 것이지만, 다수결의 원칙이 적용되기 위해서는 먼저 충분한 토론이 있어야 한다. 토론 없는 다수결은 폭력과 다를 바 없다. 그러므로 우리는 무엇보다도 먼저 토론의 문화를 정착시켜야 한다. 토론의 문화가 정착되기 위해서는 상대방의 의견을 존중하는 태도가 필요하다. 상대방의 의견이 비록 자기의 의견과 다르더라도 그 의견을 경청하고 그 의견에 대하여 합리적으로 반박하는 것이 토론의 기본 자세이다. 그런데 우리 사회에는 이러한 기본 자세가 결여되어 있는 경우가 너무 많다. 이것은 우리 교육이 잘못되었기 때문이다. 우리 교육은 학생들에게 비판적 사고력을 길러 주는 것보다 주입식 교육에 치중하여 왔다. 그 결과 학생들은 자기의 의견을 가지고 있더라도 그것을 남 앞에서 발표하는 것을 두려워하게 되었다. 이것은 매우 안타까운 일이다. 우리는 이제부터라도 교육 방법을 개선하여 학생들이 자기의 의견을 자유롭게 발표하고 토론할 수 있는 분위기를 조성하여야 한다. 그리고 우리 사회 전체가 토론의 문화를 정착시키기 위하여 노력하여야 한다. 그것이 우리 사회가 선진 사회로 나아가는 길이다.

제한의 규정은 없으나, 대체로 세 시간 이내로 하는 것이 보통이다. 토론의 주제는 사회적으로 관심이 있는 문제 중에서 찬반의 의견이 대립될 수 있는 것이 좋다. 토론의 주제가 정해지면 찬성 측과 반대 측은 각각 토론 준비를 하게 된다. 토론 준비에는 자료 수집, 논리 구성, 예상 질문에 대한 답변 준비 등이 포함된다. 토론 준비가 충분히 되어 있어야 토론을 원활하게 진행할 수 있다. 토론이 시작되면 먼저 찬성 측 토론자가 자기 측의 주장을 펼치고, 이어서 반대 측 토론자가 자기 측의 주장을 펼친다. 그 다음에 서로 상대방의 주장에 대하여 질문하고 답변하는 과정을 거친다. 이 과정에서 상대방의 주장의 허점을 찾아내어 공격하는 것이 토론의 핵심이다. 토론이 끝나면 사회자가 토론 내용을 정리하고, 청중들이 투표를 통하여 어느 측이 더 설득력 있는 주장을 펼쳤는지 판정하게 된다. 토론은 승패를 가리는 것이 목적이 아니라, 서로 다른 의견을 가진 사람들이 이성적으로 대화하는 방법을 배우는 것이 목적이다. 그러므로 토론에서 이기고 지는 것에 너무 집착할 필요는 없다. 토론을 통하여 얻은 지식과 경험이 더 중요하다.

ಕಾಲಿಗೆ ಬಿದ್ದು ಕಣ್ಣೀರಿಟ್ಟು ಕೊಂಡಾಡಿದರು. ಆಗ ಅವರ ಮೇಲೆ ಕರುಣೆ ತಾಳಿ ಅವರ ಕಣ್ಣೀರನ್ನು ಒರೆಸಿ ಅವರಿಗೆ ಸಮಾಧಾನ ಹೇಳಿ ಅವರಿಗೆ ಅಭಯ ಕೊಟ್ಟು ಅವರ ಮೇಲೆ ಕೃಪೆ ಮಾಡಿ ಅವರಿಗೆ ಅನುಗ್ರಹ ಮಾಡಿ ಅವರಿಗೆ ಆಶೀರ್ವಾದ ಮಾಡಿ ಅವರಿಗೆ ಸಂತೋಷ ಹೇಳಿ ಅವರಿಗೆ ಸಂತೈಸ

ಕಿಸಿ ಗಾಂಧಿ ಅವರು ಸಂಸತ್ತಿನಲ್ಲಿ ಮಾಡಿದ ಭಾಷಣದ ಕೆಲವು ಭಾಗಗಳನ್ನು ಓದಿ ಹೇಳಿದರು. ಆ ಭಾಷಣದಲ್ಲಿ ಅವರು ಹೇಳಿದ್ದರು: "ಈ ಸಂಸತ್ತಿನಲ್ಲಿ ಕುಳಿತಿರುವ ಕೆಲವು ಸದಸ್ಯರು ಸಂಸತ್ತಿನ ಹೊರಗೆ ಬೇರೆ ಬೇರೆ ಕಡೆಗಳಲ್ಲಿ ಮಾಡಿರುವ ಭಾಷಣಗಳು ಅತ್ಯಂತ ಕೆಟ್ಟದಾಗಿವೆ. ಅವರು ಸಂಸತ್ತಿನ ಒಳಗೆ ಮಾತನಾಡುವಾಗ ಸಂಸತ್ತಿನ ಘನತೆಗೆ ತಕ್ಕಂತೆ ಮಾತನಾಡಬೇಕು. ಸಂಸತ್ತಿನ ಹೊರಗೆ ಅವರು

ﻣﺎ ﻳﻤﻜﻦ ﺃﻥ ﻳﻘﺎﻝ ﻫﻮ ﺃﻥ ﺍﻟﻤﺴﺘﻮﻯ ﺍﻟﺬﻱ ﻳﺘﻢ ﻓﻴﻪ ﺍﻟﺘﻌﺎﻣﻞ ﻣﻊ ﺍﻟﻤﺸﻜﻼﺕ ﻭﺍﻟﻤﻮﺍﻗﻒ ﻭﺍﻟﻘﻀﺎﻳﺎ ﻭﺍﻟﺘﻌﺒﻴﺮ ﻋﻦ ﺍﻟﺮﺃﻱ ﻭﺍﻟﺘﻔﺎﻋﻞ ﻣﻌﻬﺎ ﻫﻮ ﻣﺴﺘﻮﻯ ﻣﺘﻘﺪﻡ ﻭﻣﺘﻄﻮﺭ ﻭﻳﺪﻝ ﻋﻠﻰ ﺍﻟﻨﻀﺞ ﻭﺍﻟﻮﻋﻲ ﻭﺍﻟﻘﺪﺭﺓ ﻋﻠﻰ ﺍﻟﺘﺤﻠﻴﻞ ﻭﺍﻟﺘﻔﻜﻴﺮ ﺍﻟﻌﻤﻴﻖ ﻭﺍﻟﺒﻌﻴﺪ ﻋﻦ ﺍﻟﺴﻄﺤﻴﺔ ﻭﺍﻟﺘﺴﺮﻉ ﻓﻲ ﺍﺗﺨﺎﺫ ﺍﻟﻘﺮﺍﺭﺍﺕ ﻭﺍﻟﺘﻌﺎﻣﻞ ﻣﻊ ﺍﻟﻤﺸﻜﻼﺕ ﻭﺍﻟﻤﻮﺍﻗﻒ ﻭﺍﻟﻘﻀﺎﻳﺎ ﺍﻟﺘﻲ ﺗﻮﺍﺟﻬﻪ ﻭﺍﻟﺘﻲ ﺗﺘﻄﻠﺐ ﻣﻨﻪ ﺍﻟﺘﻌﺎﻣﻞ ﻣﻌﻬﺎ ﻭﺍﻟﺘﻌﺒﻴﺮ ﻋﻦ ﺭﺃﻳﻪ ﻭﻣﻮﻗﻔﻪ ﻭﺍﻟﺘﻔﺎﻋﻞ ﻣﻌﻬﺎ ﻭﻫﺬﺍ

ولكن الأمر لم يكن كذلك. فقد كان الأمير يعرف أن الأمور لا تسير على ما يرام في مملكته، وأن الناس يشكون من الظلم والفقر، وأن الجيش يحتاج إلى إصلاح. لذلك قرر أن يسافر متنكرا ليرى بعينيه ما يجري، وأن يسمع بأذنيه ما يقوله الناس عنه وعن وزرائه. وقد اختار لهذه الرحلة يوما من أيام الربيع الجميلة، حين تكون الطرق مناسبة والجو معتدلا.

وقد اختار لهذه الرحلة يوما من أيام الربيع الجميلة، حين تكون الطرق مناسبة والجو معتدلا. لذلك قرر أن يسافر متنكرا ليرى بعينيه ما يجري، وأن يسمع بأذنيه ما يقوله الناس عنه وعن وزرائه. ولكن الأمر لم يكن كذلك. فقد كان الأمير يعرف أن الأمور لا تسير على ما يرام في مملكته، وأن الناس يشكون من الظلم والفقر، وأن الجيش يحتاج إلى إصلاح.

ولكن الأمر لم يكن كذلك. فقد كان الأمير يعرف أن الأمور لا تسير على ما يرام في مملكته، وأن الناس يشكون من الظلم والفقر، وأن الجيش يحتاج إلى إصلاح. لذلك قرر أن يسافر متنكرا ليرى بعينيه ما يجري، وأن يسمع بأذنيه ما يقوله الناس عنه وعن وزرائه. وقد اختار لهذه الرحلة يوما من أيام الربيع الجميلة، حين تكون الطرق مناسبة والجو معتدلا.

ਜਾਂ ਜਿਸ ਦੇਸ਼ ਵਿਚ ਉਸ ਦਾ ਜਨਮ ਹੋਇਆ ਹੋਵੇ ਉਸ ਦੇਸ਼ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਪ੍ਰਾਪਤ ਕਰ ਲੈਂਦਾ ਹੈ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਉਹ ਵਿਅਕਤੀ ਦੋਹਰੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਦਾ ਅਨੰਦ ਮਾਣਦਾ ਹੈ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਨੂੰ ਦੋਹਰੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਕਹਿੰਦੇ ਹਨ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਦੀ ਵਿਵਸਥਾ ਕਰਨ ਵਾਲੇ ਦੇਸ਼ ਹਨ ਅਮਰੀਕਾ, ਕੈਨੇਡਾ, ਆਸਟ੍ਰੇਲੀਆ, ਨਿਊਜ਼ੀਲੈਂਡ ਆਦਿ। ਇਹਨਾਂ ਦੇਸ਼ਾਂ ਵਿਚ ਜਨਮ ਦੇ ਆਧਾਰ ਤੇ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਪ੍ਰਾਪਤ ਕਰਨ ਵਾਲੇ ਵਿਅਕਤੀ ਨੂੰ ਆਪਣੇ ਮਾਤਾ-ਪਿਤਾ ਦੇ ਦੇਸ਼ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਵੀ ਪ੍ਰਾਪਤ ਹੁੰਦੀ ਹੈ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਉਹ ਵਿਅਕਤੀ ਦੋਹਰੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਦਾ ਅਨੰਦ ਮਾਣਦਾ ਹੈ।

ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਦੇ ਸੰਬੰਧ ਵਿਚ ਵਿਸ਼ਵ ਦੇ ਦੇਸ਼ਾਂ ਵਿਚ ਦੋ ਸਿਧਾਂਤ ਪ੍ਰਚਲਿਤ ਹਨ। ਇਕ ਸਿਧਾਂਤ ਅਨੁਸਾਰ ਜਨਮ ਦੇ ਆਧਾਰ ਤੇ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਪ੍ਰਾਪਤ ਕਰਨ ਵਾਲੇ ਵਿਅਕਤੀ ਨੂੰ ਆਪਣੇ ਮਾਤਾ-ਪਿਤਾ ਦੇ ਦੇਸ਼ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਵੀ ਪ੍ਰਾਪਤ ਹੁੰਦੀ ਹੈ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਉਹ ਵਿਅਕਤੀ ਦੋਹਰੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਦਾ ਅਨੰਦ ਮਾਣਦਾ ਹੈ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਨੂੰ ਦੋਹਰੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਕਹਿੰਦੇ ਹਨ। ਇਸ ਤਰ੍ਹਾਂ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਦੀ ਵਿਵਸਥਾ ਕਰਨ ਵਾਲੇ ਦੇਸ਼ ਹਨ ਅਮਰੀਕਾ, ਕੈਨੇਡਾ, ਆਸਟ੍ਰੇਲੀਆ, ਨਿਊਜ਼ੀਲੈਂਡ ਆਦਿ। ਇਹਨਾਂ ਦੇਸ਼ਾਂ ਵਿਚ ਜਨਮ ਦੇ ਆਧਾਰ ਤੇ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਪ੍ਰਾਪਤ ਕਰਨ ਵਾਲੇ ਵਿਅਕਤੀ ਨੂੰ ਆਪਣੇ ਮਾਤਾ-ਪਿਤਾ ਦੇ ਦੇਸ਼ ਦੀ ਨਾਗਰਿਕਤਾ ਵੀ ਪ੍ਰਾਪਤ ਹੁੰਦੀ ਹੈ।

ཀཱ་ཤི་ཀཱ་ཡཱ་ཨཱ་ཀཱ་ཤ་

ن ڈیڑھ ہزار سال قبل کے عرب معاشرے کی تصویر کشی کی ہے جس میں
ہر قبیلہ اپنی برتری کے لیے دوسرے قبیلے سے برسرِ پیکار رہتا تھا۔
اس ماحول میں ایک ایسے نبی کا آنا جو تمام انسانوں کو برابر قرار
دے، ایک انقلابی تصور تھا۔ اس کے ماننے والوں میں غلام بھی تھے
اور آزاد لوگ بھی، امیر بھی تھے اور غریب بھی، اور سب کو ایک ہی
صف میں کھڑا ہونے کا حکم دیا گیا۔ یہ بات اس وقت کے طاقتور
طبقے کو بہت ناگوار گزری، اسی لیے مخالفت کا آغاز ہوا۔

مخالفت کرنے والوں میں سب سے پیش پیش ابوجہل تھا، جو مکہ کے
ایک بااثر خاندان سے تعلق رکھتا تھا۔ اس کا اصل نام عمرو بن ہشام
تھا، مگر مسلمانوں نے اس کا لقب ابوجہل رکھ دیا۔ اس کی دشمنی
کی وجہ صرف مذہبی اختلاف نہیں تھی بلکہ اس کا خیال تھا کہ نئی
تعلیمات سے اس کی سماجی حیثیت خطرے میں پڑ جائے گی۔ وہ
اکثر کہتا تھا کہ ہم اپنے آباؤ اجداد کے طریقے نہیں چھوڑ سکتے،
چاہے وہ طریقے کتنے ہی غلط کیوں نہ ہوں۔

В великую минскую эпоху, в годы правления Юнлэ[1] жил Ли Хён, помощник главы королевской библиотеки, наставник наследника престола, удостоенный титула *чхунму* — «преданный», «несравненный». Он носил второе имя — Юн Сян и был сыном *сирана*[2] Ли Мёна. Мать его, госпожа Чин, разрешилась им на пятнадцатом году эры правления Хуну[3], в год *жэньсюй*[4]. Новорожденный был красив и хорошо сложен. Сразу видно было, что это не простое дитя.

Все началось с того, что отец его — советник вместе с супругой госпожой Чин на четвертом году совместной жизни, соблюдая траур по родителям, отправился на родину в Цзиньчжоу посетить могилы предков. Прошло три года траура, но государь даже не вспомнил о нем, не призвал на службу, а сам он в столицу не ехал и проводил свои дни в родных краях. Советник был [человеком] широкой натуры, жизнерадостным, любил вино и женщин. Госпожа Чин добрым нравом отличалась от других женщин. Родители советника были строги, и потому [при их жизни] он не мог всецело предаться удовольствиям. Но вот родители, державшие его в руках, скончались, и он скорбел о них в глуши. Однако советник не долго мирился [с таким образом жизни]. [Вскоре он] взял себе наложницу — певичку из Наньцзина по имени Хон Нан.

Хон Нан не имела себе равных по красоте, не было таких танцев и песен, которых она бы не знала. Советник, сильно увлекшись Хон Нан, предавался удовольствиям в своих покоях. Госпожа Чин, обеспокоенная этим, несколько раз пыталась урезонить его. Тогда Хон Нан, ловко опутав советника, оклеветала госпожу Чин. Советник, вняв наветам, прогнал супругу, когда она была на пятом месяце [беременности].

Оказавшись [без крова], она не знала, куда идти. Родствен-

[1] Юнлэ — девиз правления минского императора Чэнцзу (1403—1424).

[2] *Сиран* — советник при министерстве.

[3] Хуну — девиз правления основателя минской династии Тайцзу (1368—1398).

[4] *Жэньсюй* — 1382 год.

[5] *Кан* — мера площади для жилого помещения (2,5 *кв. м*).

[6] *Шицзин* — «Книга песен», одна из книг конфуцианского канона, памятник древней китайской поэзии.

[7] *Чхок* — мера длины, равная 0,32 *м*.

[8] Праздник седьмого дня седьмой луны. — По китайской легенде, в этот день на мосту через Серебряную реку (Млечный Путь) встречаются Пастух и Ткачиха (названия звезд в созвездии Водолея), разлученные небесным государем за то, что, увлекшись любовью, они забыли свои обязанности: пасти скот и ткать шелк.

[9] *Чхоса* — чиновник в отставке.

[10] Тростниковая шляпа и плащ — одежда отшельника.

[11] *Луньюй* — одна из книг конфуцианского канона, в ней записаны беседы Конфуция с учениками.

[12] Поймать синее облако... — т. е. преуспеть на службе.

[13] Украсить цветком корицы — т. е. успешно сдать экзамены на чин. Выдержавший первым экзамен получает в награду ветку с искусственным цветком корицы.

[14] Утки-неразлучницы — утки, которые всегда живут парой. Утки-неразлучницы — символ супружеской верности.

[15] *Чонтугван* — чиновник, оглашающий список лиц, сдавших государственный экзамен.

[16] *Халлим хакса* — звание, которое в средневековой Корее давали высшим чиновникам.

[17] Отношения при дожде из облака — т. е. любовные отношения. По китайской легенде, фея, обитающая в горах Ушань, однажды приняла князя и разделила с ним ложе. При расставании она сказала, что утром превращается в облачко, а вечером выпадает дождем.

[18] Ён-ван — по-китайски Янь-ван, четвертый сын минского императора Тайцзу (1368—1398) и дядя императора Хуйди (1399—1403), правил областью Янь. Янь-ван восстал против Хуйди и, захватив престол провозгласил себя императором Чэнцзу (1403—1424).

[19] Тхэ-чжо — Тайцзу, основатель династии Мин (1368—1398).

[20] Пан Хе Ю, Че Тхэ, Хван Ча Чжин — по-китайски Фань Сяо-жу, Ци Тай, Хуан Цзы-дэн — сановники минского императора Хуйди.

[21] *Мунсин* — гражданский чиновник. В Корее в эпоху Корё (918—1391) так называлась партия «гражданских чиновников», которые боролись за власть с «партией военных» — *мусин*.

[22] *Вигуккон* — военачальник, ведающий обороной всей страны.

[23] Гора Тайшань — в Китае; символ величия.

[24] Две жены — жены легендарного китайского государя Шуня. После смерти супруга они оплакивали его на берегу реки Сян, их слезы кровавыми каплями падали на листья бамбука, и они навсегда остались крапчатыми. Пожелав до конца остаться верными своему супругу, обе жены утопились в реке Сян и стали ее духами.

[25] Цзяньвэнь — годы правления минского государя Хуйди (1399—1403).

[26] Зеленый терем — публичный дом.

[27] Получить гребешок и полотенце благородного господина — т. е. выйти замуж

[28] К блеску золота прибавить сияние яшмы — выбрать подходящую супругу (или супруга); золото и яшма — символ достойной супружеской четы.

[29] Голодный дух — по преданию, умершие без погребения и без жертвоприношений становятся тенями, злыми духами.

[30] *Комунго* — корейский музыкальный инструмент, напоминающий лютню.

[31] Звезда Тесён — звезда в созвездии Малой Медведицы.

[32] Звезда Хёнхок — Марс.

[33] Звезда Чамисён — одна из звезд в созвездии Большой Медведицы.

[34] Чжоуский У-ван — основатель древней китайской династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.).

[35] Чжоуский гун — первый советник основателя чжоуской династии, Цзи Дань. Конфуцианская традиция считает его просвещенным государственным деятелем и образцовым правителем.

[1] Юнлэ — девиз правления минского императора Чэнцзу (1403—1424).

[2] *Сиран* — советник при министерстве.

[3] Хуну — девиз правления основателя минской династии Тайцзу (1368—1398).

[4] *Жэньсюй* — 1382 год.

[5] *Кан* — мера площади для жилого помещения (2,5 *кв. м*).

[6] *Шицзин* — «Книга песен», одна из книг конфуцианского канона, памятник древней китайской поэзии.

[7] *Чхок* — мера длины, равная 0,32 *м*.

[8] Праздник седьмого дня седьмой луны. — По китайской легенде, в этот день на мосту через Серебряную реку (Млечный Путь) встречаются Пастух и Ткачиха (названия звезд в созвездии Водолея), разлученные небесным государем за то, что, увлекшись любовью, они забыли свои обязанности: пасти скот и ткать шелк.

[9] *Чхоса* — чиновник в отставке.

[10] Тростниковая шляпа и плащ — одежда отшельника.

[11] *Луньюй* — одна из книг конфуцианского канона, в ней записаны беседы Конфуция с учениками.

[12] Поймать синее облако... — т. е. преуспеть на службе.

[13] Украсить цветком корицы — т. е. успешно сдать экзамены на чин. Выдержавший первым экзамен получает в награду ветку с искусственным цветком корицы.

[14] Утки-неразлучницы — утки, которые всегда живут парой. Утки-неразлучницы — символ супружеской верности.

[15] *Чонтугван* — чиновник, оглашающий список лиц, сдавших государственный экзамен.

[16] *Халлим хакса* — звание, которое в средневековой Корее давали высшим чиновникам.

[17] Отношения при дожде из облака — т. е. любовные отношения. По китайской легенде, фея, обитающая в горах Ушань, однажды приняла князя и разделила с ним ложе. При расставании она сказала, что утром превращается в облачко, а вечером выпадает дождем.

[18] Ён-ван — по-китайски Янь-ван, четвертый сын минского императора Тайцзу (1368—1398) и дядя императора Хуйди (1399—1403), правил областью Янь. Янь-ван восстал против Хуйди и, захватив престол провозгласил себя императором Чэнцзу (1403—1424).

[19] Тхэ-чжо — Тайцзу, основатель династии Мин (1368—1398).

[20] Пан Хе Ю, Че Тхэ, Хван Ча Чжин — по-китайски Фань Сяо-жу, Ци Тай, Хуан Цзы-дэн — сановники минского императора Хуйди.

[21] *Мунсин* — гражданский чиновник. В Корее в эпоху Корё (918—1391) так называлась партия «гражданских чиновников», которые боролись за власть с «партией военных» — *мусин*.

[22] *Вигуккон* — военачальник, ведающий обороной всей страны.

[23] Гора Тайшань — в Китае; символ величия.

[24] Две жены — жены легендарного китайского государя Шуня. После смерти супруга они оплакивали его на берегу реки Сян, их слезы кровавыми каплями падали на листья бамбука, и они навсегда остались крапчатыми. Пожелав до конца остаться верными своему супругу, обе жены утопились в реке Сян и стали ее духами.

[25] Цзяньвэнь — годы правления минского государя Хуйди (1399—1403).

[26] Зеленый терем — публичный дом.

[27] Получить гребешок и полотенце благородного господина — т. е. выйти замуж

[28] К блеску золота прибавить сияние яшмы — выбрать подходящую супругу (или супруга); золото и яшма — символ достойной супружеской четы.

[29] Голодный дух — по преданию, умершие без погребения и без жертвоприношений становятся тенями, злыми духами.

[30] *Комунго* — корейский музыкальный инструмент, напоминающий лютню.

[31] Звезда Тесён — звезда в созвездии Малой Медведицы.

[32] Звезда Хёнхок — Марс.

[33] Звезда Чамисён — одна из звезд в созвездии Большой Медведицы.

[34] Чжоуский У-ван — основатель древней китайской династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.).

[35] Чжоуский гун — первый советник основателя чжоуской династии, Цзи Дань. Конфуцианская традиция считает его просвещенным государственным деятелем и образцовым правителем.

ники ее жили в Сучжоу, но туда не было хорошей дороги. Со-
ветник жестоко обошелся с госпожой, безжалостно, как гром,
и госпоже Чин не оставалось ничего другого, как нанять лодку
и [с одной служанкой] отправиться в Сучжоу.

Они плыли несколько дней. Вдруг налетел ураган. Якорная
цепь порвалась, и они не знали, куда плывут. Лодка неслась по
воле ветра, и лодочник и обе женщины дрожали от страха. Че-
рез несколько дней ураган стих, и они пристали к берегу на
перекате. Когда они пришли в себя и огляделись, оказалось,
что они находились около Сицзина. Небо прояснилось. Госпо-
жа вспомнила о Сучжоу, ей стало грустно, она молилась небу
и вздыхала.

Лодочник сказал ей:

— Мы приплыли [в Сицзин]. Вы хотели попасть в Сучжоу,
но путь туда больше тысячи ли. Даже если спешить, трудно
доехать и за месяц. Заплатите мне и сойдите здесь.

Госпожа совсем пала духом. Но делать нечего, она за-
платила ему и сошла на берег вместе с девушкой Ун Хян.
Лодочник отчалил от берега, высоко поднял парус, и лодка,
подгоняемая легким ветерком, поплыла вверх по течению.

Госпожа Чин со своими скорбными мыслями была одинока,
словно лист, сорванный порывом осеннего ветра. Она не знала,
куда идти, и не могла побороть скорби. Госпожа и служанка
совсем отчаялись, положение их было ужасным. Вскоре госпо-
жа воскликнула:

— Супруг Ли изгнал меня, и я попала в эти места. Я ос-
талась в живых, но зачем? Не пережить мне такого горя! Но я
не могу допустить, чтобы вместе со мной погиб и ребенок.
В моем чреве плоть и кровь Ли. Прежде я уповала на милость
свекра и свекрови. Что мне делать теперь? О, хоть бы [небо]
ниспослало благо!

Служанка и хозяйка чувствовали себя очень одинокими.
Тут они заметили домик и подошли к нему. Их встретила ста-
рушка.

— Кто вы такие, — спросила она, — почему вы бродите
здесь в таком отчаянии?

Ун Хян залилась слезами и обстоятельно рассказала обо
всем, что с ними случилось. Старушка подивилась и проговори-
ла со вздохом:

— К прискорбию, судьба не была к вам милостива, и вы
бродите бесприютные, но в будущем [непременно] получите по-
мощь неба.

Госпожа и хозяйка дома понравились друг другу. Хозяйка
была вдовой. Она жила в постоянной нужде и потому спросила:

— Не стесню ли я [благородную] госпожу?

Госпожа, проливая слезы, почтительно ответила ей на это:

— Вы облагодетельствуете меня, если милостиво разрешите
мне жить в комнатке в один *кан*[5]. Посмею ли я обеспокоить
вас [просьбами] о еде и одежде?

Старушка сочла ее речи слишком самоуничижительными.
Она убрала комнату и разрешила в ней жить. Госпожа Чин
поблагодарила хозяйку за участие и осталась у нее в доме. Она
дала Ун Хян яшмовое кольцо и пару шпилек-фениксов из бе-
лой яшмы. Та продала их на базаре и выручила несколько сот
золотых. Они вышивали, ткали шелк, а в обмен получали то,
что [им было нужно]. Хотя у них не было особых достатков, но
они жили спокойно. А через пять лун госпожа Чин родила сы-
на. Это был вылитый *чхунму*. Облик его был прекрасен и не-
обычен. Не простое дитя! Госпожа и радовалась и печалилась.
Она нарекла его Хёном, а второе имя выбрала Юн Сян.

Хён подрастал. Прошло пять лет. Поведения он был не-
сравненного: когда гулял, соблюдал достоинство, когда сидел,
в манерах был строг; в походке его сквозила сдержанность;
ни на волос не было у него чего-нибудь дурного. Семи лет от
роду он постиг уже десять тысяч вещей, и не было на свете
ничего, чего бы он не знал.

Однажды Хён читал «Шицзин»[6]. Закрыв книгу, он обра-
тился к матери:

— Издревле сын имеет родителя, я же одинок и не знаю
своего отца. Отчего это?

Госпожа со слезами промолвила:

— Отец и сын привязаны друг к другу, так ведется исстари.

Поэтому мне не кажутся странными твои слова и мысли. — И она рассказала ему все, что случилось.

Сын, выслушав ее, залился слезами. Долго он не [мог сказать] ни слова. Но вот, роняя слезы, он упал на колени перед матерью:

— Отец поверил клевете, и мою мать изгнали из-за коварной женщины, но прошло уже много времени с тех пор, как вы приехали сюда, может быть, он раскаялся в своем поступке? Разве не простит он [вас], если увидит своего сына? Мне уже семь лет, я не знаю отца, живу преступником среди людей, перед чужими неловко. Я позабочусь о вас и [поеду] разыщу его.

Госпожа погладила его по спине и заплакала:

— Мне ли не понять твоих мыслей? Но Сицзин и Цзиньчжоу далеко друг от друга, и женщине трудно проделать путь в несколько тысяч ли. Преодолев его, мне придется подчиниться воле твоего отца, какова бы она ни была. А куда мы с тобой денемся, если он снова прогонит нас? Лучше подождем, когда тебе исполнится пятнадцать лет. Тогда ты сам разыщешь отца и выкажешь ему свою сыновнюю почтительность, и твоя мать в один прекрасный день тоже увидится с ним.

Мальчик опечалился и заплакал так, что даже не мог говорить. С тех пор он не выходил за ворота и, проводя все время в комнате для занятий, стал изучать «Принципы человеческой природы». Но, читая [книги], он только и думал, что не довелось ему увидеть лицо отца и что не может он служить обоим родителям, как это положено сыну. Мальчик печально закрывал книгу, и слезы часто-часто капали на его столик. Госпожа Чин страдала от этого и плакала.

Время неслось стрелой. Сын уже встретил свой тринадцатый год. Ростом он был в семь *чхоков*, станом тонкий, как ива, руки его, словно крылья феникса, на светлом яшмовом лице белые зубы и алые губы — как будто небожитель сошел на землю.

Госпожа горевала, что у сына от рождения есть только мать, что он страдает оттого, что не знает отца, и растет, угнетаемый скорбными думами, а она не в силах прекратить это зло. Сын, стесняясь показаться на люди, не выходил за ворота.

Старушке-хозяйке все это казалось странным, и однажды она сказала ему:

— Вы уже юноша, а все тоскуете, не показываете головы за ворота. Куда лучше предаваться сомнениям на берегу реки.

Юноша выслушал ее и со вздохом ответил:

— Ведь я преступник под небесами, мне уже больше тринадцати лет, а я не знаю своего отца. Я ничем не отличаюсь от зверей! Когда вижу людей, душа замирает от горя.

Старушку удивляло его поведение, и она то и дело вздыхала. Настал праздник седьмого дня седьмой луны[8]. Хозяйка была болезненной женщиной и ходила на купания в Чхочжон. Как-то собираясь туда, ей захотелось развеять грусть юноши, и она пригласила его пойти вместе с ней, но он ответил на это:

— Благодарю вас за великодушие, я никогда не был на лоне природы, ведь преступнику не подобает наслаждаться природой, и я не могу подчиниться вашей доброй воле, вы уж простите меня.

— Там, куда мы с вами пойдем, не собираются люди, — возразила старуха, — природа там дикая, виды необычайны. И хотя у вас душа не лежит к этому, сходите и успокойте свое сердце!

Юноша тяжело вздохнул:

— Любование природой еще больше опечалит мою душу. Я преступник, который не смеет даже взглянуть на солнечный свет; любуясь природой, я не испытываю восторга. Идите без меня!

Хозяйка несколько раз приглашала его, но он впал в уныние и больше ничего не ответил. Но старуха хотела пойти с ним и стала просить об этом госпожу. Госпожа тотчас позвала сына и сказала:

— Мы с тобой остались в живых только благодаря доброте нашей хозяйки. Она из любви к тебе хочет прогуляться вместе с тобой, не упрямься же!

Юноша не хотел идти, но ему пришлось подчиниться желанию матери, и, поблагодарив хозяйку за участие, он отправился с ней в горы.

Горные пики были прекрасны, природа великолепна! Водопады, словно яшмовые, струились светлыми потоками. Старуха сняла платье и стала купаться, а юноша, которого не трогала красота [природы], бродил в горах. [После купанья] старуха оделась и, сидя в тени деревьев, попивала вино, принесенное с собой.

В это время с горы, не спеша, спустился *чхоса*[9] в тростниковой шляпе и плаще[10], опираясь на дягилевый посох. Увидев, что юноша с яшмовым лицом и фениксовыми глазами равнодушен к красоте гор и рек, он удивился и, подойдя к нему с приветствием, промолвил:

— Прекрасный юноша, не откажись обратить свой взор на старика!

Юноше была неприятна встреча с [посторонним] человеком, он смутился и, сделав вид, что не слышит, повернулся и хотел уйти.

— Этот старец — *чхоса* Лю из Дунсяна, — заговорила хозяйка, — он превзошел других своей ученостью, это святой наших дней, не оставьте его без внимания!

Юноша отнюдь не был этому рад и, с большой неохотой повернувшись к отшельнику, вежливо проговорил:

— Я, невежда, с радостью послушал бы наставления учителя, но меня ждут дела, я должен вернуться.

С этими словами он поклонился и, распрощавшись, удалился, легко ступая. А *чхоса* Лю пристально разглядывал юношу, пока тот говорил, стараясь спрятать лицо. У юноши был высокий лоб, лицо, словно лотос. Фениксовый голос его звенел, как яшма. Словно белую яшму положили в пустынных горах! *Чхоса* будто помолодел душой и телом, ему захотелось позвать юношу снова, но тот, быстро отвесив церемонный поклон, удалился. Не осталось ни тени его, ни [следа]. *Чхоса* опечалился и, расхваливая его внешность и манеры, спросил у старухи:

— Не знаете ли вы, откуда этот юноша?

— Он живет в моем доме, — ответила та.

— Почему он живет у вас? — вежливо осведомился *чхоса*.

— Теперь ему тринадцать лет, — начала подробно рассказывать старуха. — Характер и поведение его необыкновенны, но из-за жестокости отца улыбка с раннего детства не появлялась на его лице. Его не радовали встречи с людьми, и нога его не ступала за ворота. Юноша считает себя преступником, и мне едва удалось сегодня привести его сюда. Поэтому он не обрадовался беседе с вами и остался равнодушным.

Чхоса, выслушав ее, удивленно воскликнул:

— Этот юноша святой мудрец! Как в такую глушь мог попасть человек столь добродетельный? И это несмотря на то, что отец его преступник? Разумеется, он образован, но нельзя ли взглянуть [мне] самому, [как он пишет]?

— За свои сочинения он никогда не берется снова, — ответила старуха, — но получить их очень трудно. Ведь он никогда не выходит за ворота, его не видят даже соседи. Разве он покажется вам? Его образ мыслей совсем не такой, как у других, и пригласить его будет нелегко.

Старик повздыхал и вернулся домой.

Чхоса Лю звали Ый. Он был человеком благородным и не искал почестей и славы; уединившись в горах, он возделывал землю, удил рыбу и жил «гостем, отдыхающим в святые времена». Он рано женился на госпоже Лё, но она, родив ему дочь, покинула этот мир. Тогда он женился вторично, но сына так и не дождался. Дочь его звали Ё Ран. Ей было двенадцать лет, дивным обликом, изысканными манерами она напоминала древних, и *чхоса* ее очень любил. Девице нужен был жених, но отец нигде не мог найти подходящего человека и очень беспокоился. Увидев юношу Ли, он понял, что Ли и его дочь были бы хорошей парой. Радостный, он вернулся домой и послал слугу пригласить старуху. Когда та пришла к нему, он обратился к ней с просьбой:

— Вчера я неожиданно встретил юношу Ли и никак не могу забыть его. Увидеть его снова очень трудно. Не могли бы вы показать мне что-нибудь написанное им?

Старуха подумала и сказала:

— Юноша по природе очень неразговорчив, и ему неприятны беседы с другими людьми, однако я попытаюсь.

Вернувшись домой, она взглянула на юношу, и ей захотелось тотчас же выполнить поручение *чхоса*. Юноша сидел тихо и читал «Луньюй»[11]. Он был прекрасен, как светлая осенняя луна, но на вид был так строг, что сразу не заговоришь. Если просто попросить что-нибудь написать, ему, пожалуй, покажется это подозрительным. Старушка, волнуясь, то бледнела, то краснела. «Никак к нему не подступиться», — думала она. А юноша, заметив, что она чем-то озабочена, удивился, но сделал вид, что не замечает. Тут старушке пришла в голову хитрая мысль, она обрадовалась и сказала:

— Мой младший брат живет в столице. Мне сказали, что туда едет один человек, и я хотела бы послать с ним письмо. Я, старуха, не знаю грамоты. Вы, конечно, очень заняты, но, может быть, напишете от меня несколько слов?

Юноша в душе совсем не обрадовался [ее просьбе], но ему пришлось взяться за кисть. Он написал [письмо] за один поворот головы и отдал хозяйке. Та, увидев, как он быстро водит кистью, была так удивлена, что в глазах у нее потемнело. Похвалив его, она взяла написанное и отнесла *чхоса* Лю. Лю быстро просмотрел. Сочинение было столь необыкновенным, что облака показались ему пепельными, а небо и земля потускнели. Обрадовавшись, он щедро одарил старуху.

— Я старик. У меня единственная дочь, ей двенадцать лет, она талантлива и добродетельна. Было бы справедливо, если б она стала невестой юноши. Ты предложи это госпоже и постарайся уговорить ее.

— Я понимаю, — ответила старуха, — но юношу Ли не интересуют мирские дела, и думаю, что он не обрадуется вашему предложению.

Чхоса улыбнулся:

— Отношения между супругами — вещь, обычная среди людей, они — источник большого счастья. А юноша не святой отшельник, неужели он до самой смерти будет [жить] один?

Старуха засмеялась и, вернувшись домой, передала госпоже Чин предложение *чхоса*.

— Вы знаете моего сына, — ответила ей на это госпожа, — подходит ли ему девица из дома Лю?

— Я видела барышню Лю, — солгала старуха, — самая подходящая невеста для молодого господина.

Госпожа повеселела. Старуха все передала Лю, тот тоже обрадовался и выбрал счастливый день. Он пришелся на шестнадцатый день восьмой луны. Госпожа Чин послала в дом невесты свадебные подарки и золотой браслет, который она носила в молодости.

Настал счастливый день, и юноша, полный достоинства, отправился к *чхоса* Лю. Ему не довелось узнать родного отца; он все время вздыхал об этом в глубокой печали и старался как можно лучше ухаживать за одинокой матерью. Сердцем он был с отцом и даже не помышлял о женитьбе. Он был очень ограничен в средствах и считал безрассудным думать о женитьбе без приказания отца. Лишь из сострадания к одинокой судьбе матери он [уступил] ей. Как описать чувства юноши? Слезы туманили его блестящие глаза, на прекрасном лице запечатлелась глубокая тревога, а в речах и манерах не было ни капли радости, но все вокруг хвалили его. У *чхоса* Лю он отведал свадебного гуся. Встретив молодую, он вернулся [в дом] и, приняв подарки в завершение большой свадебной церемонии, удалился. А госпожа стала разглядывать [Ё Ран]. Дивное лицо невесты и ее утонченные манеры обрадовали госпожу Чин больше, чем можно было предположить. Однако печаль не покидала ее. С наступлением ночи юноша не пошел к молодой, и мать спросила его о причине.

— Я не мог пойти наперекор желанию одинокой матушки и вынужден был жениться. Я не знаю своего отца, и нет мне прощения, я преступник среди людей. Ранний брак, женитьба на девочке предусмотрены у святых мудрецов, но невесте едва минуло тринадцать лет и было бы неправильно жить с ней вместе. Разве не следует вернуть ее отцу? Я подожду, пока она подрастет и [между нами] установятся должные отношения.

Госпожа опечалилась и вздохнула:

— Мать не может постичь чистых помыслов сына!

На следующее утро пришел *чхоса* Лю. Когда юноша, почтительно встретив его, заговорил, его яшмовое лицо и необыкновенная внешность предстали в новом свете. *Чхоса*, затаив страдание, сказал с нежностью:

— Я, старик, бесконечно рад тому, что у моих колен такой мудрый зять. Я не могу прийти в себя от счастья! Моя дочь еще очень молода, и я хочу видеть, как вы будете жить вместе через несколько лет. А каковы ваши желания?

Юноша с поклоном ответил:

— Ранний брак, брак с девочкой — это закон не нынешних государей. Я получил от вас наставления и разве могу пойти наперекор им?

Чхоса обрадовался стойкости юноши и взял обратно свою дочь. Он упросил юношу поселиться в его жилище. Юноша согласился, но без особого желания.

Он не интересовался мирскими делами, однако, уважая мудрость, высокую нравственность и честность своего тестя, часто наведывался в дом Лю. Тогда они рассуждали о путях совершенствования личности, услаждали свой ум. Лю приобрел уютный домик и поселил в нем госпожу Чин с сыном, снабдив их всем необходимым. Девушка предстала перед свекровью, чтобы исполнять ее волю в течение месяца. Своим преданным сердцем юноша полюбил *чхоса* как отца и решил наладить отношения с невестой. Встреча произошла при матери, но молодые не поднимали глаз, боясь взглянуть друг на друга. Юноше тогда было уже пятнадцать лет. Он все больше беспокоился об отце и, наконец, испросил разрешения у матери поехать в Цзиньчжоу. В это время пришло известие, что государь совершает паломничество на могилы предков. Госпожа сказала сыну:

— Отец может не принять тебя. Не лучше ли будет тебе поехать сейчас прямо в столицу и сдать экзамены, а потом отправиться в Цзиньчжоу?

Получив приказание матери, он стал собираться в дорогу. Когда он, отправляясь в Наньцзин, простился с матерью и вышел за ворота, слезы разлуки увлажнили [их] рукава. Он зашел к Лю. *Чхоса* хотел завершить свадебную церемонию. Обеспокоенный тем, что зять далеко уезжает, он взял его за рукав и привел в комнату молодой. [Ё Ран] встала навстречу ему. Юноша с достоинством приветствовал ее, протянул руки и усадил ее. *Чхоса* сказал:

— Вы уезжаете, поймаете синее облако[12], украситесь цветком корицы[13], устроитесь в академии, и слава ваша засияет. Дочь моя подрастет, а вы станете чиновником. Мне хотелось бы, испросив согласие вашей матушки, совершить брачные церемонии. Вы отправляетесь в столицу, по воле судьбы вы с моей дочерью стали супругами, но свои фамилии еще не соединили. Достигнув богатства, не забывайте обряд!

Юноша ответил на это:

— Хоть я и невежествен, но разве я могу быть бесчестным?

Чхоса была приятна [искренность юноши], и, обращаясь к дочери, он сказал:

— В мире все переменчиво. Покажи памятные подарки.

Молодая вынула два золотых браслета.

— Не сочтите меня за помешанного, — обратился *чхоса*, к юноше, — возьмите каждый по браслету. А теперь, прошу вас, взгляните ей в лицо!

Юноша, выслушав *чхоса*, еще раз убедился в том, что это судьба, ниспосланная небом, и, подняв глаза-звезды, взглянул на невесту. Девушка застыдилась и с браслетами в руках подошла к нему. Юноша нарочно не взял сразу, а некоторое время глядел на нее, потом поднялся и, приняв с почтением, промолвил:

— Сегодня мы сами разъединяем прощальные подарки, но дождемся дня, когда снова соединим [их]. Не знаю, как переживем разлуку. Напишем каждый по стиху и дадим клятву вечной верности.

— Ваши слова справедливы, — согласился *чхоса*, — дочь напишет маленькой кисточкой. Вы же не забудьте семью, с которой связаны на сто лет.

[Ё Ран], выполняя его волю, достала кисть и тушь, на-
исала один стих и подала отцу. *Чхоса* прочел его и отдал
юноше. Юноша поднял глаза — осенние волны моря. Форма
ероглифов была изысканной, стиль письма строгим. Он был
дивлен и восхищен написанным. Взяв разноцветную кисть,
н тоже написал стих и, подавая, сказал:

— Завтра утка-неразлучница[14] потеряет свою пару. Нынче
осле разлуки мы разъединим свои дары, и на время нам
ридется примириться с этим.

Он положил в карман [листок с] начальной строфой стиха и
тысячу залотых, откланялся и вышел за ворота. *Чхоса* пошел
следом и, взяв его за руку, с волнением сказал:

— Старая хозяйка боится, что вы увлечетесь вином, и не
верит, что снова увидит вас. Когда вы станете знатным, по-
лу́чите высокий чин, не забудьте ничтожных людей из гор-
ного захолустья!

Юноша растроганно увещевал его:

— Зачем говорить ненужные слова, если годы ваши еще
не клонятся к закату, а черные волосы еще не побелели? Хотя
ваш ничтожный зять и неразумен, но разве он может забыть
вашу дружбу?

Чхоса, преисполненный глубоких чувств, сжал его руку.

Юноша, простившись с ними, день и ночь ехал в столицу.
Прибыв в Наньцзин, он отправился к площадке для экза-
менующихся. Взглянув на тему сочинения, он в одно мгнове-
ние написал и представил его. Вскоре *чонтугван*[15] перед двор-
цом огласил имя сдавшего экзамен первым:

— Ли Хён, уроженец Цзиньчжоу, пятнадцати лет. Отец
его — бывший *сиран* Ли Мён.

Юноша вышел вперед и поднялся на площадку для экза-
менующихся. Он был очень грустен. Его представили госуда-
рю, все во дворце были поражены [талантом и молодостью]
Ли Хёна. Государь пожаловал ему цветущую ветку, платье
синего цвета и удостоил его звания *халлим хакса*[16]. Юноша
в ответ поклонился и сказал:

— Мой отец живет на родине в Цзиньчжоу. Вот уже много

лет он ждет у ворот, а я мечтаю лишь о том, чтобы, получив
приказ государя, почтительно ухаживать за родителями.

Государь разрешил. Юноша несколько раз поблагодарил
его за милость. Когда он вышел за ворота дворца, сотни чи-
новников окружили его.

Юноша ничего не знал о здоровье отца и был в смятении.
Он сетовал на то, что не может взять крылья у гуся и пере-
дать радостную весть матери. Разве он мог хоть на минуту
предаться радости? И той же звездной ночью отправившись
в путь, он прибыл в Цзиньчжоу. Правитель Цзиньчжоу до-
стойно встретил его. Юноша спросил его нетерпеливо:

— Где здесь дом *сирана* Ли?

— Не имеете ли вы в виду бывшего *сирана* Ли Мёна? —
спросил тот.

— Совершенно верно, — ответил юноша.

Тогда правитель сказал:

— Пять лет тому назад он был убит любовником наложницы Хон Нан. Правитель посадил в темницу и любовника и наложницу, я сам чинил допрос. Действительно, все так и оказалось. Родственников у него не было, и правитель за неимением истцов не решил дела и заключил [преступников] в темницу. Ли был похоронен со всеми [подобающими] церемониями. А почему вы интересуетесь?

Юноша упал без сознания. Правитель привел его в чувство и спросил о причине. Едва очнувшись, юноша заплакал:

— Я сын *сирана* Ли. Моя любимая мать, когда была беременна мною, попала в беду по вине этой Хон Нан. Она отправилась в Сучжоу к своим родственникам, но случилось несчастье, и она разрешилась мной в одиночестве, скитаясь у Сицзина. Я всегда питал глубокие сыновние чувства к отцу, но был мал, а путь далек, и потому я только сейчас явился сюда, получив благословение неба — меня украсили золотым цветком корицы, я добился почестей и славы. Я в отчаянии от того, что не знаю отца. Я ехал сюда и днем и ночью и разве мог подумать хотя бы во сне, что придется пережить такое горе, какого не выдержит [даже] небо?

Он снял шляпу, украшенную цветком корицы, распустил волосы и зарыдал так, что [у него] перехватило дыхание. Правитель спросил, чем он может помочь. Юноша попросил показать могилу отца. Правитель направился к могиле, а Ли Хён, поддерживаемый слугой, шел за ним, думая о том, что он [уже] семь лет тоскует по отцу, а мать его преследуют несчастья. Душа его омрачилась. Он сломал ветку коричных цветов, которые достались ему так неожиданно, и отправился к отчему дому. «Посмотреть бы с улыбкой на отца, — думал он. — Вечно меня преследуют нежданные-негаданные беды; тоска, заслонившая небо, безграничная скорбь терзает душу. Жизнь угасает». Когда он увидел могилу отца, к которой шел тысячу ли, ноги у него стали подкашиваться. Он шел, поддерживаемый слугой. Упав на могилу, юноша от горя [на некоторое время] лишился чувств. Долго он лил горючие слезы, в голосе его слышалась скорбь. Правитель и чиновники не могли прервать его стенаний. Но вот он приказал чиновникам привести сюда Хон Нан и ее любовника. Вскоре тюремщик привел связанных преступников. Когда юноша увидел их, гневу его не было границ. Разложили палки, преступников привязали и строго наказали. Допросили, почему они убили *сирана*. Мужчина ответил:

— Мое имя Хо Ма. У нас с Хон Нан издавна были отношения, как при дожде из облака [17]. Я отправился торговать на Рюкю, а когда вернулся, узнал, что *сиран* увел к себе Хон Нан. Я дал волю гневу и в такой-то год, луну и день заколол его — это случилось в час *ыльса*.

Затем стали допрашивать Хон Нан, и она со вздохом сказала:

— Меня насильно взял к себе господин Ли. И, хотя я стала его [наложницей], я ничего не знала о том, что Хо Ма убил господина Ли.

Юноша в великом гневе закричал:

— Своим коварством ты выгнала законную супругу Чин и, наконец, погубила моего отца. Небо и земля полны твоими преступлениями. Но теперь все раскрылось!

Юноша пригрозил им, и они, пав ниц, во всем признались. Ли Хён отрубил им головы и, повесив их перед могилой, прочитал поминальную табличку: «В такой-то день, луну и год ваш недостойный сын Хён, проливая горючие слезы, погруженный в печаль, в двух-трех строках говорит о своей скорби. Мое преступление наполнило небо и землю. Я не знал в лицо своего отца. Живя преступником среди людей, я ничем не отличаюсь от животных. Я ухаживаю за одинокой матерью. Одиноко и бесприютно скиталась она у Сицзина и нашла прибежище у нищей старухи. Прошло более десяти лет, а мои мысли все время были обращены в ту сторону, где жил отец. Тоска моя безгранична. Я горюю о том, что до сих пор не мог прибыть к отцу. Я был молод и не мог преодолеть расстояния в тысячу ли. Дни и ночи я надеялся на судьбу, но меня преследовали несчастья. Теперь волей случая я получил милость неба. Я первым сдал экзамены на чин и хотел, отправившись на родину, предстать с поклоном перед отцом и искупить свой грех. О небо! Как прискорбно! Нежданно-негаданно на пути [к вам] меня настигла недобрая весть. Сердце мое будто разорвалось. Как могло небо допустить это! В скорби своей, которая уже пятнадцать лет не покидает меня, я не похож на других людей, я даже не знаю отца. Из-за этого путь к славе закрыт для меня. Я взываю к небу. О тоска, от которой избавит меня только меч! От искренности чувств, которые сводят с ума недостойного сына, расплавятся металлы и камни! Безграничная скорбь не исчезнет во веки веков. Я не мог предстать перед отцом, но теперь головами преступников я обращаюсь к [его] духу. Если душе вашей светло в царстве мрака, посветите и мне! Я возвращусь к матери и пойду по тому пути, на котором остановились вы. Я жду, что вы обратите на меня свои взоры!»

Прочитав табличку, в которой слова были смешаны с кровью, он упал на могилу. Приближенные подхватили его. Едва он пришел в себя, как начал биться головой о могилу и закричал. Горючие слезы капали на его траурное платье, голос его часто прерывался, стоявшие рядом тоже не могли

удержаться от слез, не будучи в силах равнодушно смотреть на его горе. Затем юноша в комнате для посетителей разложил поминальные таблички. [Каждое] утро и вечер он приносил жертвы. Искренняя скорбь не проходила со временем.

— Я покончил бы с собой и последовал за отцом, но не могу не думать о матери, которая ждет меня за тысячу ли.

Затем он направил послание государю и сообщил, что находится в трауре и не может служить в столице. Государь издал указ, в котором он выразил соболезнование юноше и освободил его от службы на время траура. [Ли Хён] был тронут. Он поблагодарил государя за милость. Отправляясь в Сицзин, он посетил могилу отца и долго вздыхал и скорбел. Едва придя в себя, он вместе с десятью слугами отправился в путь. Он был печален, на яшмовом лице [его] не было ни кровинки, звездное сияние глаз померкло, дыхание прерывалось.

Ученый муж был благороден и грустен. Он ехал несколько дней и прибыл в какое-то местечко. Деревья и травы здесь были густо переплетены. Юноша остановился в нерешительности. Уже смеркалось. Поблизости не было другого жилья, и ему пришлось остановиться на постоялом дворе. Юноша едва дышал от усталости, ему отвели комнату. Хозяин подал ужин. На столе стояли тарелки с мясом. Ли Хён даже не притронулся к еде и отодвинул от себя блюда. Его слуга Сон Чжин сказал трактирщику:

— Наш господин в трауре, свари рисовый отвар и подай.

Тот вышел. А Сон Чжин, почуяв, что из-за дома донесся запах жирного мясного супа, потихоньку пошел туда. Вдруг [он услышал, как] на кухне кто-то сказал:

— Гость не ест мяса, отчего бы это?

— Потише, вы! Он не ест человеческого мяса, но ты приготовь ему зелье к закуске без мяса. Он заболеет, ослабеет и помрет от одного этого зелья!

Сон Чжин в испуге бросился к господину и рассказал ему все, от начала до конца. Юношей овладело беспокойство, но он сказал слуге:

— Я понял тебя, говорят, в пустынных местах из человеческого мяса делают пельмени. Людей убивают, а имущество забирают. Выходит, это верно. Ты помалкивай, а я уже придумал кое-что.

Между тем трактирщик принес рисовый отвар.

— Мне что-то нехорошо, убери это! — сказал ему юноша.

Слуга унес столик, а трактирщик вышел, напуганный. Юноша спокойно улегся. Вдруг за перегородкой тихонько захихикали и кто-то сказал:

— Он не захотел есть ни человеческого мяса, ни рисового отвара. Он хочет остаться в живых, однако ночью, в пятую стражу, ему не удастся избежать нашего ножа!

Услышав этот разговор, юноша испугался и стал думать, куда бы бежать. В пустынных горах глубокой ночью нет ни души. Он не знал, что делать, [но вскоре] сообразил кое-что.

У трактирщика вся усадьба была обсажена терновником, а на кустах развешаны колокольчики. Если придут грабители, от звона колокольчиков все проснутся, переполошатся, начнут рыскать вокруг и бандиты не осмелятся учинить злодеяние. Юноша, все продумав, тихо позвал Сон Чжина. Тот взял тонкую веревку, привязал ее к терновнику, а другой конец протянул в комнату юноши. В третью стражу они оба потихоньку потянули за веревку, колокольчики зазвенели. Люди в трактире перепугались, схватили факелы и выбежали с криками за ворота. Они сновали вправо и влево, а юноша и его слуги воспользовавшись [переполохом], сели на ослов и бежали.

Проехав тридцать ли, [они увидели] у дороги большой дом. [Люди с] факелами стояли в ряд и шумели. Юноша попросил разрешения провести здесь ночь. Один из чиновников сказал:

— Светлейший Ён-ван [18] едет в столицу, собирается побывать на приеме у государя и принять участие в пире. Сегодняшнюю ночь [он] проводит здесь. Все чиновники собрались [приветствовать его]. Ён-ван — четвертый сын Тхэ-чжо [19], имя его Чхе. Его резиденция в Яньбэе.

Юноша, узнав, что здесь четвертый сын государя, Ён-ван, побоялся войти. Вдруг позади него раздался голос:

— Гость украл в трактире вещи!

Юноша оглянулся: несколько десятков головорезов окружили его, держа в руках мечи и копья. Юноша испугался и, обратившись к стоявшим рядом чиновникам, пожаловался:

— Я не ссорился с этими людьми, но они преследуют меня со злым умыслом. Я надеюсь, что вы поможете мне.

Только он промолвил, как разбойники в одно мгновение подскочили и схватили его, а слуг его связали. Чиновники, увидя, что юноша попал в беду, сжалились над ним и обрушились с бранью на преследователей:

— Когда хватают разбойников или краденое, докладывают в управу и там решают дело. Отчего же вы самовольничаете? Наш государь своею мудростью превосходит других людей. Идите и доложите ему, пусть он рассудит!

Чиновники, ведя юношу и разбойников, пришли к Ён-вану.

Ван уже давно находился в пути. Остановившись здесь, где не было ни души, он не мог заснуть и беседовал с монахом Пон Чжон Еком о древних и нынешних [порядках]. Вдруг с улицы донесся шум, и толпа чиновников, ведущих разбойников и человека в траурном платье, предстала перед ваном. Они изложили суть дела. Ван обратился к разбойникам с вопросом:

— Если гость украл у вас [что-то], то вы можете обвинить его только в том случае, если у него есть краденые вещи. Как же можно хватать [человека], если он не вор?

Разбойники принялись лгать:

— Мы его проводили в комнату и уложили спать. Вдруг в полночь раздался звон колокольчиков на заборе, и гость бесследно исчез. Совершенно очевидно, что он сбежал, украв что-то. Мы бросились следом, даже не осмотрев дом. Если не обнаружим у него краденого — уйдем, только и всего, ничего страшного нет. Однако, если гость ни с того ни с сего ночью открывает ворота трактира и убегает, должна быть веская причина. Если у него были для этого какие-то основания, нужно было прежде пойти и сказать хозяину трактира. Вы, господин, пожалуйста, подумайте об этом.

Ван, считая их слова резонными, обратился к юноше:

— Как ваше имя и фамилия? Почему вы, благородный человек, открыв ночью ворота трактира, сбежали? Расскажите мне!

Юноша выслушал и, не изменившись в лице, не спеша, рассказал:

— Меня постигло горе, достигающее небес. Едва миновали первые дни траура, я направился в Сицзин ухаживать за старой матерью, вот потому я и попал сюда. Хозяин трактира задумал обмануть меня, подсунув человеческое мясо, но у него ничего не вышло. Тогда, [как я узнал из разговора], он собрался меня погубить. Я узнал о том, что меня ожидает, и не стал [ничего] есть. Случайно я подслушал разговор и понял, что меня хотят погубить. Хоть я и преступник, пребывающий в скорби, но погибнуть в дороге понапрасну никому не захочется. Мне пришлось прибегнуть к хитрости и бежать сюда. Естественно, эта шайка погналась за мной. Господин, обыщите мои вещи и слуг и расследуйте все тщательно. Вы не раскаетесь в этом.

Он кончил. Речь его была искренней, и лицо оставалось спокойным. Ван был мудрым человеком. Выслушав его, он все понял и сказал:

— Я слышал раньше, что в пустынных местах человеческим мясом и зельем травят людей. Оказывается, это и на самом деле так.

Так как ван ведал государственными делами, он решил разобраться в этом в самый кратчайший срок; [он] велел чиновникам осмотреть дорожные вещи юноши и приказал стражникам:

— Схватите эту шайку и обыщите трактир, узнайте, откуда они берут человеческое мясо!

[Чиновники], выслушав приказ, взяли под стражу разбойников и пришли к трактиру, сразу нашли [там] и жареное человеческое мясо и вареное. Убитые лежали на столах. Стражники связали всех, [кто служил] в трактире, от мала до велика, привезли в резиденцию вана и тотчас ему обо всем доложили. Пока [шло расследование], настало утро. Ван, узнав подробности, разгневался и пригрозил хозяину трактира. Тот во всем

повинился. Ван был потрясен. Главаря казнили, остальных [преступников] наказали палками и сослали на дальние границы в солдаты.

Затем ван приказал своим приближенным позвать юношу, А юноша между тем восхищался, как [быстро] ван, словно небожитель, раскрыл это дело. Он удалился в нижние покои, ожидая дальнейших событий и собираясь отправиться в дорогу. Услышав, что ван его зовет, он скромно сказал:

— Я в трауре. Как мне, недостойному, предстать перед лицом могущественного государя?

Ван настаивал на своем приглашении:

— Во дворце все, конечно, должны видеть его в платье чиновника, но какие могут быть церемонии при [случайной] встрече в пути?

Юноша опять передал через слуг:

— Я — Ли Хён, *халлим хакса*, первым сдавший экзамен на чин этой осенью, ношу траур по отцу и не могу подчиниться милостивому приказу. Направляюсь сейчас в Сицзин ухаживать за матерью. Я попал в беду и находился между жизнью и смертью. Своей властью ван избавил меня от шайки злоумышленников. Мне очень хочется поблагодарить вана за великодушие, но не смею предстать перед светлыми очами. Зачем же попусту говорить об этом?

Ван непременно хотел повидать юношу, и сам отправился к нему. Ли Хён был так смущен, что не смог принять его должным образом. Он встретил его у порога и скромно приветствовал. Ван поклонился в ответ и поднял глаза: хотя юноша и похудел от печали, но его смятение не было смятением преступника. Ван с достоинством сказал:

— Я — Ён-ван, четвертый сын государя, владетельный князь. Не зная вас совсем и впервые встретив на постоялом дворе, я увидел небожителя. Счастью моему нет границ.

Юноша почтительно сказал:

— Я преступник. Сегодня случайно предстал перед вами, и милость, оказанная вами, облагодетельствует меня и в будущем. Я не скоро приду в себя от глубокого потрясения. Вы, вели-

кий человек, пришли к преступнику из подлого дома. Я не могу побороть в себе священного трепета.

Ван с улыбкой сказал:

— Я один из первых князей. С давних пор я ратовал за то, что нам нужны мудрецы, и, хотя мне не дано постигать людей, тем не менее я вижу в вас дар правителя и способность повелевать подданными. Я поздравляю вас с получением милости государя.

— Я, невежественный, могу опозориться перед вашими чиновниками; как мне выполнять ваши приказы? — проговорил юноша.

— Вы носите траур по отцу и побывали на родине. Отчего же ваша матушка живет в Сицзине? — спросил ван.

Юноша затрепетал, и слезы, которые он пытался сдержать, потекли по яшмовому лицу, траурное платье промокло. Долго он не мог вымолвить ни слова.

Ван сказал со вздохом:

— Святые мудрецы боялись нарушить покой, разве не предостерегали правителей от отчаяния люди прошлых веков?

— Слова ваши справедливы, — ответил юноша, — но [судьба] моя не такая, как у других людей. Я расскажу вам подробно, что произошло со мной. Этой осенью я сдал экзамены на чин. Звание, которое [я получил] не по заслугам, для меня слишком высоко, но великодушие государя не знает границ. Я, ничтожный, замыслил отправиться на родину, навестить отца. Я хотел вернуться в столицу, чтобы отблагодарить [государя] хоть на одну десятитысячную за небесную милость, но прегрешения мои оказались слишком велики и судьба жестока. Отец безвременно скончался, а пока он жил, я не знал его и не мог выразить сыновние чувства. Моя скорбь взывала к небу и земле, и некуда мне было деться. Я думал, что лучше исчезнуть, пойти вслед за отцом и отблагодарить за великую милость своего рождения, за которую я не отблагодарил на этом свете, но я не могу бросить одинокую старую мать на чужбине. Поэтому я не расстался со своей никчемной жизнью. Есть ли еще на свете такой грешник, как я?

Ван стал его утешать:

— То, что ваш отец преждевременно скончался, — зависело от неба. Зачем же из-за глубокой преданности [к отцу] пренебрегать здоровьем старой матери?

Юноша растроганно поблагодарил. Своими речами он внушил вану еще бóльшую симпатию, и [ван] не знал, как расстаться с ним. Юноша поднялся и сказал на прощание:

— Я, грешник, случайно в пути получил милость вана и глубоко тронут этим, на душе у меня стало светлее. Меня ждет старая мать у ворот дома, и с каждым днем сердце мое все больше тоскует в одиночестве. Я спешу и сейчас вынужден почтительнейше распрощаться с вами.

Расставаясь, ван испытывал самые теплые чувства к Ли Хёну. Он сжал руки юноши и сказал:

— Я человек бесталанный и не могу привлечь ваше внимание, но внемлите моей искренности. Давайте договоримся о будущей встрече.

Для юноши все дела были как плывущие облака, и слова вана не нашли отклика [в его душе], он только обратил на гостя взор, полный благодарности. Ван словно дитя дракона и феникса — на нем печать солнца. Вид у него могущественный, лицо дракона, грозные брови, большой нос. Разве не обладал он внешностью правителя государства? Он был похож на сына неба в святые времена. Пораженный, юноша несколько раз внимательно посмотрел на него, дважды поклонился и вздохнул и, не говоря ни слова, удалился. У вана сжалось сердце. Он отправился в путь и прибыл в Цзиньлин. Явившись на утренний прием к сыну неба, почтительно приветствовав его и государыню, ван сказал:

— По пути в столицу я остановился в области Цичжоу в деревенском доме. В тех местах человеческим мясом и необыкновенными зельями губят людей и присваивают их имущество. Я, дав волю гневу и не доложив вам, обезглавил убийцу-главаря, а остальных сослал в отдаленные земли в солдаты. Не зная, какова на то ваша воля, я трепещу, [ожидая наказания] за свое преступление.

Государь, выслушав, улыбнулся:

— Я объединил [всю] Поднебесную, но она широка, без края. В трактире вы уничтожили зло, которое там [причиняли] людям. Я считаю [ваше деяние] прекрасным, разве это преступление?

Поблагодарив за милость, ван со вздохом заметил:

— Какого талантливого человека вы избрали этой осенью [на экзаменах] во время паломничества на могилы!

Государь сказал:

— Ли Хён, который нынче первым сдал экзамены, исключительный человек, но у него умер отец, и он пребывает в трауре. Это очень прискорбно.

Ван рассказал:

— Ли Мён изгнал жену, когда его сын был еще во чреве матери. Она отправилась на родину в Сучжоу, но попала в бурю и ее принесло в Сицзин. Мать и сын едва выжили. Когда Хён подрос, он прибыл в столицу, сдал экзамены на чин и уехал в Цзиньчжоу. Ли Мёна злодейски убили, по вине развратной наложницы его не стало. Ли Хён глубоко скорбит В траурном одеянии он отправился в Сицзин к старой матери. Заехав в трактир, где кормили человеческим мясом, и узнав о подлых кознях, он задумал кое-что и избежал злодейства. Хоть я видел его всего один раз, но сразу понял, что человек он необычный. В беседе он проявил талант правителя, я был сражен его достоинствами. Получив милость государя, я обосновался в Яньбэе. Земли там обширны, горы и реки великолепны. Очень трудно их оборонять от варваров. Я не знаю покоя ни днем, ни ночью. Как бы мне не ошибиться в большом деле, как бы не опозорить могущества государя. Стоит пригласить такого выдающегося человека [на службу]. Мы вместе с ним будем править областью и разгадаем подстерегающие нас тайные помыслы варваров. В пограничных землях мне не обойтись без талантливых людей. Я видел Ли Хёна. Он человек необычный. Вы оказали мне доверие, так упрочьте же мое положение, чтобы я смог достойно управлять Яньбэем.

Государь погрузился в размышления и через некоторое время сказал:

— Я хотел услышать ваше мнение. Хоть замыслы ваши широки и поражают своей изобретательностью и дело, [которое вы предлагаете], важно, но как же мне отдать Ли Хёна? Мой внук характером слаб, а все эти Пан Хё Ю, Кён Чхён, Че Тхэ, Хван Ча Чжин [20] — недостойные *мунсины* [21]. У государства нет опоры. Как же мне отдать Ли Хёна?

Ван глубоко задумался и, не говоря ни слова, ушел. Издревле говорят: скажешь днем — услышат птицы, скажешь ночью — услышат мыши. Этот разговор получил огласку. Советник Че Тхэ и первый министр Хван Ча Чжин перепугались и сказали государю:

— Ён-ван и его подданные что-то замыслили. У Ён-вана обширные владения, и к себе на службу он просит таких героев, как Чон Хён, Ым Хын. Государь, положение ваших потомков может оказаться так же ненадежно, как у яиц, сложенных горой. И день и ночь мы тревожимся об этом. Он хочет пригласить к себе этого Ли Хёна, якобы чтобы обороняться от варваров. [На самом деле] это [лишний раз] говорит о его далеко идущих замыслах.

Однажды на приеме у государя министр Хван заметил:

— Хоть Ён-ван и сын государя, но он самостоятельный князь, внушающий опасения. Разве можно оставлять его надолго во дворце? Его немедленно следует отослать.

Советник Че сделал скорбное лицо и добавил:

— Ён-ван [просит] уступить ему Ли Хёна, сдавшего первым экзамен. Его [просьба] содержит в себе глубокий смысл. Мы боимся, как бы не повредило это вашим наследникам в будущем. Скорее отошлите его обратно!

В это время [Ён]-ван был во дворце и слышал эти речи, он пришел в ярость и потребовал разжаловать обоих и убить. Государь, прочтя донесение вана, решил, что ему это невыгодно, и, считая слова придворных справедливыми, стал предостерегать вана:

— Хоть Че и Хван сказали слишком резко, но сомневаться — значит приблизиться к истине. Успокойтесь и сегодня же возвращайтесь к себе.

Ван тоже проявил мудрость. Узнав волю государя, он в тот же день откланялся и отправился в Яньбэй. Государь предостерег его, и потрясенный ван спешно выехал.

А в Яньбэе все чиновники вышли навстречу за десять ли и приветствовали его. Во дворце ван сказал То Ёну:

— В свое время скончался мой старший брат. Я любил его сына, как своего ребенка. Че Тхэ и Хван Ча Чжин оклеветали меня, и государь усомнился во мне. Теперь когда оправдают мое благородное сердце?

Когда-то *вигуккон* [22] Со Даль, убедившись в выдающемся военном таланте То Ёна, направил его к вану, наказав при этом: «Защищай вана от варваров!»

Старшая дочь Со была супругой Ён-вана. То Ён знал астрономию и умел гадать по [чертам] лица. Он понял, что облик вана — облик сына неба, и завел с ним беседу о великом свершении. Но ван не откликнулся. В следующий раз ван ответил ему, как и прежде:

— Хоть меня и оклеветали коварные придворные, стану ли я, поправ родственные отношения, замышлять против государя?

— Пусть так, но если вы хотите совершить великое дело, нельзя быть таким нерешительным. Наследник слабоумен, Че Тхе и другие злоупотребляют властью, и, если в последние годы жизни государя кто-либо чужой будет править Поднебесной, раскаиваться будет поздно, — ответил То Ён.

Ван промолчал.

Вскоре скончался государь. Ван очень горевал и, объявив о трауре, скорбел день и ночь. Он решил отправиться в столицу, но неожиданно услышал, что Че и Хван упразднили самостоятельность ванов и что в каждую провинцию посланы войска с приказом задержать всех князей. Ван огорчился и разгневался. Сердце его, хранившее прежде верность, теперь поколебалось. С этого дня в душе его зародились мятежные замыслы, и через несколько дней он сказался больным.

Че, Хван и все их подданные, еще раньше подозревавшие вана, задумали сорвать [его] планы.

* *
*

Между тем юноша, расставшись с Ён-ваном, ехал день и ночь. Достигнув Сицзина, он встретился с матерью. Госпожа Чин впервые проводила сына так далеко, и думы [о нем] были печальны. Она привела к себе Лю, и та была единственной ее утешительницей в грустном одиночестве.

Неожиданно заболел *чхоса* Лю. День ото дня ему становилось все хуже. Молодая в большом горе покинула свекровь и пошла в отцовский дом. Болезнь обострялась, и *чхоса* Лю, чувствуя, что ему уже не встать, сказал дочери:

— Я умру, не повидав Юн Сяна, тоска не дает мне покоя. Юн Сян — мудрый человек, он не оставит тебя. Однако все может случиться, [иногда] поступки людей идут вразрез с их мыслями. Если будет трудно соединить уток-неразлучниц, защищайся сама, береги себя!

[С этими словами] он скончался. Ему было тогда сорок пять лет. Девушка предалась горю. Превозмогая печаль, она, как положено по обряду, своими руками одела покойного. Справляя траур, она не могла покинуть свой дом и просила разрешения у свекрови вернуться к ней после траура. Госпожа Чин, всей душой сочувствуя ей, согласилась. Молодая вместе с мачехой, госпожой Сон, совершала жертвоприношения.

Время шло быстро. Траур миновал. Но Лю все грустила и горевала день и ночь. Она похудела, стала совсем хрупкой и еще более красивой.

А госпожа Сон замыслила грязное дело. У одного их односельчанина по имени Ким Чан Чжа умерла жена, и он решил жениться вторично. Госпожа Сон потихоньку сговорилась с ним:

— Если дашь несколько тысяч золотом, обещаю тебе девицу!

Ким обрадовался, принес тысячу золотых монет и спросил [о девушке]. Госпожа Сон, довольная, выбрала счастливый день. А Лю между тем ни о чем не подозревала. Она совершила траурные обряды и, беспокоясь о благополучии свекрови, хотела вернуться к ней. Служанка Ун Кё тайком шепнула ей, что мачеха сосватала ее за вдовца Ким Чан Чжа и что уж близок и день [свадьбы]. [Лю], услышав такое, что и во сне не увидишь, всполошилась. Она была в смятении и не могла вымолвить ни слова. Кормилица Ке Хва сказала ей:

— Такова воля мачехи, и вам трудно будет уклониться. Ступайте скорей в дом свекрови.

«Идти к ней сейчас нет смысла, я лишь причиню зло своей свекрови. Разве я могу пойти к ней?» — думала девушка. И она, взяв шелк, сшила себе мужское платье и спрятала в карман драгоценности. Той же ночью с кормилицей Ке Хва и ее дочерью Ок Нан она выехала за ворота усадьбы. Лю вручила Ун Кё письмо для госпожи Чин, а сама отправилась куда глаза глядят.

Мачеха, пообещав девушку Киму, ждала назначенного дня. А назавтра падчерица пропала неизвестно куда, оставив на столе письмо на двух листках. Мачеха с дрожью прочитала его:

«Недостойная дочь смиренно обращается к вам. Мой отец ушел далеко-далеко, вы, тетушка, одиноки, и мысли ваши печальны. Мне вздумалось выполнить свое желание — переодеться в мужское платье и отправиться странствовать по Поднебесной. Если бы я рассказала вам об этом раньше, вы бы мне не разрешили, и я ушла тайком. Не тужите о преданной вам дочери и берегите свое драгоценное здоровье».

Мачеха, прочитав, упала духом и [тяжело] вздохнула: «Что ж, если заранее узнаешь о таком деле, поневоле сбежишь. Кто бы мог подумать, что она перехитрит [меня] и все испортит своими кознями! И это наверняка не обошлось без госпожи Чин». Она сетовала только на то, что обман не удался, и рассказала обо всем Киму. Ким страшно разгневался и, схватив деньги, посоветовал:

— Посмотрите, не спряталась ли девица у свекрови?

Госпожа Сон показала [ему] письмо девушки и сказала, что нет никакого сомнения в том, что та сбежала, переодевшись в мужское платье. Ким ничего не мог поделать. Он злился и подозревал, что дело не могло обойтись без госпожи Чин, что [кажущееся] неведение ее — лишь предусмотрительность девицы.

А госпожа Чин тем временем очень тосковала оттого, что девушка ушла от нее надолго. Она собралась было позвать ее сама, как вдруг госпожа Сон через служанку сообщила, что Лю убежала, оставив для нее письмо. «У этой верной падчерицы — добропорядочность льда и яшмы, и она не выйдет за отцовские ворота без веских причин, — [подумала госпожа]. — Есть, конечно, письмо, но понять, в чем тут дело, — невозможно». Она терзалась сомнениями, но через несколько дней служанка Ун Кё принесла письмо из дома Лю. Госпожа быстро вскрыла и прочла. Вот что в нем было написано:

«Недостойная невестка Ё Ран трижды кланяется вам до земли и посылает к вашим стопам этот листок бумаги. Я в юные годы, опираясь о ваши колени, пользовалась вашими милостями. Искренность, с которой я отношусь к вам, ни на минуту не уменьшится. К несчастью, мой отец ушел далеко, и я скорблю так, что небо может обрушиться. Мое горе очень велико! Покидая вас, я хотела снова вернуться, как только закончится траур. Но мне, одинокой, угрожал позор стать наложницей в доме Кима. Мать оказалась слабой духом, и не было никого, кто избавил бы меня от позора. Мне ли не знать, что я могла бы избежать беды, придя к вам? Но в это время не было супруга, и я боялась, как бы не навлечь беду и на вас. Оттягивая время, я хотела дождаться, когда приедет супруг. Но мой позор приближался, и я, не думая о себе, хотела только, чтобы вы жили спокойно. Я ухожу из дома. Подниму голову — и мне представляется ваше лицо. Но вокруг меня громоздятся лишь горы, окутанные облаками. [Сердце] мое разрывается. На коленях молю вас, не оставьте меня, недостойную невестку, своими милостями. Живите долгие го-

ды. Когда-нибудь мы все приедем в столицу и соберемся [все вместе]».

Письмо очень взволновало госпожу, и она залилась слезами. Но своим светлым умом она все поняла. Несмотря на то что девушка в письме ничего не говорила о подлых происках Сон, госпоже все стало ясно. Ее проницательное сердце не могло забыть того, что [девушка], не думая о себе, спасала свекровь. Мысли ее были очень печальны.

Миновала зима. До самой весны от юноши не было вестей, и беспокойство матери росло. Сон и еда не приносили успокоения. Она проводила время в тревоге и тоске.

Хакса, сдав экзамены на чин и отправившись в Цзиньчжоу, послал в Сицзин чиновника. Но он заболел в пути и умер. Уездная управа справлялась в списках сдавших экзамены в столице, но имя *хакса* еще не попало в списки. Земляки редко видели его, и мало кто знал его имя. Поэтому в Сицзине о нем никто ничего не слыхал.

Настал первый месяц весны. Однажды вбежала служанка и сказала, что приехал Ли Хён. Госпожа не могла подняться, не могла даже подумать о том, чтобы выйти к нему навстречу. Когда *хакса* вошел в ворота, она [увидела], что на нем траурное платье. Юноша подошел к ступеням. Мать вскрикнула и, потеряв сознание, упала. Сердце сына дрогнуло. Взяв себя в руки, он вошел в дом и помог матери. Очнувшись, она заплакала:

— Твой отец поверил клевете гнусной наложницы и выгнал меня. Мы не могли увидеться после шестнадцати лет разлуки и теперь навеки расстались. Где ж мне было предвидеть это? Может быть, он скончался от какого-нибудь недуга?

У *хакса* сердце замерло, он плакал. Горючие слезы увлажняли его траурные одежды. Он едва успокоился и вкратце рассказал об убийстве отца, поведав о том, как сдавал экзамены и как, приехав в [Цзиньчжоу], услышал о несчастье и отомстил врагам. Мать, рыдая, причитала:

— Твой отец умер раньше времени из-за увлечения женщинами! Ты не хотел видеть людей, но подумал о моей жизни,

и сердце твое преисполнено горя. Как могла у тебя возникнуть мысль покончить с собой?

Она вышла и, причитая, объявила всем о трауре. *Хакса* горевал еще больше, однако, скрывая грусть, утешал [мать]. Госпожа, не переставая печалиться, проводила дни траура. Она то и дело теряла сознание от безысходной тоски. *Хакса*, беспредельно печалясь, сказал:

— Воля отца была жестокой, я так и не увидел его лица. [Теперь] навсегда я останусь в мире преступником и буду жить, не смея взглянуть людям в лицо. Утешаюсь только тем, что взываю к небу. Желание покончить с жизнью, конечно, недостойно [сына]. Однако если вы будете так горевать и убиваться, то для чего мне беречь свою жизнь и для кого жить на свете? — И он продолжал терпеть душевные муки, горькие слезы текли из его очей.

Мать страдала, видя мучения сына, и, потрясенная его горестными речами, старалась скрывать свою печаль и отчаяние. Она села напротив [сына], взяла его за руку и пристально посмотрела ему в лицо. Лицо *хакса* выражало страдание, сердце еле билось, от его прежней красоты не осталось и следа. На траурном платье высыхали горючие слезы. Мать, обеспокоенная, строго говорила ему:

— Ты печалишься о моем горе, но не следует переходить границы. Вот ты говоришь, что не видел отца, что небо все разрушило навеки. Но если ты думаешь отплатить мне за милость [рождения], не терзай себя. Если ты не возьмешь себя в руки, что мне делать?

Хакса, благодаря ее за милости, отвечал:

— Я [сейчас] в беспредельной тоске. Но мне надо думать и о будущем. Я не видел отца, и его преждевременная смерть жестоко мучает меня, терзают тревоги. Вы, матушка, не беспокойтесь обо мне!

Госпожа вздохнула и снова, не показав, как ей тяжело, утешала его. Она с волнением вспоминала о том, как он сдавал экзамены. Она ничего не знала о невестке, и ее по-прежнему не покидали грустные мысли. Она рассказала сыну

о смерти Лю, и юноша горевал, ценя его талант и добродетели. Если б девушка Лю жила в доме своего отца, то, услышав печальную весть о свекре, она должна была бы прийти. То, что она не пришла, показалось юноше странным. Тогда госпожа, обливаясь слезами, подробно рассказала ему о причине ее бегства [из дому]. Юноша опечалился, однако, даже беспокоясь за жену, он не смел сейчас думать о мирском. Он только молитвенно сложил руки. Госпожа вынула письмо и отдала ему. Юноша обеими руками принял его и положил на [стол] не читая. Тогда госпожа сказала:

— Хотя ты и облачен в траурное платье, но не прочесть письма — это уж слишком большое упрямство!

Хакса пришлось волей-неволей прочесть письмо, в котором было сказано:

«Я, Лю, осмеливаюсь причинить вам большое беспокойство и обращаюсь к вам с заветными мыслями. Моя семья несчастлива. Судьба ниспослала нам глубокую скорбь, и я вернулась в родной дом. Время остановилось [для меня], но кара небесная еще не была исчерпана. На меня свалилась [еще одна] непредвиденная беда. Я ухаживала за свекровью. Это было тогда, когда вы уехали. Несчастье, случившееся у нас в семье, угрожало свекрови, и я совершила еще один проступок: мне пришлось уйти из дома. Я хотела, чтобы свекровь жила в спокойствии. Я, слабая женщина, отправилась скитаться по дорогам — это сделало меня преступницей. Разве не знаю я, что должна быть скромной? Действительно, мне будет стыдно потом предстать перед свекровью и супругом. Так пусть чистота моего супруга осветит мои помыслы. Пусть я несдержанна на язык, но пока жива, я принадлежу семье Ли. Если даже мне будет грозить смерть — все равно буду искать поддержки в семействе Ли. Быть может, если я найду тихое пристанище, я приеду потом в столицу и разыщу ваш дом. Но если все будет не так, чистая вода скроет меня, недостойную. Одна страничка письма — и вечная разлука. Супруг, озарите за тысячи ли мои мысли и заботы. Передо мной кисть и бумага, я тороплюсь в дорогу, меня ожидают

беды, и нет времени вести длинный разговор. Дорогой супруг, простите мою дерзость».

Хакса прочел письмо — каждый иероглиф — узор на шелке! Каждое слово — жемчуг и яшма! В письме проявились целомудрие и чистота, подобные снегу и инею.

Юноша женился по приказу матери, но брак без [разрешения] отца не дал ему возможности провести церемонию соединения фамилий. Однако они стали супругами, и [Ли Хён], размышляя о дружеском участии *чхоса* Лю, [думал о том], что непорочно чистая [супруга] скитается где-то по дорогам и неизвестно, когда [они встретятся]. Чужому расскажешь — и то растрогается, как же не растрогаться беспокойному сердцу [юноши], который, забыв о себе, только и думает о том, как утешить свою мать. Сердце сжималось в тоске, но внешне он оставался спокойным.

— Твоя супруга ради меня жертвует собой, — заговорила госпожа, — разве я забуду когда-нибудь об этом?

И она горячо принялась расхваливать ее почтительность и верность долгу, а слезы [лились] потоком [из ее глаз]. Юноша утешал:

— Лю скитается, но разве может прерваться ее жизнь в такие молодые годы? Перед моей поездкой *чхоса* Лю говорил, чтобы я отправился в дорогу только после свадебной церемонии. Судьба моя определена, и не в силах человека ее изменить. Когда-нибудь мы встретимся, а вы, матушка, берегите свое драгоценное здоровье. Мне сейчас не узнать, где находится Лю, я должен с вами ехать в Цзиньчжоу, приготовьте дорожные вещи.

Госпожа радовалась, что у нее такой необыкновенный сын. А *хакса* послал слугу попросить у правителя лошадь с повозкой и все, что нужно в дорогу. Правитель, узнав, что это *хакса* Ли, удивился и, сам придя к нему, извинился, что, не зная его прежде, не приветствовал его матушку подношением подарков. *Хакса* ответил:

— Для преступника жизнь не имеет смысла. Естественно, что вы ничего не знали обо мне, зачем вам извиняться?

Я хочу уехать на родину, ухаживать за своей старой матерью и прошу [у вас] лошадь с повозкой.

Правитель не возражал, и на следующий день на рассвете, приготовив [для него] повозку с вещами и платьем, ожидал распоряжений. *Хакса* Ли поблагодарил его за великодушие и отправился в дом Лю совершить жертвоприношение. На поминальных табличках *чхоса* он написал молитву и предался печали. Он думал о его талантах, добродетели и дружбе. Затем, встретив госпожу Сон, он из вежливости выразил ей соболезнование и сказал несколько слов в утешение.

Потом он подал [жалобу] в уездную управу и поднял дело о раздорах в семье. Госпожа Сон обеспокоилась, и хотя она якобы раскаялась в своих прошлых делах, однако была недовольна тем, что он остался в живых.

Хакса вместе с матерью отправился в Цзиньчжоу. Госпожа деньгами и шелком отблагодарила земляков и, пожалев хозяйку, [приютившую их], одиноких и бездомных, посадила ее на последнюю повозку, и они все вместе уехали.

Хакса благополучно прибыл в старый дом в Цзиньчжоу. Оставшиеся слуги в ожидании госпожи привели дом в порядок. Вскоре пришли с подарками чиновники уездной управы и приветствовали госпожу. Она была удручена горем, но попрежнему прежде всего заботилась о славе своего сына. Назавтра она пошла на могилу супруга Ли. *Хакса* приказал натянуть тент над могилой и сам пришел вместе с матерью. У могилы деревья стояли в пышной [зелени], густо росли сосны и кедры. Госпожа Чин была изгнана *сираном* и пережила страшное горе и из-за могущества пяти отношений между людьми, после шестнадцатилетней разлуки, так и не увидев мужа, была обречена на одиночество. Даже чужим она могла бы простить обиду — так она была добра. В течение семи лет [совместной жизни с супругом] ее счастье было, как гора Тайшань [23], вместе они делили и горе и радость и [этим] отличались от других супругов. Но на нее обрушилась беда.

Тоска и скорбь разрывали душу. Она билась головой о моги-

лу, рыдала в беспамятстве. Часто прерывался ее тоскливый голос, она плакала кровавыми слезами. У *хакса* сердце разрывалось [от горя]. Он несколько раз пытался уговорить и успокоить ее, но она опять, упав на могилу, причитала:

— Я встретилась со своим супругом, когда у меня еще не отросли стриженые волосы. Свекор со свекровью любили меня, и в нашей семье царила справедливость. Супруг Мён был снисходителен ко мне, и мы никогда не перечили друг другу. Но свекор со свекровью скончались, супруг внял лживым словам развратной наложницы, и я вынуждена была скитаться! В конце концов злодейство свершили и над ним. Почему же до сих пор продолжается такая несправедливость? [Он] пренебрег заветами покойных родителей, и теперь сын его обречен на бесконечную скорбь.

Она продолжала плакать. Слезы ее капали на зелень, растущую у могилы, словно горючие слезы двух жен [24], капавшие на листья сяосянских бамбуков. Долго она рыдала и только благодаря уговорам *хакса* вернулась в дом.

Хакса получил земли [отца] — орошаемые и суходольные, и с этого дня, собирая урожай, он наставлял домашних; разыскал слуг, которых прежде держала госпожа Чин. Дом процветал и стал таким, как прежде. Госпожа день и ночь пеклась о благе семьи, вкладывая в это всю душу. Постоянная тоска *хакса* огорчала слуг. Госпожа все время утешала его. *Хакса* заботился о матери. Они оба жили в согласии и поддерживали друг друга. [Сын] видел, что мать, трудясь день и ночь, никогда не забывала о его невесте. Он не знал, по каким дорогам бродит она, добродетельная и [чистая], как яшма и лед, как иней и снег. Сидя дома, он не переставая вздыхал и печалился: не мог забыть о дружбе [к нему] *чхоса* Лю. Так прошло три года, но, постоянно тоскуя, он не мог избавиться от грусти и горючих слез.

Наступили годы правления Цзяньвэнь [25]. На престол вступил новый государь. Подданные не восхваляли его, и государь не призывал их на службу. *Хакса* был доволен и проводил время в покое.

Далее рассказывают вот что.

Девушка Лю вместе с Ке Хва и Ок Нан выехала за ворота отцовского дома и ударила плеткой осла. Она проехала несколько десятков ли, когда забрезжил рассвет. У дороги оказалось жилище. Она спешилась и вошла в трактир закусить. Девушка сказала Ке Хва:

— Судьба моя жестока. Я потеряла отца, на меня навлекли неслыханный позор, и я, ничтожная, едва избежала беды. Уж лучше бы я умерла и забыла о горе.

Ке Хва, утешая ее, говорила:

— Не печальтесь! Сейчас у вас горе, но горе пройдет — придет радость, и счастье ваше будет беспредельным. Тогда все сегодняшние беды покажутся вам лишь весенним сном. Все переменится.

Девушка выслушала ее, но не переставала вздыхать. Было уже поздно, и она, покинув трактир, ехала, не зная куда. Они оказались в каком-то неизвестном месте и [снова] остановились на ночлег в трактире. Хозяин отвел комнату девушке со служанками. Покончив с ужином, Лю прилегла, думая о далекой родине. Вдруг за воротами раздался боевой клич. Ок Нан испугалась и выглянула за дверь: [в дом] ворвались несколько десятков разбойников с кинжалами, мечами и копьями. Лю и служанки перепугались и бросились бежать через черный ход. Разбойники эти были людьми из трактира, они хотели только отобрать вещи [прибывших] и поэтому преследовать их не стали. А девушки утешали друг друга. Придя в себя, они огляделись по сторонам: большая река блестела [от лунного света], и ее берега не были им знакомы, [ночью] деревья выглядели мрачно, а кукование кукушки удручало. Лю задумалась: в кармане у нее не было ни гроша, а вокруг ни одного близкого человека — как жить? Вздохнув, она воскликнула:

— Вот место, где я умру!

Она поднялась и хотела броситься в реку, но Ок Нан, удерживая ее, заплакала:

— Вы бежали от позора, чтоб остаться в живых. Как вы

можете так легкомысленно бросаться своей драгоценной жизнью? Неужели пренебрежете заветами покойного отца?

— Для меня нет радости в смерти, — ответила ей девушка, — но у нас троих в кармане ни гроша, сможем ли мы прожить?

Едва вымолвив, она снова зарыдала и опять хотела броситься в воду. Ок Нан со слезами удержала ее.

У берега стояло несколько маленьких лодок. В одной из них, что была привязана совсем близко у берега, кто-то спал крепким первым сном. Когда рядом с ним послышались рыдания, он проснулся, открыл люк и увидел, что какой-то молодой человек хочет броситься в воду, а двое слуг удерживают его. Поняв, что тот хочет в горе покончить с собой, он крикнул:

— Кто ты такой и почему хочешь стать пищей для рыб? Ты, наверное, читал родительское завещание и знаешь, что родителей нужно почитать!

Девушка слышала его голос, но решительно сделала вид, что ничего не замечает. Тогда Ке Хва подошла к старику и, пожелав ему счастья, сказала:

— Мы сами из Сицзина и путешествуем вдалеке от дома, прислуживая молодому хозяину. В трактире на нас напали разбойники, и мы потеряли вещи и оседланную лошадь. Трудно избежать несчастий нищим, и нам осталось лишь утопиться. Вы, почтенный, очень сердобольны и спасли трех человек — хозяина и слуг. И мы постараемся не забыть вашей милости.

Старик, выслушав ее, изумленно сказал:

— Неужели молодой господин хочет броситься в воду только потому, что пострадал от разбойников? Идите ко мне вместе со своим господином.

Ке Хва очень обрадовалась, рассказала девушке о своем разговоре со старцем и посоветовала остановиться у него. Девушка находилась от старика на расстоянии десяти шагов, но [увидела, что] его ясные глаза озаряли [своим светом] тысячу ли. Слова и необычный облик старика успокоили Ё Ран, и

она поднялась в лодку. Старик почтительно, с подобающей церемонией встретил ее и спросил [ее] имя и фамилию. Девушка звонким, яшмовым голосом ответила:

— Я родом из Сицзина, ношу траур по отцу. Со мной случилась беда, и нигде мне не найти пристанища. Отправился было в столицу, но в трактире меня ограбили, и я все потерял — деньги и имущество. Нам удалось бежать, но я снова оказался в таком отчаянном положении, что осталось только броситься в воду. Вы, почтенный, спасли меня, что же вы теперь будете с нами делать?

Старик приветливо сказал:

— Я родом из Чжэцзяна. У меня нет детей, и я на старости лет живу [один]. Собираю по деревням красивых женщин; купил лодку и занимаюсь торговлей. Если вы хотите попасть в столицу, следуйте за мной. Попадете [сначала] в Чжэцзян, и там опять, собрав нужные вещи, отправитесь в столицу. Не кажется ли вам, что это не так уж плохо? Из Чжэцзяна в Наньцзин всегда было легко попасть.

Девушка поверила в добросердечность старика и, нисколько не сомневаясь в нем, радостно поблагодарила, и все трое последовали за ним.

На следующий день [старик] спустил лодку на воду и вместе с девушками поплыл по широкой реке прямо в Чжэцзян. Хотя Лю и приютили, но она все время с надеждой обращала взоры к родине. Однако горы, [окутанные] облаками, преграждали [путь туда]. Одинокому человеку трудно добраться до родных мест. Она печалилась о том, что скитается на чужбине, беззвучно плакала, наполняя реку своими слезами. Ке Хва и Ок Нан утешали ее.

Прибыв в Чжэцзян, они привязали лодку. Старик с помощью своих людей перенес все вещи и повел девушку со служанками к [высокому] дому, который стоял у проезжей дороги и упирался [крышею] в небо. Это был трехэтажный терем с жемчужными занавесями [на окнах, из которых] доносилась самая разнообразная музыка. Можно было подумать, что это дом хозяйки певичек. Девушка вошла. Яшма и жем-

чуг разноцветными красками засверкали перед глазами, [девушка], скрывая беспокойство, обратилась к старику:

— Вы были милостивы ко мне. Однако ваше жилище так необычно! Оно не похоже на жилище торговца. Вот если бы вы дали мне тихую комнатку, я бы провел у вас дня два-три, прежде чем уехать в столицу.

Старик согласился, распорядился, чтобы гостям отвели маленький флигель. Затем пригласил свою супругу.

— Кого это вы привели с собой? — спросила она.

— Люди пострадали от разбойников, — ответил старик, — хотели броситься в воду, но я их спас и привез сюда. Они скоро уедут в столицу.

Жена его сказала:

— Мы несчастливы, нет у нас детей. Быть может, за добро, сделанное [этим людям], нас вознаградят в будущей жизни? Я думаю, вы правильно поступили. Дайте же им одежду.

Имя старика было Ян Хый, а земляки звали его Вон Ый — «подлинно справедливый». Его жена содержала зеленый терем [26]. В нем находили приют одинокие женщины, которых старуха одевала, пудрила, румянила и обучала [приятным] манерам. Располагая деньгами, она приводила к себе молодых женщин и никогда не знала покоя [на этом поприще]. У нее собирались [красавицы] с лицом, как молодая светлая луна, и тогда [в доме] звучала самая веселая музыка. Девушке было неприятно такое беспокойное соседство, и через несколько дней она пришла к старику и попросила денег на дорогу, чтобы [поскорее] уехать.

— Все это верно, — отвечал старик. — Правда, пригласив вас, я не угостил как следует. Но поживите еще дня два-три, а потом уже и поедете.

Девушка жалела, что тратит зря время, но ей пришлось остаться еще на несколько дней. Певички, подобные цветам, только и делали, что глазели на девушку, стараясь привлечь внимание Лю своими яшмовыми лицами и фигурами. Грустными песнями, очаровательными улыбками они выражали свои желания. Лю было смешно, и она, отвергая их, говорила:

— Я ношу траур, разве мне пристало увлекаться красавицами и музыкой? Оставьте меня!

Выговаривая им, она придавала строгость лицу. Девицы печалились, но, не зная стыда, щебетали нежными голосами, словно ласточки и иволги, собирались [вокруг Лю] подобно облакам. Старик и старуха бранились, но девицы не обращали на них внимания, во все глаза глядели на девушку, и у них не было желания принимать посетителей.

Среди постоянных [гостей] был один человек — задира и игрок. Как-то он зло сказал хозяйке:

— Вы что же, получили от нас золото, а сами прячете в своем доме этого купца и не показываете красавиц?

Старик испугался и прогнал всех девиц [от Лю]. Волей-неволей им пришлось пойти [к гостям]. Они разговаривали и смеялись, но всем было невесело. Озлобленные молодые люди разгневались и решили: «Мы зря потратили золото, а из-за этого юнца красотки совсем приуныли. Нужно сделать так, чтобы его здесь не было!»

Девушка осталась [в доме] еще на несколько дней. Однако назойливость певичек становилась все несноснее, и она снова спросила у старика разрешения уехать в столицу. Хозяин не удерживал ее, дал денег на дорогу и приготовил провизию. Девушка с поклонами благодарила его за великодушие и, простившись, направилась в столицу.

Молодые люди, узнав об ее отъезде, обрадовались и, взяв с собой несколько десятков приятелей, отправились следом. Смеркалось. Девушка в поисках жилья взобралась на гору. Злодеи в одно мгновение подбежали к ней, отобрали деньги, еду и коня и, избив ее и служанок, сбросили их под гору, а сами сбежали. Ё Ран, так неожиданно попав в беду, не могла даже слова вымолвить. Слабая и нежная, она не могла противостоять разбойничьему нападению. Даже не охнув, она потеряла сознание и скатилась вниз. Было это как раз в конце восьмой луны.

Случилось так, что у подножия этой горы собирала травы какая-то старушка. Только она подошла к горе, как вдруг с

вершины скатилось трое мужчин. Она во все глаза смотрела на них. У самого молодого лицо было как яшма, он не имел себе равных среди людей. Доброе сердце ее сжалилось над ними, и она сама, поддерживая всех троих, привела их в домик, крытый травой, и, уложив в комнате для гостей, омыла теплой водой. Через некоторое время они пришли в себя, поднялись и увидели, что находятся в домике. Около них хлопочет какая-то старушка. Ке Хва удивленно спросила:

— Вы спасли нам жизнь. Кто вы? Где мы?

Старушка ответила:

— Я, одинокая, живу здесь, собирая лекарственные травы. Пришла под гору, а тут вы с вершины скатываетесь, мое ничтожное сердце преисполнилось жалостью, я подошла к вам и помогла. А что с вами случилось?

Ке Хва ничего не ответила, а Ё Ран села напротив и с благодарностью сказала:

— Только что на горе мы встретили разбойников, у нас отобрали деньги и лошадей, а самих сбросили вниз. Нам бы не избежать смерти, если б вы не спасли нас и не вернули к жизни. Мы бесконечно благодарны вам.

Старушка, услышав ее голос — звон яшмы, подобный пению феникса, и [увидев] ее цветущий облик и яшмовое лицо, удивилась и почтительно сказала:

— Я вдова настоятеля здешнего храма. Супруг мой рано скончался, семья обеднела, жить стало трудно. Супругов нельзя разлучать, а нас разлучили, и потому я веду такую жизнь. Сегодня я увидела вас, вы так молоды и красивы, сразу видно, что человек выдающийся. Как же вы попали в такую беду?

Девушка ответила:

— Посетив могилы предков, я шел в столицу, и [в дороге] меня настигла беда.

Старушка была в восторге от внешности [мнимого юноши]. [Покойный] муж ее, занимавший должность настоятеля конфуцианского храма этой местности, рано умер, и у нее осталась дочь по имени Сук Хи. Она выделялась среди других своей внешностью и обладала необыкновенными способностями.

Старушка очень хотела для нее именно такого мужа и теперь, увидев брови-полукруги и яшмовое лицо девушки Лю, обрадовалась и спросила:

— Как ваше имя?

— Меня зовут Ли Хён, — ответила та.

Старушка оказывала [мнимому юноше] исключительное внимание, желая заполучить его в зятья. Лю была очень обеспокоена этим.

Ке Хва и Ок Нан через несколько дней окрепли, а их госпожа была еще слаба от тяжелых ран и не переставала стонать. Ок Нан день и ночь ухаживала за ней. Через несколько месяцев и она поправилась, служанки и хозяйка были полны радости. Хозяйка стыдилась своей бедности и не знала как ей быть. Она поздравила Лю с выздоровлением, а та благодарила ее за милости, которые вернули ее к жизни. Старушка с почтением ответила:

— Вы, как небожитель, пришли в наш домик. Неужели вы тотчас хотите отправиться в столицу? — спросила она.

Девушка отвечала:

— Да, хочу пойти, но у меня нет денег на дорогу, и это меня беспокоит.

Старуха вдруг запахнула ворот платья, стала на колени и сказала:

— Моего супруга звали Чю Хва. По происхождению он был не из простых, он был ученого звания, но, к несчастью, рано скончался. Дом мой обеднел, благополучие его покинуло. У меня есть единственная дочь. При ее талантах, внешности и добродетели она могла бы получить гребешок и полотенце[27] благородного господина, и я дерзко предлагаю ее вам в наложницы. Можно ли надеяться, что вы снизойдете и согласитесь?

Девушка, выслушав ее, испугалась, на мгновение у нее даже дыхание перехватило, однако она сказала:

— Я благодарю вас за великодушие, но сейчас я в трауре, и не пристало мне решать такие дела столь спешно.

Старушка опять принялась уговаривать:

— Я вижу, что господин в трауре, я знаю об этом, но мне, слабой женщине, страшно одной без отдыха, без праздников трудиться среди высоких гор и глубоких долин, и я прошу вас заключить договор на словах. После окончания траура совершим положенные церемонии — вот все, чего я хочу. Уж вы, господин, не возражайте. Хоть я и недостойная [женщина], но я не стану так бесцеремонно настаивать на этом.

Ё Ран была очень благородна. Она подумала: «Старушка спасла меня, умирающую, и я вернулась к жизни. Если взять эту девицу в жены супругу Ли — все равно, что к блеску золота добавить сияние яшмы» [28] — и так ответила хозяйке:

— У меня есть жена, она очень умна и не ревнива. Даже если дочь ваша окажется легкомысленной, мы заключим на словах договор и сможем исполнить все церемонии по окончании траура. Пусть хозяйка не спешит с этим.

Старушка с грустью сказала:

— Ваш ответ осчастливил меня. Дочь моя хоть и не так совершенна, как древние, но и не легкомысленно красива. Если вы не верите, сами посмотрите на нее и убедитесь.

Ё Ран скромно сказала:

— Я понимаю что вы беспокоитесь, но не сомневайтесь.

Она взяла кисть, написала клятвенное обещание и отдала старухе. Та обрадовалась и, без конца расхваливая ее, спросила:

— Когда же вы возвратитесь в столицу?

Девушка ответила:

— У меня нет денег на дорогу и нет лошади. Вот соберу денег, тогда и отправлюсь в путь.

Старуха сказала:

— Мой дом беден, и денег на дорогу я вам дать не могу, но вы не отчаивайтесь!

— Вы были так милостивы ко мне, — ответила девушка, — зачем же вы беспокоитесь еще и об этом?

После того как старуха ушла, Ок Нан спросила:

— Вы, будучи замужней женщиной, заключили брачный союз. Что же вы собираетесь делать?

Молодая вздохнула:

— Я упала с отвесной скалы, и старуха меня спасла, благодаря этому я не стала голодным духом [29] под землей и осталась в живых. Милость ее велика. Разве я могу не думать о благодарности? Супруг Ли не будет всю жизнь предаваться печали, и, когда я с ним встречусь, я представлю [ему эту девицу] и освещу золото блеском яшмы — это и будет крупицей моей благодарности.

— Ваши слова справедливы, — сказала Ке Хва, — но почему вы думаете, что господин отнесется к этому серьезно?

— Супруг мой — благородный человек, — ответила девушка, — а моя свекровь — умная женщина, и если она узнает, что [эта старуха спасла меня], то она не останется безучастной.

Ке Хва и Ок Нан были сражены ее необычайной проницательностью.

А Ё Ран, выздоровев, решила отправиться в столицу, но в кармане у нее не было ни одной монеты. Она пала духом и не знала, что делать. Без единого вздоха она проводила здесь время. Миновал год. Девушка встретила на чужбине день смерти отца, и, куда бы она ни направляла взоры, печаль ее возрастала, [сердце ее] будто разрывалось, и она [постоянно] предавалась тоске.

В конце этого года правитель Шаосинфу разъезжал с ревизией по провинции. Говорили, что [нынче] он возвращается. В этот день все двери и окна были на запоре, но девушка случайно заглянула в оконную щель: чиновник, державший расшитое золотом знамя под горой Хоннянсан, оказался *халлимом* Лю из столицы. Ё Ран очень удивилась и подумала, что ей наконец улыбнулось счастье.

Халлима Лю звали Кван, и он приходился племянником *чхоса* Лю. Несколько лет тому назад он сдал экзамены на чин. Девушка видела его, когда он приехал в Сицзин посетить могилы предков.

Когда он прибыл на место, она через Ке Хва передала ему исписанный иероглифами листок бумаги, где рассказала о своих скитаниях.

Правитель занимался делами в управе, когда писарь подал ему записку, в которой было написано: «Дальний родственник Лю Хи». *Халлим* прочел и подумал: «У меня нет дальнего родственника по имени Лю Хи, что все это значит? Во всяком случае позову его, пожалуй,— посмотрю!» — и велел чиновнику пригласить посетителя. Девушка вошла в управу. После [приветственных] церемоний правитель спросил:

— У нас с вами не было даже мгновенной встречи, почему же вы назвались родственником?

У девушки навернулись слезы, и она сказала:

— Некогда старший брат выдержал экзамены на чин и уехал в Сицзин. Тогда вы вместе с отцом пришли к нам в дом. Разве вы не помните, как в средних покоях познакомились со мной и угощались фруктами?

Правитель, выслушав юношу, снова подумал: «Я видел у отшельника Лю дочь — девицу Ё Ран — и даже спросил о ее возрасте». Он снова взглянул на девушку: хоть она и была в мужском платье, но ее непорочное, красивое лицо было таким же, как раньше. Он очень удивился и снова спросил:

— Почему сестрица оказалась здесь?

У девушки потекли слезы, и она рассказала ему обо всем подробно: как бродила по дорогам, как теперь собиралась идти в столицу, но у нее нет денег, без которых она не сможет отсюда уйти.

Правитель смахнул слезу:

— Когда я приезжал в Сицзин, дядя своим здоровьем отличался от других, и я думаю о том, почему он так рано оставил мир людей. Теперь сестра направляется в столицу, кого же она собирается там искать?

Девушка ответила:

— Мой супруг Ли Хён уехал в столицу сдавать экзамены, и я хочу найти [его].

Правитель удивленно сказал:

— Ли Хён в прошлом году, когда совершалось паломничество на могилы, первым сдал экзамены на чин. Потом он отправился в Цзиньчжоу посетить могилы предков, а теперь,

должно быть, уже уехал в столицу. А ты, сестрица, сними мужское платье и поезжай в женском. Так лучше будет.

Девушка, услышав, что Ли сдал экзамены, очень обрадовалась.

— Брат говорит, что мне следует переодеться в женское платье, но, по-моему, для этого нет особых оснований, лучше я поеду так.

Правитель не возражал. Он приготовил деньги на дорогу и дал ей лошадь. Девушка поблагодарила его и возвратилась к хозяйке. Когда она прощалась со старухой, та была грустна, уговаривала [зятя] беречься в дороге и говорила, что в его отсутствие она будет так же любить его, как и раньше. Девушка утешала ее:

— Я поеду в столицу, а после окончания траура тотчас вас навещу, не волнуйтесь.

Они расстались, проливая слезы. Девушка опять пошла в управу попрощаться. Правитель устроил небольшое угощение из риса и овощей и предложил ей несколько чиновников в сопровождающие. Девушка скромно отказалась:

— Я бедная скиталица, старший брат снабдил меня деньгами на дорогу и столько уделил мне внимания, что я этого никогда не забуду. Зачем же еще утруждать чиновников? — И она решительно отказалась.

Отправившись в дорогу вместе с Ок Нан и Ке Хва, она через несколько месяцев прибыла в столицу и стала разыскивать *хакса*. Никто не слышал о нем. Наконец какой-то человек спросил:

— Это не тот ли Ли Хён, который прошлой осенью во время паломничества на могилы предков первым сдал экзамены?

— Да.

— *Хакса* Ли уехал посетить могилы предков в Цзиньчжоу, — продолжал он, — но у него скончался отец, и он не возвратился в столицу, а сразу уехал в Сицзин за матерью и вернулся в [Цзиньчжоу].

Девушка, выслушав его, испугалась и пришла в отчаяние.

Мысли ее путались, она зарыдала. Вернувшись вместе с Ке Хва к хозяину [постоялого двора], она сказала:

— На мою долю выпали тяжелые испытания, я приехала в столицу, но супруга Ли не оказалось, теперь я отправлюсь в Цзиньчжоу и буду приносить жертвы духу свекра. Но как же мне, одинокой женщине, проделать такой долгий путь?

Ок Нан сказала:

— Идти из столицы в Цзиньчжоу далеко. Но что же делать?

Девушка ответила:

— Пусть я умру в дороге, но куда же мне идти, как не в дом свекрови? Соберу немного денег на дорогу и пойду в Цзиньчжоу, хоть это и далеко.

Она только и думала о том, как бы тотчас, собрав вещи в дорогу, отправиться в Цзиньчжоу.

Вскоре они прибыли в какой-то город. Людей здесь было множество, владения обширны. От прохожих они узнали, что это Дунцзин, бывшая столица Сунского царства.

Девушка снова спросила:

— А далеко ли отсюда до Цзиньчжоу?

Прохожий вежливо ответил:

— Гость изволит шутить? Если вы хотите отправиться из столицы в Цзиньчжоу, то нужно ехать через Лоян и Хэнань, а вы находитесь восточнее, отсюда до Цзиньчжоу пять с лишним тысяч ли сушей. Разве вы дойдете?

Девушка, выслушав его, очень опечалилась и воскликнула, обращаясь к служанкам:

— Отчего небо все время посылает мне такие трудности? Мне только и осталось теперь умереть!

Сказав так, она свернула к большому дому, стоявшему у самой дороги. В первом окне она увидела какого-то человека в плаще и тростниковом одеянии, игравшего на *комунго*[30]. У него было молодое лицо и седые волосы, словно перья журавля. Он был красив. К этому времени у странниц кончился запас еды, и они не знали как им быть. Ок Нан подошла [к окну] и попросила поесть. Почтенный кончил [играть] на

комунго, поднял глаза и, посмотрев на Ок Нан, вежливо осведомился:

— Кто ты такой? Почему ты, здоровый человек, просишь милостыню?

Ок Нан поклонилась и сказала:

— Я — слуга, родом из столицы. Прислуживая молодому хозяину, отправился в Цзиньчжоу. Мы сбились с пути и приехали в эти места, но не знаем, что делать, еда у нас кончилась, и мы, прося милостыню, хотим накормить хозяина.

Человек со вздохом сказал:

— Какая жалость! Пригласи своего хозяина, может, он придет?

Ок Нан вышла [за ворота] и пригласила Ё Ран. Девушка, успокоенная тем, что [незнакомец уже] старик, вошла. Почтенный, окинув ее взглядом, спросил:

— Откуда вы, молодой человек? Как вас зовут?

Девушка ответила:

— Мое имя Ли Хён, я еду из столицы, сбился с пути и прибыл сюда. Получил ваше дружеское приглашение и очень тронут этим. Хотелось бы узнать ваше уважаемое имя.

— Я родом из Сицзина, — ответил почтенный, — мне не удалось сдать экзамены на чин, и я поселился в этих краях. Люди меня прозвали *чхоса*. Гость говорит, что едет в Цзиньчжоу. Дорога на Цзиньчжоу опасна и далека, дойти туда трудно. Что же вы собираетесь делать?

Девушка поднялась и с поклоном сказала:

— Вы нас так тепло приняли. Мы не забудем вашей доброты. Я странник, скитающийся на чужбине, нигде не мог найти пристанища и вынужден был отправиться в Цзиньчжоу. Но у меня нет денег, и я оказался в затруднительном положении.

— Если гость не побрезгует, — промолвил *чхоса*, — пусть останется на месяц в доме старика, а потом найдет человека, который бы тоже отправлялся в Цзиньчжоу, и поедет вместе. Так-то будет лучше!

Девушка с благодарностью повторила:

— Если так, то я не забуду вашей доброты. Но у меня нет еды, и я боюсь, что введу хозяина в расходы.

Чхоса улыбнулся:

— Отчего благородный человек говорит такие самоуничижительные слова? Разве для него спокойная бедность — это не [чтение] книг под ивами? Поддерживать друг друга в трудностях, помогать друг другу — вот подлинное человеколюбие. Глупо видеть смысл [жизни] только в плошке риса!

Девушка, видя справедливость и великодушие *чхоса*, без всяких церемоний оставила у него вещи и спокойно поселилась в его доме. Но она все время с тоской смотрела на небосклон, где по вечерам восходила прекрасная луна, и печаль не оставляла ее.

Далее рассказывают вот что.

Хакса Ли провел три года в трауре по отцу, душа его была спокойна, потому что государь не тревожил его. На покое, на лоне природы искренне выполняя свой сыновний долг, он еще больше сил вкладывал в учение. *Хакса* приобрел знания о расцвете и гибели царств за тысячи лет, и разум его еще более просветлел. Душа его была широка и не знала волнений. Одно только заботило его — он ни на минуту не мог забыть [о том], что Лю где-то [странствует]. Из чувства благодарности к *чхоса* за его дружбу он решил, что обойдет всю Поднебесную и соединится с супругой. Однако у него не лежала душа к семейной жизни. А госпожа Чин на своей половине никак не могла забыть целомудренную и преданную девушку Лю. Слезы сами капали на одежду. Она страдала еще больше оттого, что сын ее тоскует в одиночестве. *Хакса*, огорченный тем, что мать его так печалится, невольно сказал:

— Я не знаю, где находится госпожа Лю. Конечно, смешно, когда мужчина живет в одиночестве из верности к одной женщине. Я хочу как следует все взвесить, жениться и успокоить вас.

Госпожа взяла руку сына и, роняя слезы, сказала:

— Зачем ты так говоришь? Характер моей снохи и ее

добродетели непревзойденны. Я потеряла ее, и теперь ничего не возместит мне утраты, хоть расплавь золото и камень. Ты ничего не говоришь о добрых [отношениях] между супругами, а думаешь лишь о благодарности матери. Зачем ты произносишь такие бесчестные слова? Пусть в этой жизни я не увижу твою добродетельную супругу, но снова женить я тебя не могу!

Хакса, поняв, что воля матери [непреклонна], дважды поклонился и ушел. Он продолжал проводить свои дни, утешая мать.

Однажды ночью, когда тускло светила луна, он, бродя перед домом, взглянул на небо. В той стороне, где находится Яньбэй, сияла звезда Тесён [31], и свет ее озарял вселенную, а звезда Хёнхок [32] затмила звезду Чамисён [33].

У *хакса* вырвался вздох:

— Мудрый государь находится в большой опасности. Конечно, его окружают таланты, которые помогают в управлении, но для меня это — знамение неба. Что же делать?

Однажды *хакса* сидел в кабинете и играл на *комунго*. Вдруг во двор кто-то прискакал. Конь его был взмылен. *Хакса* взглянул на гостя и, удивленный, быстро вышел к нему. Дважды поклонившись, он сказал:

— После того как я расстался на постоялом дворе с великим князем, я только и думал о нем. Теперь великий князь пришел в мое жалкое жилище. Мне выпало незаслуженное счастье. Великий князь как государь могущественного княжества всеми почитаем. Так почему же вы приехали запросто верхом на коне?

Ён-вану понравилось, что *хакса* Ли, несмотря на то что на нем были не княжеские одежды, сразу узнал его. [Ён-ван] взял хозяина за руку и, введя в комнату, усадил и приветливо проговорил:

— Прошло пять лет, как мы расстались. Я никак не мог забыть ваше яшмовое лицо и манеры небожителя. Мне нужен ваш хитроумный совет. Не удивляйтесь этому.

Хакса, поблагодарив, спросил, в чем дело. Ван, удалив всех, сказал:

— Че Тхэ и Хван Ча Чжин, злоупотребляя властью, хотят поднять бунт во дворце. Поднебесной, о которой печется наш государь, могут в один прекрасный день завладеть чужие люди. Я думаю [об этом] день и ночь. Коварные придворные презирают слабоумного государя. У ванов Че и Чу отняли княжескую власть, а их самих сослали на окраины. Мне тоже хотели навредить. Я не мог сидеть и ждать, поэтому приехал [к вам] и спрашиваю, что предпринять?!

Хакса помолчал, лицо его стало суровым, он сказал:

— Я самый заурядный человек, отчего же великий князь так много с меня спрашивает? Уж не хочет ли великий князь обмануть государя и захватить престол?

— Вы только увидели [меня], а уже спрашиваете о замыслах, — промолвил ван.

Тогда лицо *хакса* приняло обычное выражение, и он спросил:

—Допустим, что вы не собираетесь захватить престол и я выскажу вам свои глупые мысли. Однако не доставит ли это вам еще большие неприятности?

Ван ответил:

— Как бы то ни было, если я избегу козней коварных придворных, меня не станут беспокоить никакие неприятности.

Хакса задумался и через некоторое время сказал так:

— Советник Че и первый министр Хван — самые знаменитые министры и самые мудрые, маленькой хитростью их [умы] не усыпишь. Лучше вы в нынешнюю жару наденьте зимнее платье, закутайтесь, возьмите посох и, когда придет время жертвоприношений, прикиньтесь паралитиком. При дворе этому поверят, и к вам будут относиться как к больному. Поступите так, и тогда Хван и Че станут преследовать Чже-вана под предлогом [охраны интересов] юного государя. Однако это будет уже не только ваше личное дело. Вы [же сами] не начинайте раздоров, а подумайте о том, как успокоить Поднебесную, и не помышляйте о захвате престола.

Ван обрадовался и согласился с ним. Ночь он провел у Ли Хёна. [*Хакса*], приготовив ужин, угостил его. Всю ночь они

обсуждали, как управлять народом, и строили планы спасения страны. Беседа текла, словно река, и каждое слово было мудрым. Ван был очень доволен и благоговел [перед *хакса*]. Еще раньше он перебрал в уме всех подданных своих и наследника, но не нашел никого, кто мог бы стать его преданным другом. Он думал: «А не привлечь ли его к себе на службу?» Только на рассвете они разошлись, довольные друг другом. Прощаясь, *хакса* сказал:

— Великий ван, следуя примеру мудрого чжоуского У-вана [34] и справедливости чжоуского гуна [35], думайте об управлении государством, но не замышляйте против государя. Если наш план удастся, то я не сочту тысячу ли за расстояние и навещу вас. А если все получится не так, то пусть меня обезглавят или сварят живьем. Но [я уверен, что] мы с вами непременно увидимся снова!

Ван с благодарностью промолвил:

— Я никогда не забуду [ваших слов]! — и, хлестнув коня, ускакал.

Хакса вздохнул и невольно подосадовал. Его речи были похожи на предостережение, но после небесного знамения они были бесполезны.

А дело осложнилось. Кто-то, знавший Ён-вана в лицо, доложил правителю, что в такой-то день Ён-ван на коне приезжал в дом Ли Хёна и провел там ночь.

Правитель испугался и написал донос на имя государя о том, что *хакса* тайно связан с Ён-ваном. У государя Ён-ван был давно на подозрении. Получив подтверждение, он очень встревожился и послал в Цзиньчжоу гонца с приказом арестовать *хакса* и выяснить обстоятельства [дела].

А о том, что случилось дальше, вы узнаете из следующей тетради.

В великую минскую эпоху, в годы правления Юнлэ[1] жил Ли Хён, помощник главы королевской библиотеки, наставник наследника престола, удостоенный титула *чхунму* — «преданный», «несравненный». Он носил второе имя — Юн Сян и был сыном *сирана*[2] Ли Мёна. Мать его, госпожа Чин, разрешилась им на пятнадцатом году эры правления Хуну[3], в год *жэньсюй*[4]. Новорожденный был красив и хорошо сложен. Сразу видно было, что это не простое дитя.

Все началось с того, что отец его — советник вместе с супругой госпожой Чин на четвертом году совместной жизни, соблюдая траур по родителям, отправился на родину в Цзиньчжоу посетить могилы предков. Прошло три года траура, но государь даже не вспомнил о нем, не призвал на службу, а сам он в столицу не ехал и проводил свои дни в родных краях. Советник был [человеком] широкой натуры, жизнерадостным, любил вино и женщин. Госпожа Чин добрым нравом отличалась от других женщин. Родители советника были строги, и потому [при их жизни] он не мог всецело предаться удовольствиям. Но вот родители, державшие его в руках, скончались, и он скорбел о них в глуши. Однако советник не долго мирился [с таким образом жизни]. [Вскоре он] взял себе наложницу — певичку из Наньцзина по имени Хон Нан.

Хон Нан не имела себе равных по красоте, не было таких танцев и песен, которых она бы не знала. Советник, сильно увлекшись Хон Нан, предавался удовольствиям в своих покоях. Госпожа Чин, обеспокоенная этим, несколько раз пыталась урезонить его. Тогда Хон Нан, ловко опутав советника, оклеветала госпожу Чин. Советник, вняв наветам, прогнал супругу, когда она была на пятом месяце [беременности].

Оказавшись [без крова], она не знала, куда идти. Родствен-

ники ее жили в Сучжоу, но туда не было хорошей дороги. Со-
ветник жестоко обошелся с госпожой, безжалостно, как гром,
и госпоже Чин не оставалось ничего другого, как нанять лодку
и [с одной служанкой] отправиться в Сучжоу.

Они плыли несколько дней. Вдруг налетел ураган. Якорная
цепь порвалась, и они не знали, куда плывут. Лодка неслась по
воле ветра, и лодочник и обе женщины дрожали от страха. Че-
рез несколько дней ураган стих, и они пристали к берегу на
перекате. Когда они пришли в себя и огляделись, оказалось,
что они находились около Сицзина. Небо прояснилось. Госпо-
жа вспомнила о Сучжоу, ей стало грустно, она молилась небу
и вздыхала.

Лодочник сказал ей:

— Мы приплыли [в Сицзин]. Вы хотели попасть в Сучжоу,
но путь туда больше тысячи ли. Даже если спешить, трудно
доехать и за месяц. Заплатите мне и сойдите здесь.

Госпожа совсем пала духом. Но делать нечего, она за-
платила ему и сошла на берег вместе с девушкой Ун Хян.
Лодочник отчалил от берега, высоко поднял парус, и лодка,
подгоняемая легким ветерком, поплыла вверх по течению.

Госпожа Чин со своими скорбными мыслями была одинока,
словно лист, сорванный порывом осеннего ветра. Она не знала,
куда идти, и не могла побороть скорби. Госпожа и служанка
совсем отчаялись, положение их было ужасным. Вскоре госпо-
жа воскликнула:

— Супруг Ли изгнал меня, и я попала в эти места. Я ос-
талась в живых, но зачем? Не пережить мне такого горя! Но я
не могу допустить, чтобы вместе со мной погиб и ребенок.
В моем чреве плоть и кровь Ли. Прежде я уповала на милость
свекра и свекрови. Что мне делать теперь? О, хоть бы [небо]
ниспослало благо!

Служанка и хозяйка чувствовали себя очень одинокими.
Тут они заметили домик и подошли к нему. Их встретила ста-
рушка.

— Кто вы такие, — спросила она, — почему вы бродите
здесь в таком отчаянии?

Ун Хян залилась слезами и обстоятельно рассказала обо
всем, что с ними случилось. Старушка подивилась и проговори-
ла со вздохом:

— К прискорбию, судьба не была к вам милостива, и вы
бродите бесприютные, но в будущем [непременно] получите по-
мощь неба.

Госпожа и хозяйка дома понравились друг другу. Хозяйка
была вдовой. Она жила в постоянной нужде и потому спросила:

— Не стесню ли я [благородную] госпожу?

Госпожа, проливая слезы, почтительно ответила ей на это:

— Вы облагодетельствуете меня, если милостиво разрешите
мне жить в комнатке в один *кан*[5]. Посмею ли я обеспокоить
вас [просьбами] о еде и одежде?

Старушка сочла ее речи слишком самоуничижительными.
Она убрала комнату и разрешила в ней жить. Госпожа Чин
поблагодарила хозяйку за участие и осталась у нее в доме. Она
дала Ун Хян яшмовое кольцо и пару шпилек-фениксов из бе-
лой яшмы. Та продала их на базаре и выручила несколько сот
золотых. Они вышивали, ткали шелк, а в обмен получали то,
что [им было нужно]. Хотя у них не было особых достатков, но
они жили спокойно. А через пять лун госпожа Чин родила сы-
на. Это был вылитый *чхунму*. Облик его был прекрасен и не-
обычен. Не простое дитя! Госпожа и радовалась и печалилась.
Она нарекла его Хёном, а второе имя выбрала Юн Сян.

Хён подрастал. Прошло пять лет. Поведения он был не-
сравненного: когда гулял, соблюдал достоинство, когда сидел,
в манерах был строг; в походке его сквозила сдержанность;
ни на волос не было у него чего-нибудь дурного. Семи лет от
роду он постиг уже десять тысяч вещей, и не было на свете
ничего, чего бы он не знал.

Однажды Хён читал «Шицзин»[6]. Закрыв книгу, он обра-
тился к матери:

— Издревле сын имеет родителя, я же одинок и не знаю
своего отца. Отчего это?

Госпожа со слезами промолвила:

— Отец и сын привязаны друг к другу, так ведется исстари.

Поэтому мне не кажутся странными твои слова и мысли. — И она рассказала ему все, что случилось.

Сын, выслушав ее, залился слезами. Долго он не [мог сказать] ни слова. Но вот, роняя слезы, он упал на колени перед матерью:

— Отец поверил клевете, и мою мать изгнали из-за коварной женщины, но прошло уже много времени с тех пор, как вы приехали сюда, может быть, он раскаялся в своем поступке? Разве не простит он [вас], если увидит своего сына? Мне уже семь лет, я не знаю отца, живу преступником среди людей, перед чужими неловко. Я позабочусь о вас и [поеду] разыщу его.

Госпожа погладила его по спине и заплакала:

— Мне ли не понять твоих мыслей? Но Сицзин и Цзиньчжоу далеко друг от друга, и женщине трудно проделать путь в несколько тысяч ли. Преодолев его, мне придется подчиниться воле твоего отца, какова бы она ни была. А куда мы с тобой денемся, если он снова прогонит нас? Лучше подождем, когда тебе исполнится пятнадцать лет. Тогда ты сам разыщешь отца и выкажешь ему свою сыновнюю почтительность, и твоя мать в один прекрасный день тоже увидится с ним.

Мальчик опечалился и заплакал так, что даже не мог говорить. С тех пор он не выходил за ворота и, проводя все время в комнате для занятий, стал изучать «Принципы человеческой природы». Но, читая [книги], он только и думал, что не довелось ему увидеть лицо отца и что не может он служить обоим родителям, как это положено сыну. Мальчик печально закрывал книгу, и слезы часто-часто капали на его столик. Госпожа Чин страдала от этого и плакала.

Время неслось стрелой. Сын уже встретил свой тринадцатый год. Ростом он был в семь *чхоков*, станом тонкий, как ива, руки его, словно крылья феникса, на светлом яшмовом лице белые зубы и алые губы — как будто небожитель сошел на землю.

Госпожа горевала, что у сына от рождения есть только мать, что он страдает оттого, что не знает отца, и растет, угнетаемый скорбными думами, а она не в силах прекратить это зло. Сын, стесняясь показаться на люди, не выходил за ворота.

Старушке-хозяйке все это казалось странным, и однажды она сказала ему:

— Вы уже юноша, а все тоскуете, не показываете головы за ворота. Куда лучше предаваться сомнениям на берегу реки.

Юноша выслушал ее и со вздохом ответил:

— Ведь я преступник под небесами, мне уже больше тринадцати лет, а я не знаю своего отца. Я ничем не отличаюсь от зверей! Когда вижу людей, душа замирает от горя.

Старушку удивляло его поведение, и она то и дело вздыхала. Настал праздник седьмого дня седьмой луны[8]. Хозяйка была болезненной женщиной и ходила на купания в Чхочжон. Как-то собираясь туда, ей захотелось развеять грусть юноши, и она пригласила его пойти вместе с ней, но он ответил на это:

— Благодарю вас за великодушие, я никогда не был на лоне природы, ведь преступнику не подобает наслаждаться природой, и я не могу подчиниться вашей доброй воле, вы уж простите меня.

— Там, куда мы с вами пойдем, не собираются люди, — возразила старуха, — природа там дикая, виды необычайны. И хотя у вас душа не лежит к этому, сходите и успокойте свое сердце!

Юноша тяжело вздохнул:

— Любование природой еще больше опечалит мою душу. Я преступник, который не смеет даже взглянуть на солнечный свет; любуясь природой, я не испытываю восторга. Идите без меня!

Хозяйка несколько раз приглашала его, но он впал в уныние и больше ничего не ответил. Но старуха хотела пойти с ним и стала просить об этом госпожу. Госпожа тотчас позвала сына и сказала:

— Мы с тобой остались в живых только благодаря доброте нашей хозяйки. Она из любви к тебе хочет прогуляться вместе с тобой, не упрямься же!

Юноша не хотел идти, но ему пришлось подчиниться желанию матери, и, поблагодарив хозяйку за участие, он отправился с ней в горы.

Горные пики были прекрасны, природа великолепна! Водопады, словно яшмовые, струились светлыми потоками. Старуха сняла платье и стала купаться, а юноша, которого не трогала красота [природы], бродил в горах. [После купанья] старуха оделась и, сидя в тени деревьев, попивала вино, принесенное с собой.

В это время с горы, не спеша, спустился *чхоса*[9] в тростниковой шляпе и плаще[10], опираясь на дягилевый посох. Увидев, что юноша с яшмовым лицом и фениксовыми глазами равнодушен к красоте гор и рек, он удивился и, подойдя к нему с приветствием, промолвил:

— Прекрасный юноша, не откажись обратить свой взор на старика!

Юноше была неприятна встреча с [посторонним] человеком, он смутился и, сделав вид, что не слышит, повернулся и хотел уйти.

— Этот старец — *чхоса* Лю из Дунсяна, — заговорила хозяйка, — он превзошел других своей ученостью, это святой наших дней, не оставьте его без внимания!

Юноша отнюдь не был этому рад и, с большой неохотой повернувшись к отшельнику, вежливо проговорил:

— Я, невежда, с радостью послушал бы наставления учителя, но меня ждут дела, я должен вернуться.

С этими словами он поклонился и, распрощавшись, удалился, легко ступая. А *чхоса* Лю пристально разглядывал юношу, пока тот говорил, стараясь спрятать лицо. У юноши был высокий лоб, лицо, словно лотос. Фениксовый голос его звенел, как яшма. Словно белую яшму положили в пустынных горах! *Чхоса* будто помолодел душой и телом, ему захотелось позвать юношу снова, но тот, быстро отвесив церемонный поклон, удалился. Не осталось ни тени его, ни [следа]. *Чхоса* опечалился и, расхваливая его внешность и манеры, спросил у старухи:

— Не знаете ли вы, откуда этот юноша?

— Он живет в моем доме, — ответила та.

— Почему он живет у вас? — вежливо осведомился *чхоса*.

— Теперь ему тринадцать лет, — начала подробно рассказывать старуха. — Характер и поведение его необыкновенны, но из-за жестокости отца улыбка с раннего детства не появлялась на его лице. Его не радовали встречи с людьми, и нога его не ступала за ворота. Юноша считает себя преступником, и мне едва удалось сегодня привести его сюда. Поэтому он не обрадовался беседе с вами и остался равнодушным.

Чхоса, выслушав ее, удивленно воскликнул:

— Этот юноша святой мудрец! Как в такую глушь мог попасть человек столь добродетельный? И это несмотря на то, что отец его преступник? Разумеется, он образован, но нельзя ли взглянуть [мне] самому, [как он пишет]?

— За свои сочинения он никогда не берется снова, — ответила старуха, — но получить их очень трудно. Ведь он никогда не выходит за ворота, его не видят даже соседи. Разве он покажется вам? Его образ мыслей совсем не такой, как у других, и пригласить его будет нелегко.

Старик повздыхал и вернулся домой.

Чхоса Лю звали Ый. Он был человеком благородным и не искал почестей и славы; уединившись в горах, он возделывал землю, удил рыбу и жил «гостем, отдыхающим в святые времена». Он рано женился на госпоже Лё, но она, родив ему дочь, покинула этот мир. Тогда он женился вторично, но сына так и не дождался. Дочь его звали Ё Ран. Ей было двенадцать лет, дивным обликом, изысканными манерами она напоминала древних, и *чхоса* ее очень любил. Девице нужен был жених, но отец нигде не мог найти подходящего человека и очень беспокоился. Увидев юношу Ли, он понял, что Ли и его дочь были бы хорошей парой. Радостный, он вернулся домой и послал слугу пригласить старуху. Когда та пришла к нему, он обратился к ней с просьбой:

— Вчера я неожиданно встретил юношу Ли и никак не могу забыть его. Увидеть его снова очень трудно. Не могли бы вы показать мне что-нибудь написанное им?

Старуха подумала и сказала:

— Юноша по природе очень неразговорчив, и ему неприятны беседы с другими людьми, однако я попытаюсь.

Вернувшись домой, она взглянула на юношу, и ей захотелось тотчас же выполнить поручение *чхоса*. Юноша сидел тихо и читал «Луньюй»[11]. Он был прекрасен, как светлая осенняя луна, но на вид был так строг, что сразу не заговоришь. Если просто попросить что-нибудь написать, ему, пожалуй, покажется это подозрительным. Старушка, волнуясь, то бледнела, то краснела. «Никак к нему не подступиться», — думала она. А юноша, заметив, что она чем-то озабочена, удивился, но сделал вид, что не замечает. Тут старушке пришла в голову хитрая мысль, она обрадовалась и сказала:

— Мой младший брат живет в столице. Мне сказали, что туда едет один человек, и я хотела бы послать с ним письмо. Я, старуха, не знаю грамоты. Вы, конечно, очень заняты, но, может быть, напишете от меня несколько слов?

Юноша в душе совсем не обрадовался [ее просьбе], но ему пришлось взяться за кисть. Он написал [письмо] за один поворот головы и отдал хозяйке. Та, увидев, как он быстро водит кистью, была так удивлена, что в глазах у нее потемнело. Похвалив его, она взяла написанное и отнесла *чхоса* Лю. Лю быстро просмотрел. Сочинение было столь необыкновенным, что облака показались ему пепельными, а небо и земля потускнели. Обрадовавшись, он щедро одарил старуху.

— Я старик. У меня единственная дочь, ей двенадцать лет, она талантлива и добродетельна. Было бы справедливо, если б она стала невестой юноши. Ты предложи это госпоже и постарайся уговорить ее.

— Я понимаю, — ответила старуха, — но юношу Ли не интересуют мирские дела, и думаю, что он не обрадуется вашему предложению.

Чхоса улыбнулся:

— Отношения между супругами — вещь, обычная среди людей, они — источник большого счастья. А юноша не святой отшельник, неужели он до самой смерти будет [жить] один?

Старуха засмеялась и, вернувшись домой, передала госпоже Чин предложение *чхоса*.

— Вы знаете моего сына, — ответила ей на это госпожа, — подходит ли ему девица из дома Лю?

— Я видела барышню Лю, — солгала старуха, — самая подходящая невеста для молодого господина.

Госпожа повеселела. Старуха все передала Лю, тот тоже обрадовался и выбрал счастливый день. Он пришелся на шестнадцатый день восьмой луны. Госпожа Чин послала в дом невесты свадебные подарки и золотой браслет, который она носила в молодости.

Настал счастливый день, и юноша, полный достоинства, отправился к *чхоса* Лю. Ему не довелось узнать родного отца; он все время вздыхал об этом в глубокой печали и старался как можно лучше ухаживать за одинокой матерью. Сердцем он был с отцом и даже не помышлял о женитьбе. Он был очень ограничен в средствах и считал безрассудным думать о женитьбе без приказания отца. Лишь из сострадания к одинокой судьбе матери он [уступил] ей. Как описать чувства юноши? Слезы туманили его блестящие глаза, на прекрасном лице запечатлелась глубокая тревога, а в речах и манерах не было ни капли радости, но все вокруг хвалили его. У *чхоса* Лю он отведал свадебного гуся. Встретив молодую, он вернулся [в дом] и, приняв подарки в завершение большой свадебной церемонии, удалился. А госпожа стала разглядывать [Ё Ран]. Дивное лицо невесты и ее утонченные манеры обрадовали госпожу Чин больше, чем можно было предположить. Однако печаль не покидала ее. С наступлением ночи юноша не пошел к молодой, и мать спросила его о причине.

— Я не мог пойти наперекор желанию одинокой матушки и вынужден был жениться. Я не знаю своего отца, и нет мне прощения, я преступник среди людей. Ранний брак, женитьба на девочке предусмотрены у святых мудрецов, но невесте едва минуло тринадцать лет и было бы неправильно жить с ней вместе. Разве не следует вернуть ее отцу? Я подожду, пока она подрастет и [между нами] установятся должные отношения.

Госпожа опечалилась и вздохнула:

— Мать не может постичь чистых помыслов сына!

На следующее утро пришел *чхоса* Лю. Когда юноша, почтительно встретив его, заговорил, его яшмовое лицо и необыкновенная внешность предстали в новом свете. *Чхоса*, затаив страдание, сказал с нежностью:

— Я, старик, бесконечно рад тому, что у моих колен такой мудрый зять. Я не могу прийти в себя от счастья! Моя дочь еще очень молода, и я хочу видеть, как вы будете жить вместе через несколько лет. А каковы ваши желания?

Юноша с поклоном ответил:

— Ранний брак, брак с девочкой — это закон не нынешних государей. Я получил от вас наставления и разве могу пойти наперекор им?

Чхоса обрадовался стойкости юноши и взял обратно свою дочь. Он упросил юношу поселиться в его жилище. Юноша согласился, но без особого желания.

Он не интересовался мирскими делами, однако, уважая мудрость, высокую нравственность и честность своего тестя, часто наведывался в дом Лю. Тогда они рассуждали о путях совершенствования личности, услаждали свой ум. Лю приобрел уютный домик и поселил в нем госпожу Чин с сыном, снабдив их всем необходимым. Девушка предстала перед свекровью, чтобы исполнять ее волю в течение месяца. Своим преданным сердцем юноша полюбил *чхоса* как отца и решил наладить отношения с невестой. Встреча произошла при матери, но молодые не поднимали глаз, боясь взглянуть друг на друга. Юноше тогда было уже пятнадцать лет. Он все больше беспокоился об отце и, наконец, испросил разрешения у матери поехать в Цзиньчжоу. В это время пришло известие, что государь совершает паломничество на могилы предков. Госпожа сказала сыну:

— Отец может не принять тебя. Не лучше ли будет тебе поехать сейчас прямо в столицу и сдать экзамены, а потом отправиться в Цзиньчжоу?

Получив приказание матери, он стал собираться в дорогу. Когда он, отправляясь в Наньцзин, простился с матерью и вышел за ворота, слезы разлуки увлажнили [их] рукава. Он зашел к Лю. *Чхоса* хотел завершить свадебную церемонию. Обеспокоенный тем, что зять далеко уезжает, он взял его за рукав и привел в комнату молодой. [Ё Ран] встала навстречу ему. Юноша с достоинством приветствовал ее, протянул руки и усадил ее. *Чхоса* сказал:

— Вы уезжаете, поймаете синее облако[12], украситесь цветком корицы[13], устроитесь в академии, и слава ваша засияет. Дочь моя подрастет, а вы станете чиновником. Мне хотелось бы, испросив согласие вашей матушки, совершить брачные церемонии. Вы отправляетесь в столицу, по воле судьбы вы с моей дочерью стали супругами, но свои фамилии еще не соединили. Достигнув богатства, не забывайте обряд!

Юноша ответил на это:

— Хоть я и невежествен, но разве я могу быть бесчестным?

Чхоса была приятна [искренность юноши], и, обращаясь к дочери, он сказал:

— В мире все переменчиво. Покажи памятные подарки.

Молодая вынула два золотых браслета.

— Не сочтите меня за помешанного, — обратился *чхоса*, к юноше, — возьмите каждый по браслету. А теперь, прошу вас, взгляните ей в лицо!

Юноша, выслушав *чхоса*, еще раз убедился в том, что это судьба, ниспосланная небом, и, подняв глаза-звезды, взглянул на невесту. Девушка застыдилась и с браслетами в руках подошла к нему. Юноша нарочно не взял сразу, а некоторое время глядел на нее, потом поднялся и, приняв с почтением, промолвил:

— Сегодня мы сами разъединяем прощальные подарки, но дождемся дня, когда снова соединим [их]. Не знаю, как переживем разлуку. Напишем каждый по стиху и дадим клятву вечной верности.

— Ваши слова справедливы, — согласился *чхоса*, — дочь напишет маленькой кисточкой. Вы же не забудьте семью, с которой связаны на сто лет.

[Ё Ран], выполняя его волю, достала кисть и тушь, на-
исала один стих и подала отцу. *Чхоса* прочел его и отдал
юноше. Юноша поднял глаза — осенние волны моря. Форма
ероглифов была изысканной, стиль письма строгим. Он был
дивлен и восхищен написанным. Взяв разноцветную кисть,
н тоже написал стих и, подавая, сказал:

— Завтра утка-неразлучница[14] потеряет свою пару. Нынче
осле разлуки мы разъединим свои дары, и на время нам
ридется примириться с этим.

Он положил в карман [листок с] начальной строфой стиха и
тысячу залотых, откланялся и вышел за ворота. *Чхоса* пошел
следом и, взяв его за руку, с волнением сказал:

— Старая хозяйка боится, что вы увлечетесь вином, и не
верит, что снова увидит вас. Когда вы станете знатным, по-
лу́чите высокий чин, не забудьте ничтожных людей из гор-
ного захолустья!

Юноша растроганно увещевал его:

— Зачем говорить ненужные слова, если годы ваши еще
не клонятся к закату, а черные волосы еще не побелели? Хотя
ваш ничтожный зять и неразумен, но разве он может забыть
вашу дружбу?

Чхоса, преисполненный глубоких чувств, сжал его руку.

Юноша, простившись с ними, день и ночь ехал в столицу.
Прибыв в Наньцзин, он отправился к площадке для экза-
менующихся. Взглянув на тему сочинения, он в одно мгнове-
ние написал и представил его. Вскоре *чонтугван*[15] перед двор-
цом огласил имя сдавшего экзамен первым:

— Ли Хён, уроженец Цзиньчжоу, пятнадцати лет. Отец
его — бывший *сиран* Ли Мён.

Юноша вышел вперед и поднялся на площадку для экза-
менующихся. Он был очень грустен. Его представили госуда-
рю, все во дворце были поражены [талантом и молодостью]
Ли Хёна. Государь пожаловал ему цветущую ветку, платье
синего цвета и удостоил его звания *халлим хакса*[16]. Юноша
в ответ поклонился и сказал:

— Мой отец живет на родине в Цзиньчжоу. Вот уже много

лет он ждет у ворот, а я мечтаю лишь о том, чтобы, получив
приказ государя, почтительно ухаживать за родителями.

Государь разрешил. Юноша несколько раз поблагодарил
его за милость. Когда он вышел за ворота дворца, сотни чи-
новников окружили его.

Юноша ничего не знал о здоровье отца и был в смятении.
Он сетовал на то, что не может взять крылья у гуся и пере-
дать радостную весть матери. Разве он мог хоть на минуту
предаться радости? И той же звездной ночью отправившись
в путь, он прибыл в Цзиньчжоу. Правитель Цзиньчжоу до-
стойно встретил его. Юноша спросил его нетерпеливо:

— Где здесь дом *сирана* Ли?

— Не имеете ли вы в виду бывшего *сирана* Ли Мёна? —
спросил тот.

— Совершенно верно, — ответил юноша.

Тогда правитель сказал:

— Пять лет тому назад он был убит любовником наложницы Хон Нан. Правитель посадил в темницу и любовника и наложницу, я сам чинил допрос. Действительно, все так и оказалось. Родственников у него не было, и правитель за неимением истцов не решил дела и заключил [преступников] в темницу. Ли был похоронен со всеми [подобающими] церемониями. А почему вы интересуетесь?

Юноша упал без сознания. Правитель привел его в чувство и спросил о причине. Едва очнувшись, юноша заплакал:

— Я сын *сирана* Ли. Моя любимая мать, когда была беременна мною, попала в беду по вине этой Хон Нан. Она отправилась в Сучжоу к своим родственникам, но случилось несчастье, и она разрешилась мной в одиночестве, скитаясь у Сицзина. Я всегда питал глубокие сыновние чувства к отцу, но был мал, а путь далек, и потому я только сейчас явился сюда, получив благословение неба — меня украсили золотым цветком корицы, я добился почестей и славы. Я в отчаянии от того, что не знаю отца. Я ехал сюда и днем и ночью и разве мог подумать хотя бы во сне, что придется пережить такое горе, какого не выдержит [даже] небо?

Он снял шляпу, украшенную цветком корицы, распустил волосы и зарыдал так, что [у него] перехватило дыхание. Правитель спросил, чем он может помочь. Юноша попросил показать могилу отца. Правитель направился к могиле, а Ли Хён, поддерживаемый слугой, шел за ним, думая о том, что он [уже] семь лет тоскует по отцу, а мать его преследуют несчастья. Душа его омрачилась. Он сломал ветку коричных цветов, которые достались ему так неожиданно, и отправился к отчему дому. «Посмотреть бы с улыбкой на отца, — думал он. — Вечно меня преследуют нежданные-негаданные беды; тоска, заслонившая небо, безграничная скорбь терзает душу. Жизнь угасает». Когда он увидел могилу отца, к которой шел тысячу ли, ноги у него стали подкашиваться. Он шел, поддерживаемый слугой. Упав на могилу, юноша от горя [на некоторое время] лишился чувств. Долго он лил горючие слезы, в голосе его слышалась скорбь. Правитель и чиновники не могли прервать его стенаний. Но вот он приказал чиновникам привести сюда Хон Нан и ее любовника. Вскоре тюремщик привел связанных преступников. Когда юноша увидел их, гневу его не было границ. Разложили палки, преступников привязали и строго наказали. Допросили, почему они убили *сирана*. Мужчина ответил:

— Мое имя Хо Ма. У нас с Хон Нан издавна были отношения, как при дожде из облака [17]. Я отправился торговать на Рюкю, а когда вернулся, узнал, что *сиран* увел к себе Хон Нан. Я дал волю гневу и в такой-то год, луну и день заколол его — это случилось в час *ыльса*.

Затем стали допрашивать Хон Нан, и она со вздохом сказала:

— Меня насильно взял к себе господин Ли. И, хотя я стала его [наложницей], я ничего не знала о том, что Хо Ма убил господина Ли.

Юноша в великом гневе закричал:

— Своим коварством ты выгнала законную супругу Чин и, наконец, погубила моего отца. Небо и земля полны твоими преступлениями. Но теперь все раскрылось!

Юноша пригрозил им, и они, пав ниц, во всем признались. Ли Хён отрубил им головы и, повесив их перед могилой, прочитал поминальную табличку: «В такой-то день, луну и год ваш недостойный сын Хён, проливая горючие слезы, погруженный в печаль, в двух-трех строках говорит о своей скорби. Мое преступление наполнило небо и землю. Я не знал в лицо своего отца. Живя преступником среди людей, я ничем не отличаюсь от животных. Я ухаживаю за одинокой матерью. Одиноко и бесприютно скиталась она у Сицзина и нашла прибежище у нищей старухи. Прошло более десяти лет, а мои мысли все время были обращены в ту сторону, где жил отец. Тоска моя безгранична. Я горюю о том, что до сих пор не мог прибыть к отцу. Я был молод и не мог преодолеть расстояния в тысячу ли. Дни и ночи я надеялся на судьбу, но меня преследовали несчастья. Теперь волей случая я получил милость неба. Я первым сдал экзамены на чин и хотел, отправившись на родину, предстать с поклоном перед отцом и искупить свой грех. О небо! Как прискорбно! Нежданно-негаданно на пути [к вам] меня настигла недобрая весть. Сердце мое будто разорвалось. Как могло небо допустить это! В скорби своей, которая уже пятнадцать лет не покидает меня, я не похож на других людей, я даже не знаю отца. Из-за этого путь к славе закрыт для меня. Я взываю к небу. О тоска, от которой избавит меня только меч! От искренности чувств, которые сводят с ума недостойного сына, расплавятся металлы и камни! Безграничная скорбь не исчезнет во веки веков. Я не мог предстать перед отцом, но теперь головами преступников я обращаюсь к [его] духу. Если душе вашей светло в царстве мрака, посветите и мне! Я возвращусь к матери и пойду по тому пути, на котором остановились вы. Я жду, что вы обратите на меня свои взоры!»

Прочитав табличку, в которой слова были смешаны с кровью, он упал на могилу. Приближенные подхватили его. Едва он пришел в себя, как начал биться головой о могилу и закричал. Горючие слезы капали на его траурное платье, голос его часто прерывался, стоявшие рядом тоже не могли

удержаться от слез, не будучи в силах равнодушно смотреть на его горе. Затем юноша в комнате для посетителей разложил поминальные таблички. [Каждое] утро и вечер он приносил жертвы. Искренняя скорбь не проходила со временем.

— Я покончил бы с собой и последовал за отцом, но не могу не думать о матери, которая ждет меня за тысячу ли.

Затем он направил послание государю и сообщил, что находится в трауре и не может служить в столице. Государь издал указ, в котором он выразил соболезнование юноше и освободил его от службы на время траура. [Ли Хён] был тронут. Он поблагодарил государя за милость. Отправляясь в Сицзин, он посетил могилу отца и долго вздыхал и скорбел. Едва придя в себя, он вместе с десятью слугами отправился в путь. Он был печален, на яшмовом лице [его] не было ни кровинки, звездное сияние глаз померкло, дыхание прерывалось.

Ученый муж был благороден и грустен. Он ехал несколько дней и прибыл в какое-то местечко. Деревья и травы здесь были густо переплетены. Юноша остановился в нерешительности. Уже смеркалось. Поблизости не было другого жилья, и ему пришлось остановиться на постоялом дворе. Юноша едва дышал от усталости, ему отвели комнату. Хозяин подал ужин. На столе стояли тарелки с мясом. Ли Хён даже не притронулся к еде и отодвинул от себя блюда. Его слуга Сон Чжин сказал трактирщику:

— Наш господин в трауре, свари рисовый отвар и подай.

Тот вышел. А Сон Чжин, почуяв, что из-за дома донесся запах жирного мясного супа, потихоньку пошел туда. Вдруг [он услышал, как] на кухне кто-то сказал:

— Гость не ест мяса, отчего бы это?

— Потише, вы! Он не ест человеческого мяса, но ты приготовь ему зелье к закуске без мяса. Он заболеет, ослабеет и помрет от одного этого зелья!

Сон Чжин в испуге бросился к господину и рассказал ему все, от начала до конца. Юношей овладело беспокойство, но он сказал слуге:

— Я понял тебя, говорят, в пустынных местах из человеческого мяса делают пельмени. Людей убивают, а имущество забирают. Выходит, это верно. Ты помалкивай, а я уже придумал кое-что.

Между тем трактирщик принес рисовый отвар.

— Мне что-то нехорошо, убери это! — сказал ему юноша.

Слуга унес столик, а трактирщик вышел, напуганный. Юноша спокойно улегся. Вдруг за перегородкой тихонько захихикали и кто-то сказал:

— Он не захотел есть ни человеческого мяса, ни рисового отвара. Он хочет остаться в живых, однако ночью, в пятую стражу, ему не удастся избежать нашего ножа!

Услышав этот разговор, юноша испугался и стал думать, куда бы бежать. В пустынных горах глубокой ночью нет ни души. Он не знал, что делать, [но вскоре] сообразил кое-что.

У трактирщика вся усадьба была обсажена терновником, а на кустах развешаны колокольчики. Если придут грабители, от звона колокольчиков все проснутся, переполошатся, начнут рыскать вокруг и бандиты не осмелятся учинить злодеяние. Юноша, все продумав, тихо позвал Сон Чжина. Тот взял тонкую веревку, привязал ее к терновнику, а другой конец протянул в комнату юноши. В третью стражу они оба потихоньку потянули за веревку, колокольчики зазвенели. Люди в трактире перепугались, схватили факелы и выбежали с криками за ворота. Они сновали вправо и влево, а юноша и его слуги воспользовавшись [переполохом], сели на ослов и бежали.

Проехав тридцать ли, [они увидели] у дороги большой дом. [Люди с] факелами стояли в ряд и шумели. Юноша попросил разрешения провести здесь ночь. Один из чиновников сказал:

— Светлейший Ён-ван [18] едет в столицу, собирается побывать на приеме у государя и принять участие в пире. Сегодняшнюю ночь [он] проводит здесь. Все чиновники собрались [приветствовать его]. Ён-ван — четвертый сын Тхэ-чжо [19], имя его Чхе. Его резиденция в Яньбэе.

Юноша, узнав, что здесь четвертый сын государя, Ён-ван, побоялся войти. Вдруг позади него раздался голос:

— Гость украл в трактире вещи!

Юноша оглянулся: несколько десятков головорезов окружили его, держа в руках мечи и копья. Юноша испугался и, обратившись к стоявшим рядом чиновникам, пожаловался:

— Я не ссорился с этими людьми, но они преследуют меня со злым умыслом. Я надеюсь, что вы поможете мне.

Только он промолвил, как разбойники в одно мгновение подскочили и схватили его, а слуг его связали. Чиновники, увидя, что юноша попал в беду, сжалились над ним и обрушились с бранью на преследователей:

— Когда хватают разбойников или краденое, докладывают в управу и там решают дело. Отчего же вы самовольничаете? Наш государь своею мудростью превосходит других людей. Идите и доложите ему, пусть он рассудит!

Чиновники, ведя юношу и разбойников, пришли к Ён-вану.

Ван уже давно находился в пути. Остановившись здесь, где не было ни души, он не мог заснуть и беседовал с монахом Пон Чжон Еком о древних и нынешних [порядках]. Вдруг с улицы донесся шум, и толпа чиновников, ведущих разбойников и человека в траурном платье, предстала перед ваном. Они изложили суть дела. Ван обратился к разбойникам с вопросом:

— Если гость украл у вас [что-то], то вы можете обвинить его только в том случае, если у него есть краденые вещи. Как же можно хватать [человека], если он не вор?

Разбойники принялись лгать:

— Мы его проводили в комнату и уложили спать. Вдруг в полночь раздался звон колокольчиков на заборе, и гость бесследно исчез. Совершенно очевидно, что он сбежал, украв что-то. Мы бросились следом, даже не осмотрев дом. Если не обнаружим у него краденого — уйдем, только и всего, ничего страшного нет. Однако, если гость ни с того ни с сего ночью открывает ворота трактира и убегает, должна быть веская причина. Если у него были для этого какие-то основания, нужно было прежде пойти и сказать хозяину трактира. Вы, господин, пожалуйста, подумайте об этом.

Ван, считая их слова резонными, обратился к юноше:

— Как ваше имя и фамилия? Почему вы, благородный человек, открыв ночью ворота трактира, сбежали? Расскажите мне!

Юноша выслушал и, не изменившись в лице, не спеша, рассказал:

— Меня постигло горе, достигающее небес. Едва миновали первые дни траура, я направился в Сицзин ухаживать за старой матерью, вот потому я и попал сюда. Хозяин трактира задумал обмануть меня, подсунув человеческое мясо, но у него ничего не вышло. Тогда, [как я узнал из разговора], он собрался меня погубить. Я узнал о том, что меня ожидает, и не стал [ничего] есть. Случайно я подслушал разговор и понял, что меня хотят погубить. Хоть я и преступник, пребывающий в скорби, но погибнуть в дороге понапрасну никому не захочется. Мне пришлось прибегнуть к хитрости и бежать сюда. Естественно, эта шайка погналась за мной. Господин, обыщите мои вещи и слуг и расследуйте все тщательно. Вы не раскаетесь в этом.

Он кончил. Речь его была искренней, и лицо оставалось спокойным. Ван был мудрым человеком. Выслушав его, он все понял и сказал:

— Я слышал раньше, что в пустынных местах человеческим мясом и зельем травят людей. Оказывается, это и на самом деле так.

Так как ван ведал государственными делами, он решил разобраться в этом в самый кратчайший срок; [он] велел чиновникам осмотреть дорожные вещи юноши и приказал стражникам:

— Схватите эту шайку и обыщите трактир, узнайте, откуда они берут человеческое мясо!

[Чиновники], выслушав приказ, взяли под стражу разбойников и пришли к трактиру, сразу нашли [там] и жареное человеческое мясо и вареное. Убитые лежали на столах. Стражники связали всех, [кто служил] в трактире, от мала до велика, привезли в резиденцию вана и тотчас ему обо всем доложили. Пока [шло расследование], настало утро. Ван, узнав подробности, разгневался и пригрозил хозяину трактира. Тот во всем

повинился. Ван был потрясен. Главаря казнили, остальных [преступников] наказали палками и сослали на дальние границы в солдаты.

Затем ван приказал своим приближенным позвать юношу, А юноша между тем восхищался, как [быстро] ван, словно небожитель, раскрыл это дело. Он удалился в нижние покои, ожидая дальнейших событий и собираясь отправиться в дорогу. Услышав, что ван его зовет, он скромно сказал:

— Я в трауре. Как мне, недостойному, предстать перед лицом могущественного государя?

Ван настаивал на своем приглашении:

— Во дворце все, конечно, должны видеть его в платье чиновника, но какие могут быть церемонии при [случайной] встрече в пути?

Юноша опять передал через слуг:

— Я — Ли Хён, *халлим хакса*, первым сдавший экзамен на чин этой осенью, ношу траур по отцу и не могу подчиниться милостивому приказу. Направляюсь сейчас в Сицзин ухаживать за матерью. Я попал в беду и находился между жизнью и смертью. Своей властью ван избавил меня от шайки злоумышленников. Мне очень хочется поблагодарить вана за великодушие, но не смею предстать перед светлыми очами. Зачем же попусту говорить об этом?

Ван непременно хотел повидать юношу, и сам отправился к нему. Ли Хён был так смущен, что не смог принять его должным образом. Он встретил его у порога и скромно приветствовал. Ван поклонился в ответ и поднял глаза: хотя юноша и похудел от печали, но его смятение не было смятением преступника. Ван с достоинством сказал:

— Я — Ён-ван, четвертый сын государя, владетельный князь. Не зная вас совсем и впервые встретив на постоялом дворе, я увидел небожителя. Счастью моему нет границ.

Юноша почтительно сказал:

— Я преступник. Сегодня случайно предстал перед вами, и милость, оказанная вами, облагодетельствует меня и в будущем. Я не скоро приду в себя от глубокого потрясения. Вы, вели-

кий человек, пришли к преступнику из подлого дома. Я не могу побороть в себе священного трепета.

Ван с улыбкой сказал:

— Я один из первых князей. С давних пор я ратовал за то, что нам нужны мудрецы, и, хотя мне не дано постигать людей, тем не менее я вижу в вас дар правителя и способность повелевать подданными. Я поздравляю вас с получением милости государя.

— Я, невежественный, могу опозориться перед вашими чиновниками; как мне выполнять ваши приказы? — проговорил юноша.

— Вы носите траур по отцу и побывали на родине. Отчего же ваша матушка живет в Сицзине? — спросил ван.

Юноша затрепетал, и слезы, которые он пытался сдержать, потекли по яшмовому лицу, траурное платье промокло. Долго он не мог вымолвить ни слова.

Ван сказал со вздохом:

— Святые мудрецы боялись нарушить покой, разве не предостерегали правителей от отчаяния люди прошлых веков?

— Слова ваши справедливы, — ответил юноша, — но [судьба] моя не такая, как у других людей. Я расскажу вам подробно, что произошло со мной. Этой осенью я сдал экзамены на чин. Звание, которое [я получил] не по заслугам, для меня слишком высоко, но великодушие государя не знает границ. Я, ничтожный, замыслил отправиться на родину, навестить отца. Я хотел вернуться в столицу, чтобы отблагодарить [государя] хоть на одну десятитысячную за небесную милость, но прегрешения мои оказались слишком велики и судьба жестока. Отец безвременно скончался, а пока он жил, я не знал его и не мог выразить сыновние чувства. Моя скорбь взывала к небу и земле, и некуда мне было деться. Я думал, что лучше исчезнуть, пойти вслед за отцом и отблагодарить за великую милость своего рождения, за которую я не отблагодарил на этом свете, но я не могу бросить одинокую старую мать на чужбине. Поэтому я не расстался со своей никчемной жизнью. Есть ли еще на свете такой грешник, как я?

Ван стал его утешать:

— То, что ваш отец преждевременно скончался, — зависело от неба. Зачем же из-за глубокой преданности [к отцу] пренебрегать здоровьем старой матери?

Юноша растроганно поблагодарил. Своими речами он внушил вану еще бóльшую симпатию, и [ван] не знал, как расстаться с ним. Юноша поднялся и сказал на прощание:

— Я, грешник, случайно в пути получил милость вана и глубоко тронут этим, на душе у меня стало светлее. Меня ждет старая мать у ворот дома, и с каждым днем сердце мое все больше тоскует в одиночестве. Я спешу и сейчас вынужден почтительнейше распрощаться с вами.

Расставаясь, ван испытывал самые теплые чувства к Ли Хёну. Он сжал руки юноши и сказал:

— Я человек бесталанный и не могу привлечь ваше внимание, но внемлите моей искренности. Давайте договоримся о будущей встрече.

Для юноши все дела были как плывущие облака, и слова вана не нашли отклика [в его душе], он только обратил на гостя взор, полный благодарности. Ван словно дитя дракона и феникса — на нем печать солнца. Вид у него могущественный, лицо дракона, грозные брови, большой нос. Разве не обладал он внешностью правителя государства? Он был похож на сына неба в святые времена. Пораженный, юноша несколько раз внимательно посмотрел на него, дважды поклонился и вздохнул и, не говоря ни слова, удалился. У вана сжалось сердце. Он отправился в путь и прибыл в Цзиньлин. Явившись на утренний прием к сыну неба, почтительно приветствовав его и государыню, ван сказал:

— По пути в столицу я остановился в области Цичжоу в деревенском доме. В тех местах человеческим мясом и необыкновенными зельями губят людей и присваивают их имущество. Я, дав волю гневу и не доложив вам, обезглавил убийцу-главаря, а остальных сослал в отдаленные земли в солдаты. Не зная, какова на то ваша воля, я трепещу, [ожидая наказания] за свое преступление.

Государь, выслушав, улыбнулся:

— Я объединил [всю] Поднебесную, но она широка, без края. В трактире вы уничтожили зло, которое там [причиняли] людям. Я считаю [ваше деяние] прекрасным, разве это преступление?

Поблагодарив за милость, ван со вздохом заметил:

— Какого талантливого человека вы избрали этой осенью [на экзаменах] во время паломничества на могилы!

Государь сказал:

— Ли Хён, который нынче первым сдал экзамены, исключительный человек, но у него умер отец, и он пребывает в трауре. Это очень прискорбно.

Ван рассказал:

— Ли Мён изгнал жену, когда его сын был еще во чреве матери. Она отправилась на родину в Сучжоу, но попала в бурю и ее принесло в Сицзин. Мать и сын едва выжили. Когда Хён подрос, он прибыл в столицу, сдал экзамены на чин и уехал в Цзиньчжоу. Ли Мёна злодейски убили, по вине развратной наложницы его не стало. Ли Хён глубоко скорбит В траурном одеянии он отправился в Сицзин к старой матери. Заехав в трактир, где кормили человеческим мясом, и узнав о подлых кознях, он задумал кое-что и избежал злодейства. Хоть я видел его всего один раз, но сразу понял, что человек он необычный. В беседе он проявил талант правителя, я был сражен его достоинствами. Получив милость государя, я обосновался в Яньбэе. Земли там обширны, горы и реки великолепны. Очень трудно их оборонять от варваров. Я не знаю покоя ни днем, ни ночью. Как бы мне не ошибиться в большом деле, как бы не опозорить могущества государя. Стоит пригласить такого выдающегося человека [на службу]. Мы вместе с ним будем править областью и разгадаем подстерегающие нас тайные помыслы варваров. В пограничных землях мне не обойтись без талантливых людей. Я видел Ли Хёна. Он человек необычный. Вы оказали мне доверие, так упрочьте же мое положение, чтобы я смог достойно управлять Яньбэем.

Государь погрузился в размышления и через некоторое время сказал:

— Я хотел услышать ваше мнение. Хоть замыслы ваши широки и поражают своей изобретательностью и дело, [которое вы предлагаете], важно, но как же мне отдать Ли Хёна? Мой внук характером слаб, а все эти Пан Хё Ю, Кён Чхён, Че Тхэ, Хван Ча Чжин [20] — недостойные *мунсины* [21]. У государства нет опоры. Как же мне отдать Ли Хёна?

Ван глубоко задумался и, не говоря ни слова, ушел. Издревле говорят: скажешь днем — услышат птицы, скажешь ночью — услышат мыши. Этот разговор получил огласку. Советник Че Тхэ и первый министр Хван Ча Чжин перепугались и сказали государю:

— Ён-ван и его подданные что-то замыслили. У Ён-вана обширные владения, и к себе на службу он просит таких героев, как Чон Хён, Ым Хын. Государь, положение ваших потомков может оказаться так же ненадежно, как у яиц, сложенных горой. И день и ночь мы тревожимся об этом. Он хочет пригласить к себе этого Ли Хёна, якобы чтобы обороняться от варваров. [На самом деле] это [лишний раз] говорит о его далеко идущих замыслах.

Однажды на приеме у государя министр Хван заметил:

— Хоть Ён-ван и сын государя, но он самостоятельный князь, внушающий опасения. Разве можно оставлять его надолго во дворце? Его немедленно следует отослать.

Советник Че сделал скорбное лицо и добавил:

— Ён-ван [просит] уступить ему Ли Хёна, сдавшего первым экзамен. Его [просьба] содержит в себе глубокий смысл. Мы боимся, как бы не повредило это вашим наследникам в будущем. Скорее отошлите его обратно!

В это время [Ён]-ван был во дворце и слышал эти речи, он пришел в ярость и потребовал разжаловать обоих и убить. Государь, прочтя донесение вана, решил, что ему это невыгодно, и, считая слова придворных справедливыми, стал предостерегать вана:

— Хоть Че и Хван сказали слишком резко, но сомневаться — значит приблизиться к истине. Успокойтесь и сегодня же возвращайтесь к себе.

Ван тоже проявил мудрость. Узнав волю государя, он в тот же день откланялся и отправился в Яньбэй. Государь предостерег его, и потрясенный ван спешно выехал.

А в Яньбэе все чиновники вышли навстречу за десять ли и приветствовали его. Во дворце ван сказал То Ёну:

— В свое время скончался мой старший брат. Я любил его сына, как своего ребенка. Че Тхэ и Хван Ча Чжин оклеветали меня, и государь усомнился во мне. Теперь когда оправдают мое благородное сердце?

Когда-то *вигуккон* [22] Со Даль, убедившись в выдающемся военном таланте То Ёна, направил его к вану, наказав при этом: «Защищай вана от варваров!»

Старшая дочь Со была супругой Ён-вана. То Ён знал астрономию и умел гадать по [чертам] лица. Он понял, что облик вана — облик сына неба, и завел с ним беседу о великом свершении. Но ван не откликнулся. В следующий раз ван ответил ему, как и прежде:

— Хоть меня и оклеветали коварные придворные, стану ли я, поправ родственные отношения, замышлять против государя?

— Пусть так, но если вы хотите совершить великое дело, нельзя быть таким нерешительным. Наследник слабоумен, Че Тхе и другие злоупотребляют властью, и, если в последние годы жизни государя кто-либо чужой будет править Поднебесной, раскаиваться будет поздно, — ответил То Ён.

Ван промолчал.

Вскоре скончался государь. Ван очень горевал и, объявив о трауре, скорбел день и ночь. Он решил отправиться в столицу, но неожиданно услышал, что Че и Хван упразднили самостоятельность ванов и что в каждую провинцию посланы войска с приказом задержать всех князей. Ван огорчился и разгневался. Сердце его, хранившее прежде верность, теперь поколебалось. С этого дня в душе его зародились мятежные замыслы, и через несколько дней он сказался больным.

Че, Хван и все их подданные, еще раньше подозревавшие вана, задумали сорвать [его] планы.

* *
*

Между тем юноша, расставшись с Ён-ваном, ехал день и ночь. Достигнув Сицзина, он встретился с матерью. Госпожа Чин впервые проводила сына так далеко, и думы [о нем] были печальны. Она привела к себе Лю, и та была единственной ее утешительницей в грустном одиночестве.

Неожиданно заболел *чхоса* Лю. День ото дня ему становилось все хуже. Молодая в большом горе покинула свекровь и пошла в отцовский дом. Болезнь обострялась, и *чхоса* Лю, чувствуя, что ему уже не встать, сказал дочери:

— Я умру, не повидав Юн Сяна, тоска не дает мне покоя. Юн Сян — мудрый человек, он не оставит тебя. Однако все может случиться, [иногда] поступки людей идут вразрез с их мыслями. Если будет трудно соединить уток-неразлучниц, защищайся сама, береги себя!

[С этими словами] он скончался. Ему было тогда сорок пять лет. Девушка предалась горю. Превозмогая печаль, она, как положено по обряду, своими руками одела покойного. Справляя траур, она не могла покинуть свой дом и просила разрешения у свекрови вернуться к ней после траура. Госпожа Чин, всей душой сочувствуя ей, согласилась. Молодая вместе с мачехой, госпожой Сон, совершала жертвоприношения.

Время шло быстро. Траур миновал. Но Лю все грустила и горевала день и ночь. Она похудела, стала совсем хрупкой и еще более красивой.

А госпожа Сон замыслила грязное дело. У одного их односельчанина по имени Ким Чан Чжа умерла жена, и он решил жениться вторично. Госпожа Сон потихоньку сговорилась с ним:

— Если дашь несколько тысяч золотом, обещаю тебе девицу!

Ким обрадовался, принес тысячу золотых монет и спросил [о девушке]. Госпожа Сон, довольная, выбрала счастливый день. А Лю между тем ни о чем не подозревала. Она совершила траурные обряды и, беспокоясь о благополучии свекрови, хотела вернуться к ней. Служанка Ун Кё тайком шепнула ей, что мачеха сосватала ее за вдовца Ким Чан Чжа и что уж близок и день [свадьбы]. [Лю], услышав такое, что и во сне не увидишь, всполошилась. Она была в смятении и не могла вымолвить ни слова. Кормилица Ке Хва сказала ей:

— Такова воля мачехи, и вам трудно будет уклониться. Ступайте скорей в дом свекрови.

«Идти к ней сейчас нет смысла, я лишь причиню зло своей свекрови. Разве я могу пойти к ней?» — думала девушка. И она, взяв шелк, сшила себе мужское платье и спрятала в карман драгоценности. Той же ночью с кормилицей Ке Хва и ее дочерью Ок Нан она выехала за ворота усадьбы. Лю вручила Ун Кё письмо для госпожи Чин, а сама отправилась куда глаза глядят.

Мачеха, пообещав девушку Киму, ждала назначенного дня. А назавтра падчерица пропала неизвестно куда, оставив на столе письмо на двух листках. Мачеха с дрожью прочитала его:

«Недостойная дочь смиренно обращается к вам. Мой отец ушел далеко-далеко, вы, тетушка, одиноки, и мысли ваши печальны. Мне вздумалось выполнить свое желание — переодеться в мужское платье и отправиться странствовать по Поднебесной. Если бы я рассказала вам об этом раньше, вы бы мне не разрешили, и я ушла тайком. Не тужите о преданной вам дочери и берегите свое драгоценное здоровье».

Мачеха, прочитав, упала духом и [тяжело] вздохнула: «Что ж, если заранее узнаешь о таком деле, поневоле сбежишь. Кто бы мог подумать, что она перехитрит [меня] и все испортит своими кознями! И это наверняка не обошлось без госпожи Чин». Она сетовала только на то, что обман не удался, и рассказала обо всем Киму. Ким страшно разгневался и, схватив деньги, посоветовал:

— Посмотрите, не спряталась ли девица у свекрови?

Госпожа Сон показала [ему] письмо девушки и сказала, что нет никакого сомнения в том, что та сбежала, переодевшись в мужское платье. Ким ничего не мог поделать. Он злился и подозревал, что дело не могло обойтись без госпожи Чин, что [кажущееся] неведение ее — лишь предусмотрительность девицы.

А госпожа Чин тем временем очень тосковала оттого, что девушка ушла от нее надолго. Она собралась было позвать ее сама, как вдруг госпожа Сон через служанку сообщила, что Лю убежала, оставив для нее письмо. «У этой верной падчерицы — добропорядочность льда и яшмы, и она не выйдет за отцовские ворота без веских причин, — [подумала госпожа]. — Есть, конечно, письмо, но понять, в чем тут дело, — невозможно». Она терзалась сомнениями, но через несколько дней служанка Ун Кё принесла письмо из дома Лю. Госпожа быстро вскрыла и прочла. Вот что в нем было написано:

«Недостойная невестка Ё Ран трижды кланяется вам до земли и посылает к вашим стопам этот листок бумаги. Я в юные годы, опираясь о ваши колени, пользовалась вашими милостями. Искренность, с которой я отношусь к вам, ни на минуту не уменьшится. К несчастью, мой отец ушел далеко, и я скорблю так, что небо может обрушиться. Мое горе очень велико! Покидая вас, я хотела снова вернуться, как только закончится траур. Но мне, одинокой, угрожал позор стать наложницей в доме Кима. Мать оказалась слабой духом, и не было никого, кто избавил бы меня от позора. Мне ли не знать, что я могла бы избежать беды, придя к вам? Но в это время не было супруга, и я боялась, как бы не навлечь беду и на вас. Оттягивая время, я хотела дождаться, когда приедет супруг. Но мой позор приближался, и я, не думая о себе, хотела только, чтобы вы жили спокойно. Я ухожу из дома. Подниму голову — и мне представляется ваше лицо. Но вокруг меня громоздятся лишь горы, окутанные облаками. [Сердце] мое разрывается. На коленях молю вас, не оставьте меня, недостойную невестку, своими милостями. Живите долгие го-

ды. Когда-нибудь мы все приедем в столицу и соберемся [все вместе]».

Письмо очень взволновало госпожу, и она залилась слезами. Но своим светлым умом она все поняла. Несмотря на то что девушка в письме ничего не говорила о подлых происках Сон, госпоже все стало ясно. Ее проницательное сердце не могло забыть того, что [девушка], не думая о себе, спасала свекровь. Мысли ее были очень печальны.

Миновала зима. До самой весны от юноши не было вестей, и беспокойство матери росло. Сон и еда не приносили успокоения. Она проводила время в тревоге и тоске.

Хакса, сдав экзамены на чин и отправившись в Цзиньчжоу, послал в Сицзин чиновника. Но он заболел в пути и умер. Уездная управа справлялась в списках сдавших экзамены в столице, но имя *хакса* еще не попало в списки. Земляки редко видели его, и мало кто знал его имя. Поэтому в Сицзине о нем никто ничего не слыхал.

Настал первый месяц весны. Однажды вбежала служанка и сказала, что приехал Ли Хён. Госпожа не могла подняться, не могла даже подумать о том, чтобы выйти к нему навстречу. Когда *хакса* вошел в ворота, она [увидела], что на нем траурное платье. Юноша подошел к ступеням. Мать вскрикнула и, потеряв сознание, упала. Сердце сына дрогнуло. Взяв себя в руки, он вошел в дом и помог матери. Очнувшись, она заплакала:

— Твой отец поверил клевете гнусной наложницы и выгнал меня. Мы не могли увидеться после шестнадцати лет разлуки и теперь навеки расстались. Где ж мне было предвидеть это? Может быть, он скончался от какого-нибудь недуга?

У *хакса* сердце замерло, он плакал. Горючие слезы увлажняли его траурные одежды. Он едва успокоился и вкратце рассказал об убийстве отца, поведав о том, как сдавал экзамены и как, приехав в [Цзиньчжоу], услышал о несчастье и отомстил врагам. Мать, рыдая, причитала:

— Твой отец умер раньше времени из-за увлечения женщинами! Ты не хотел видеть людей, но подумал о моей жизни,

и сердце твое преисполнено горя. Как могла у тебя возникнуть мысль покончить с собой?

Она вышла и, причитая, объявила всем о трауре. *Хакса* горевал еще больше, однако, скрывая грусть, утешал [мать]. Госпожа, не переставая печалиться, проводила дни траура. Она то и дело теряла сознание от безысходной тоски. *Хакса*, беспредельно печалясь, сказал:

— Воля отца была жестокой, я так и не увидел его лица. [Теперь] навсегда я останусь в мире преступником и буду жить, не смея взглянуть людям в лицо. Утешаюсь только тем, что взываю к небу. Желание покончить с жизнью, конечно, недостойно [сына]. Однако если вы будете так горевать и убиваться, то для чего мне беречь свою жизнь и для кого жить на свете? — И он продолжал терпеть душевные муки, горькие слезы текли из его очей.

Мать страдала, видя мучения сына, и, потрясенная его горестными речами, старалась скрывать свою печаль и отчаяние. Она села напротив [сына], взяла его за руку и пристально посмотрела ему в лицо. Лицо *хакса* выражало страдание, сердце еле билось, от его прежней красоты не осталось и следа. На траурном платье высыхали горючие слезы. Мать, обеспокоенная, строго говорила ему:

— Ты печалишься о моем горе, но не следует переходить границы. Вот ты говоришь, что не видел отца, что небо все разрушило навеки. Но если ты думаешь отплатить мне за милость [рождения], не терзай себя. Если ты не возьмешь себя в руки, что мне делать?

Хакса, благодаря ее за милости, отвечал:

— Я [сейчас] в беспредельной тоске. Но мне надо думать и о будущем. Я не видел отца, и его преждевременная смерть жестоко мучает меня, терзают тревоги. Вы, матушка, не беспокойтесь обо мне!

Госпожа вздохнула и снова, не показав, как ей тяжело, утешала его. Она с волнением вспоминала о том, как он сдавал экзамены. Она ничего не знала о невестке, и ее по-прежнему не покидали грустные мысли. Она рассказала сыну

о смерти Лю, и юноша горевал, ценя его талант и добродетели. Если б девушка Лю жила в доме своего отца, то, услышав печальную весть о свекре, она должна была бы прийти. То, что она не пришла, показалось юноше странным. Тогда госпожа, обливаясь слезами, подробно рассказала ему о причине ее бегства [из дому]. Юноша опечалился, однако, даже беспокоясь за жену, он не смел сейчас думать о мирском. Он только молитвенно сложил руки. Госпожа вынула письмо и отдала ему. Юноша обеими руками принял его и положил на [стол] не читая. Тогда госпожа сказала:

— Хотя ты и облачен в траурное платье, но не прочесть письма — это уж слишком большое упрямство!

Хакса пришлось волей-неволей прочесть письмо, в котором было сказано:

«Я, Лю, осмеливаюсь причинить вам большое беспокойство и обращаюсь к вам с заветными мыслями. Моя семья несчастлива. Судьба ниспослала нам глубокую скорбь, и я вернулась в родной дом. Время остановилось [для меня], но кара небесная еще не была исчерпана. На меня свалилась [еще одна] непредвиденная беда. Я ухаживала за свекровью. Это было тогда, когда вы уехали. Несчастье, случившееся у нас в семье, угрожало свекрови, и я совершила еще один проступок: мне пришлось уйти из дома. Я хотела, чтобы свекровь жила в спокойствии. Я, слабая женщина, отправилась скитаться по дорогам — это сделало меня преступницей. Разве не знаю я, что должна быть скромной? Действительно, мне будет стыдно потом предстать перед свекровью и супругом. Так пусть чистота моего супруга осветит мои помыслы. Пусть я несдержанна на язык, но пока жива, я принадлежу семье Ли. Если даже мне будет грозить смерть — все равно буду искать поддержки в семействе Ли. Быть может, если я найду тихое пристанище, я приеду потом в столицу и разыщу ваш дом. Но если все будет не так, чистая вода скроет меня, недостойную. Одна страничка письма — и вечная разлука. Супруг, озарите за тысячи ли мои мысли и заботы. Передо мной кисть и бумага, я тороплюсь в дорогу, меня ожидают

беды, и нет времени вести длинный разговор. Дорогой супруг, простите мою дерзость».

Хакса прочел письмо — каждый иероглиф — узор на шелке! Каждое слово — жемчуг и яшма! В письме проявились целомудрие и чистота, подобные снегу и инею.

Юноша женился по приказу матери, но брак без [разрешения] отца не дал ему возможности провести церемонию соединения фамилий. Однако они стали супругами, и [Ли Хён], размышляя о дружеском участии *чхоса* Лю, [думал о том], что непорочно чистая [супруга] скитается где-то по дорогам и неизвестно, когда [они встретятся]. Чужому расскажешь — и то растрогается, как же не растрогаться беспокойному сердцу [юноши], который, забыв о себе, только и думает о том, как утешить свою мать. Сердце сжималось в тоске, но внешне он оставался спокойным.

— Твоя супруга ради меня жертвует собой, — заговорила госпожа, — разве я забуду когда-нибудь об этом?

И она горячо принялась расхваливать ее почтительность и верность долгу, а слезы [лились] потоком [из ее глаз]. Юноша утешал:

— Лю скитается, но разве может прерваться ее жизнь в такие молодые годы? Перед моей поездкой *чхоса* Лю говорил, чтобы я отправился в дорогу только после свадебной церемонии. Судьба моя определена, и не в силах человека ее изменить. Когда-нибудь мы встретимся, а вы, матушка, берегите свое драгоценное здоровье. Мне сейчас не узнать, где находится Лю, я должен с вами ехать в Цзиньчжоу, приготовьте дорожные вещи.

Госпожа радовалась, что у нее такой необыкновенный сын. А *хакса* послал слугу попросить у правителя лошадь с повозкой и все, что нужно в дорогу. Правитель, узнав, что это *хакса* Ли, удивился и, сам придя к нему, извинился, что, не зная его прежде, не приветствовал его матушку подношением подарков. *Хакса* ответил:

— Для преступника жизнь не имеет смысла. Естественно, что вы ничего не знали обо мне, зачем вам извиняться?

Я хочу уехать на родину, ухаживать за своей старой матерью и прошу [у вас] лошадь с повозкой.

Правитель не возражал, и на следующий день на рассвете, приготовив [для него] повозку с вещами и платьем, ожидал распоряжений. *Хакса* Ли поблагодарил его за великодушие и отправился в дом Лю совершить жертвоприношение. На поминальных табличках *чхоса* он написал молитву и предался печали. Он думал о его талантах, добродетели и дружбе. Затем, встретив госпожу Сон, он из вежливости выразил ей соболезнование и сказал несколько слов в утешение.

Потом он подал [жалобу] в уездную управу и поднял дело о раздорах в семье. Госпожа Сон обеспокоилась, и хотя она якобы раскаялась в своих прошлых делах, однако была недовольна тем, что он остался в живых.

Хакса вместе с матерью отправился в Цзиньчжоу. Госпожа деньгами и шелком отблагодарила земляков и, пожалев хозяйку, [приютившую их], одиноких и бездомных, посадила ее на последнюю повозку, и они все вместе уехали.

Хакса благополучно прибыл в старый дом в Цзиньчжоу. Оставшиеся слуги в ожидании госпожи привели дом в порядок. Вскоре пришли с подарками чиновники уездной управы и приветствовали госпожу. Она была удручена горем, но попрежнему прежде всего заботилась о славе своего сына. Назавтра она пошла на могилу супруга Ли. *Хакса* приказал натянуть тент над могилой и сам пришел вместе с матерью. У могилы деревья стояли в пышной [зелени], густо росли сосны и кедры. Госпожа Чин была изгнана *сираном* и пережила страшное горе и из-за могущества пяти отношений между людьми, после шестнадцатилетней разлуки, так и не увидев мужа, была обречена на одиночество. Даже чужим она могла бы простить обиду — так она была добра. В течение семи лет [совместной жизни с супругом] ее счастье было, как гора Тайшань [23], вместе они делили и горе и радость и [этим] отличались от других супругов. Но на нее обрушилась беда.

Тоска и скорбь разрывали душу. Она билась головой о моги-

лу, рыдала в беспамятстве. Часто прерывался ее тоскливый голос, она плакала кровавыми слезами. У *хакса* сердце разрывалось [от горя]. Он несколько раз пытался уговорить и успокоить ее, но она опять, упав на могилу, причитала:

— Я встретилась со своим супругом, когда у меня еще не отросли стриженые волосы. Свекор со свекровью любили меня, и в нашей семье царила справедливость. Супруг Мён был снисходителен ко мне, и мы никогда не перечили друг другу. Но свекор со свекровью скончались, супруг внял лживым словам развратной наложницы, и я вынуждена была скитаться! В конце концов злодейство свершили и над ним. Почему же до сих пор продолжается такая несправедливость? [Он] пренебрег заветами покойных родителей, и теперь сын его обречен на бесконечную скорбь.

Она продолжала плакать. Слезы ее капали на зелень, растущую у могилы, словно горючие слезы двух жен [24], капавшие на листья сяосянских бамбуков. Долго она рыдала и только благодаря уговорам *хакса* вернулась в дом.

Хакса получил земли [отца] — орошаемые и суходольные, и с этого дня, собирая урожай, он наставлял домашних; разыскал слуг, которых прежде держала госпожа Чин. Дом процветал и стал таким, как прежде. Госпожа день и ночь пеклась о благе семьи, вкладывая в это всю душу. Постоянная тоска *хакса* огорчала слуг. Госпожа все время утешала его. *Хакса* заботился о матери. Они оба жили в согласии и поддерживали друг друга. [Сын] видел, что мать, трудясь день и ночь, никогда не забывала о его невесте. Он не знал, по каким дорогам бродит она, добродетельная и [чистая], как яшма и лед, как иней и снег. Сидя дома, он не переставая вздыхал и печалился: не мог забыть о дружбе [к нему] *чхоса* Лю. Так прошло три года, но, постоянно тоскуя, он не мог избавиться от грусти и горючих слез.

Наступили годы правления Цзяньвэнь [25]. На престол вступил новый государь. Подданные не восхваляли его, и государь не призывал их на службу. *Хакса* был доволен и проводил время в покое.

Далее рассказывают вот что.

Девушка Лю вместе с Ке Хва и Ок Нан выехала за ворота отцовского дома и ударила плеткой осла. Она проехала несколько десятков ли, когда забрезжил рассвет. У дороги оказалось жилище. Она спешилась и вошла в трактир закусить. Девушка сказала Ке Хва:

— Судьба моя жестока. Я потеряла отца, на меня навлекли неслыханный позор, и я, ничтожная, едва избежала беды. Уж лучше бы я умерла и забыла о горе.

Ке Хва, утешая ее, говорила:

— Не печальтесь! Сейчас у вас горе, но горе пройдет — придет радость, и счастье ваше будет беспредельным. Тогда все сегодняшние беды покажутся вам лишь весенним сном. Все переменится.

Девушка выслушала ее, но не переставала вздыхать. Было уже поздно, и она, покинув трактир, ехала, не зная куда. Они оказались в каком-то неизвестном месте и [снова] остановились на ночлег в трактире. Хозяин отвел комнату девушке со служанками. Покончив с ужином, Лю прилегла, думая о далекой родине. Вдруг за воротами раздался боевой клич. Ок Нан испугалась и выглянула за дверь: [в дом] ворвались несколько десятков разбойников с кинжалами, мечами и копьями. Лю и служанки перепугались и бросились бежать через черный ход. Разбойники эти были людьми из трактира, они хотели только отобрать вещи [прибывших] и поэтому преследовать их не стали. А девушки утешали друг друга. Придя в себя, они огляделись по сторонам: большая река блестела [от лунного света], и ее берега не были им знакомы, [ночью] деревья выглядели мрачно, а кукование кукушки удручало. Лю задумалась: в кармане у нее не было ни гроша, а вокруг ни одного близкого человека — как жить? Вздохнув, она воскликнула:

— Вот место, где я умру!

Она поднялась и хотела броситься в реку, но Ок Нан, удерживая ее, заплакала:

— Вы бежали от позора, чтоб остаться в живых. Как вы

можете так легкомысленно бросаться своей драгоценной жизнью? Неужели пренебрежете заветами покойного отца?

— Для меня нет радости в смерти, — ответила ей девушка, — но у нас троих в кармане ни гроша, сможем ли мы прожить?

Едва вымолвив, она снова зарыдала и опять хотела броситься в воду. Ок Нан со слезами удержала ее.

У берега стояло несколько маленьких лодок. В одной из них, что была привязана совсем близко у берега, кто-то спал крепким первым сном. Когда рядом с ним послышались рыдания, он проснулся, открыл люк и увидел, что какой-то молодой человек хочет броситься в воду, а двое слуг удерживают его. Поняв, что тот хочет в горе покончить с собой, он крикнул:

— Кто ты такой и почему хочешь стать пищей для рыб? Ты, наверное, читал родительское завещание и знаешь, что родителей нужно почитать!

Девушка слышала его голос, но решительно сделала вид, что ничего не замечает. Тогда Ке Хва подошла к старику и, пожелав ему счастья, сказала:

— Мы сами из Сицзина и путешествуем вдалеке от дома, прислуживая молодому хозяину. В трактире на нас напали разбойники, и мы потеряли вещи и оседланную лошадь. Трудно избежать несчастий нищим, и нам осталось лишь утопиться. Вы, почтенный, очень сердобольны и спасли трех человек — хозяина и слуг. И мы постараемся не забыть вашей милости.

Старик, выслушав ее, изумленно сказал:

— Неужели молодой господин хочет броситься в воду только потому, что пострадал от разбойников? Идите ко мне вместе со своим господином.

Ке Хва очень обрадовалась, рассказала девушке о своем разговоре со старцем и посоветовала остановиться у него. Девушка находилась от старика на расстоянии десяти шагов, но [увидела, что] его ясные глаза озаряли [своим светом] тысячу ли. Слова и необычный облик старика успокоили Ё Ран, и

она поднялась в лодку. Старик почтительно, с подобающей церемонией встретил ее и спросил [ее] имя и фамилию. Девушка звонким, яшмовым голосом ответила:

— Я родом из Сицзина, ношу траур по отцу. Со мной случилась беда, и нигде мне не найти пристанища. Отправился было в столицу, но в трактире меня ограбили, и я все потерял — деньги и имущество. Нам удалось бежать, но я снова оказался в таком отчаянном положении, что осталось только броситься в воду. Вы, почтенный, спасли меня, что же вы теперь будете с нами делать?

Старик приветливо сказал:

— Я родом из Чжэцзяна. У меня нет детей, и я на старости лет живу [один]. Собираю по деревням красивых женщин; купил лодку и занимаюсь торговлей. Если вы хотите попасть в столицу, следуйте за мной. Попадете [сначала] в Чжэцзян, и там опять, собрав нужные вещи, отправитесь в столицу. Не кажется ли вам, что это не так уж плохо? Из Чжэцзяна в Наньцзин всегда было легко попасть.

Девушка поверила в добросердечность старика и, нисколько не сомневаясь в нем, радостно поблагодарила, и все трое последовали за ним.

На следующий день [старик] спустил лодку на воду и вместе с девушками поплыл по широкой реке прямо в Чжэцзян. Хотя Лю и приютили, но она все время с надеждой обращала взоры к родине. Однако горы, [окутанные] облаками, преграждали [путь туда]. Одинокому человеку трудно добраться до родных мест. Она печалилась о том, что скитается на чужбине, беззвучно плакала, наполняя реку своими слезами. Ке Хва и Ок Нан утешали ее.

Прибыв в Чжэцзян, они привязали лодку. Старик с помощью своих людей перенес все вещи и повел девушку со служанками к [высокому] дому, который стоял у проезжей дороги и упирался [крышею] в небо. Это был трехэтажный терем с жемчужными занавесями [на окнах, из которых] доносилась самая разнообразная музыка. Можно было подумать, что это дом хозяйки певичек. Девушка вошла. Яшма и жем-

чуг разноцветными красками засверкали перед глазами, [девушка], скрывая беспокойство, обратилась к старику:

— Вы были милостивы ко мне. Однако ваше жилище так необычно! Оно не похоже на жилище торговца. Вот если бы вы дали мне тихую комнатку, я бы провел у вас дня два-три, прежде чем уехать в столицу.

Старик согласился, распорядился, чтобы гостям отвели маленький флигель. Затем пригласил свою супругу.

— Кого это вы привели с собой? — спросила она.

— Люди пострадали от разбойников, — ответил старик, — хотели броситься в воду, но я их спас и привез сюда. Они скоро уедут в столицу.

Жена его сказала:

— Мы несчастливы, нет у нас детей. Быть может, за добро, сделанное [этим людям], нас вознаградят в будущей жизни? Я думаю, вы правильно поступили. Дайте же им одежду.

Имя старика было Ян Хый, а земляки звали его Вон Ый — «подлинно справедливый». Его жена содержала зеленый терем [26]. В нем находили приют одинокие женщины, которых старуха одевала, пудрила, румянила и обучала [приятным] манерам. Располагая деньгами, она приводила к себе молодых женщин и никогда не знала покоя [на этом поприще]. У нее собирались [красавицы] с лицом, как молодая светлая луна, и тогда [в доме] звучала самая веселая музыка. Девушке было неприятно такое беспокойное соседство, и через несколько дней она пришла к старику и попросила денег на дорогу, чтобы [поскорее] уехать.

— Все это верно, — отвечал старик. — Правда, пригласив вас, я не угостил как следует. Но поживите еще дня два-три, а потом уже и поедете.

Девушка жалела, что тратит зря время, но ей пришлось остаться еще на несколько дней. Певички, подобные цветам, только и делали, что глазели на девушку, стараясь привлечь внимание Лю своими яшмовыми лицами и фигурами. Грустными песнями, очаровательными улыбками они выражали свои желания. Лю было смешно, и она, отвергая их, говорила:

— Я ношу траур, разве мне пристало увлекаться красавицами и музыкой? Оставьте меня!

Выговаривая им, она придавала строгость лицу. Девицы печалились, но, не зная стыда, щебетали нежными голосами, словно ласточки и иволги, собирались [вокруг Лю] подобно облакам. Старик и старуха бранились, но девицы не обращали на них внимания, во все глаза глядели на девушку, и у них не было желания принимать посетителей.

Среди постоянных [гостей] был один человек — задира и игрок. Как-то он зло сказал хозяйке:

— Вы что же, получили от нас золото, а сами прячете в своем доме этого купца и не показываете красавиц?

Старик испугался и прогнал всех девиц [от Лю]. Волей-неволей им пришлось пойти [к гостям]. Они разговаривали и смеялись, но всем было невесело. Озлобленные молодые люди разгневались и решили: «Мы зря потратили золото, а из-за этого юнца красотки совсем приуныли. Нужно сделать так, чтобы его здесь не было!»

Девушка осталась [в доме] еще на несколько дней. Однако назойливость певичек становилась все несноснее, и она снова спросила у старика разрешения уехать в столицу. Хозяин не удерживал ее, дал денег на дорогу и приготовил провизию. Девушка с поклонами благодарила его за великодушие и, простившись, направилась в столицу.

Молодые люди, узнав об ее отъезде, обрадовались и, взяв с собой несколько десятков приятелей, отправились следом. Смеркалось. Девушка в поисках жилья взобралась на гору. Злодеи в одно мгновение подбежали к ней, отобрали деньги, еду и коня и, избив ее и служанок, сбросили их под гору, а сами сбежали. Ё Ран, так неожиданно попав в беду, не могла даже слова вымолвить. Слабая и нежная, она не могла противостоять разбойничьему нападению. Даже не охнув, она потеряла сознание и скатилась вниз. Было это как раз в конце восьмой луны.

Случилось так, что у подножия этой горы собирала травы какая-то старушка. Только она подошла к горе, как вдруг с

вершины скатилось трое мужчин. Она во все глаза смотрела на них. У самого молодого лицо было как яшма, он не имел себе равных среди людей. Доброе сердце ее сжалилось над ними, и она сама, поддерживая всех троих, привела их в домик, крытый травой, и, уложив в комнате для гостей, омыла теплой водой. Через некоторое время они пришли в себя, поднялись и увидели, что находятся в домике. Около них хлопочет какая-то старушка. Ке Хва удивленно спросила:

— Вы спасли нам жизнь. Кто вы? Где мы?

Старушка ответила:

— Я, одинокая, живу здесь, собирая лекарственные травы. Пришла под гору, а тут вы с вершины скатываетесь, мое ничтожное сердце преисполнилось жалостью, я подошла к вам и помогла. А что с вами случилось?

Ке Хва ничего не ответила, а Ё Ран села напротив и с благодарностью сказала:

— Только что на горе мы встретили разбойников, у нас отобрали деньги и лошадей, а самих сбросили вниз. Нам бы не избежать смерти, если б вы не спасли нас и не вернули к жизни. Мы бесконечно благодарны вам.

Старушка, услышав ее голос — звон яшмы, подобный пению феникса, и [увидев] ее цветущий облик и яшмовое лицо, удивилась и почтительно сказала:

— Я вдова настоятеля здешнего храма. Супруг мой рано скончался, семья обеднела, жить стало трудно. Супругов нельзя разлучать, а нас разлучили, и потому я веду такую жизнь. Сегодня я увидела вас, вы так молоды и красивы, сразу видно, что человек выдающийся. Как же вы попали в такую беду?

Девушка ответила:

— Посетив могилы предков, я шел в столицу, и [в дороге] меня настигла беда.

Старушка была в восторге от внешности [мнимого юноши]. [Покойный] муж ее, занимавший должность настоятеля конфуцианского храма этой местности, рано умер, и у нее осталась дочь по имени Сук Хи. Она выделялась среди других своей внешностью и обладала необыкновенными способностями.

Старушка очень хотела для нее именно такого мужа и теперь, увидев брови-полукруги и яшмовое лицо девушки Лю, обрадовалась и спросила:

— Как ваше имя?

— Меня зовут Ли Хён, — ответила та.

Старушка оказывала [мнимому юноше] исключительное внимание, желая заполучить его в зятья. Лю была очень обеспокоена этим.

Ке Хва и Ок Нан через несколько дней окрепли, а их госпожа была еще слаба от тяжелых ран и не переставала стонать. Ок Нан день и ночь ухаживала за ней. Через несколько месяцев и она поправилась, служанки и хозяйка были полны радости. Хозяйка стыдилась своей бедности и не знала как ей быть. Она поздравила Лю с выздоровлением, а та благодарила ее за милости, которые вернули ее к жизни. Старушка с почтением ответила:

— Вы, как небожитель, пришли в наш домик. Неужели вы тотчас хотите отправиться в столицу? — спросила она.

Девушка отвечала:

— Да, хочу пойти, но у меня нет денег на дорогу, и это меня беспокоит.

Старуха вдруг запахнула ворот платья, стала на колени и сказала:

— Моего супруга звали Чю Хва. По происхождению он был не из простых, он был ученого звания, но, к несчастью, рано скончался. Дом мой обеднел, благополучие его покинуло. У меня есть единственная дочь. При ее талантах, внешности и добродетели она могла бы получить гребешок и полотенце[27] благородного господина, и я дерзко предлагаю ее вам в наложницы. Можно ли надеяться, что вы снизойдете и согласитесь?

Девушка, выслушав ее, испугалась, на мгновение у нее даже дыхание перехватило, однако она сказала:

— Я благодарю вас за великодушие, но сейчас я в трауре, и не пристало мне решать такие дела столь спешно.

Старушка опять принялась уговаривать:

— Я вижу, что господин в трауре, я знаю об этом, но мне, слабой женщине, страшно одной без отдыха, без праздников трудиться среди высоких гор и глубоких долин, и я прошу вас заключить договор на словах. После окончания траура совершим положенные церемонии — вот все, чего я хочу. Уж вы, господин, не возражайте. Хоть я и недостойная [женщина], но я не стану так бесцеремонно настаивать на этом.

Ё Ран была очень благородна. Она подумала: «Старушка спасла меня, умирающую, и я вернулась к жизни. Если взять эту девицу в жены супругу Ли — все равно, что к блеску золота добавить сияние яшмы» [28] — и так ответила хозяйке:

— У меня есть жена, она очень умна и не ревнива. Даже если дочь ваша окажется легкомысленной, мы заключим на словах договор и сможем исполнить все церемонии по окончании траура. Пусть хозяйка не спешит с этим.

Старушка с грустью сказала:

— Ваш ответ осчастливил меня. Дочь моя хоть и не так совершенна, как древние, но и не легкомысленно красива. Если вы не верите, сами посмотрите на нее и убедитесь.

Ё Ран скромно сказала:

— Я понимаю что вы беспокоитесь, но не сомневайтесь.

Она взяла кисть, написала клятвенное обещание и отдала старухе. Та обрадовалась и, без конца расхваливая ее, спросила:

— Когда же вы возвратитесь в столицу?

Девушка ответила:

— У меня нет денег на дорогу и нет лошади. Вот соберу денег, тогда и отправлюсь в путь.

Старуха сказала:

— Мой дом беден, и денег на дорогу я вам дать не могу, но вы не отчаивайтесь!

— Вы были так милостивы ко мне, — ответила девушка, — зачем же вы беспокоитесь еще и об этом?

После того как старуха ушла, Ок Нан спросила:

— Вы, будучи замужней женщиной, заключили брачный союз. Что же вы собираетесь делать?

Молодая вздохнула:

— Я упала с отвесной скалы, и старуха меня спасла, благодаря этому я не стала голодным духом [29] под землей и осталась в живых. Милость ее велика. Разве я могу не думать о благодарности? Супруг Ли не будет всю жизнь предаваться печали, и, когда я с ним встречусь, я представлю [ему эту девицу] и освещу золото блеском яшмы — это и будет крупицей моей благодарности.

— Ваши слова справедливы, — сказала Ке Хва, — но почему вы думаете, что господин отнесется к этому серьезно?

— Супруг мой — благородный человек, — ответила девушка, — а моя свекровь — умная женщина, и если она узнает, что [эта старуха спасла меня], то она не останется безучастной.

Ке Хва и Ок Нан были сражены ее необычайной проницательностью.

А Ё Ран, выздоровев, решила отправиться в столицу, но в кармане у нее не было ни одной монеты. Она пала духом и не знала, что делать. Без единого вздоха она проводила здесь время. Миновал год. Девушка встретила на чужбине день смерти отца, и, куда бы она ни направляла взоры, печаль ее возрастала, [сердце ее] будто разрывалось, и она [постоянно] предавалась тоске.

В конце этого года правитель Шаосинфу разъезжал с ревизией по провинции. Говорили, что [нынче] он возвращается. В этот день все двери и окна были на запоре, но девушка случайно заглянула в оконную щель: чиновник, державший расшитое золотом знамя под горой Хоннянсан, оказался *халлимом* Лю из столицы. Ё Ран очень удивилась и подумала, что ей наконец улыбнулось счастье.

Халлима Лю звали Кван, и он приходился племянником *чхоса* Лю. Несколько лет тому назад он сдал экзамены на чин. Девушка видела его, когда он приехал в Сицзин посетить могилы предков.

Когда он прибыл на место, она через Ке Хва передала ему исписанный иероглифами листок бумаги, где рассказала о своих скитаниях.

Правитель занимался делами в управе, когда писарь подал ему записку, в которой было написано: «Дальний родственник Лю Хи». *Халлим* прочел и подумал: «У меня нет дальнего родственника по имени Лю Хи, что все это значит? Во всяком случае позову его, пожалуй,— посмотрю!» — и велел чиновнику пригласить посетителя. Девушка вошла в управу. После [приветственных] церемоний правитель спросил:

— У нас с вами не было даже мгновенной встречи, почему же вы назвались родственником?

У девушки навернулись слезы, и она сказала:

— Некогда старший брат выдержал экзамены на чин и уехал в Сицзин. Тогда вы вместе с отцом пришли к нам в дом. Разве вы не помните, как в средних покоях познакомились со мной и угощались фруктами?

Правитель, выслушав юношу, снова подумал: «Я видел у отшельника Лю дочь — девицу Ё Ран — и даже спросил о ее возрасте». Он снова взглянул на девушку: хоть она и была в мужском платье, но ее непорочное, красивое лицо было таким же, как раньше. Он очень удивился и снова спросил:

— Почему сестрица оказалась здесь?

У девушки потекли слезы, и она рассказала ему обо всем подробно: как бродила по дорогам, как теперь собиралась идти в столицу, но у нее нет денег, без которых она не сможет отсюда уйти.

Правитель смахнул слезу:

— Когда я приезжал в Сицзин, дядя своим здоровьем отличался от других, и я думаю о том, почему он так рано оставил мир людей. Теперь сестра направляется в столицу, кого же она собирается там искать?

Девушка ответила:

— Мой супруг Ли Хён уехал в столицу сдавать экзамены, и я хочу найти [его].

Правитель удивленно сказал:

— Ли Хён в прошлом году, когда совершалось паломничество на могилы, первым сдал экзамены на чин. Потом он отправился в Цзиньчжоу посетить могилы предков, а теперь,

должно быть, уже уехал в столицу. А ты, сестрица, сними мужское платье и поезжай в женском. Так лучше будет.

Девушка, услышав, что Ли сдал экзамены, очень обрадовалась.

— Брат говорит, что мне следует переодеться в женское платье, но, по-моему, для этого нет особых оснований, лучше я поеду так.

Правитель не возражал. Он приготовил деньги на дорогу и дал ей лошадь. Девушка поблагодарила его и возвратилась к хозяйке. Когда она прощалась со старухой, та была грустна, уговаривала [зятя] беречься в дороге и говорила, что в его отсутствие она будет так же любить его, как и раньше. Девушка утешала ее:

— Я поеду в столицу, а после окончания траура тотчас вас навещу, не волнуйтесь.

Они расстались, проливая слезы. Девушка опять пошла в управу попрощаться. Правитель устроил небольшое угощение из риса и овощей и предложил ей несколько чиновников в сопровождающие. Девушка скромно отказалась:

— Я бедная скиталица, старший брат снабдил меня деньгами на дорогу и столько уделил мне внимания, что я этого никогда не забуду. Зачем же еще утруждать чиновников? — И она решительно отказалась.

Отправившись в дорогу вместе с Ок Нан и Ке Хва, она через несколько месяцев прибыла в столицу и стала разыскивать *хакса*. Никто не слышал о нем. Наконец какой-то человек спросил:

— Это не тот ли Ли Хён, который прошлой осенью во время паломничества на могилы предков первым сдал экзамены?

— Да.

— *Хакса* Ли уехал посетить могилы предков в Цзиньчжоу, — продолжал он, — но у него скончался отец, и он не возвратился в столицу, а сразу уехал в Сицзин за матерью и вернулся в [Цзиньчжоу].

Девушка, выслушав его, испугалась и пришла в отчаяние.

Мысли ее путались, она зарыдала. Вернувшись вместе с Ке Хва к хозяину [постоялого двора], она сказала:

— На мою долю выпали тяжелые испытания, я приехала в столицу, но супруга Ли не оказалось, теперь я отправлюсь в Цзиньчжоу и буду приносить жертвы духу свекра. Но как же мне, одинокой женщине, проделать такой долгий путь?

Ок Нан сказала:

— Идти из столицы в Цзиньчжоу далеко. Но что же делать?

Девушка ответила:

— Пусть я умру в дороге, но куда же мне идти, как не в дом свекрови? Соберу немного денег на дорогу и пойду в Цзиньчжоу, хоть это и далеко.

Она только и думала о том, как бы тотчас, собрав вещи в дорогу, отправиться в Цзиньчжоу.

Вскоре они прибыли в какой-то город. Людей здесь было множество, владения обширны. От прохожих они узнали, что это Дунцзин, бывшая столица Сунского царства.

Девушка снова спросила:

— А далеко ли отсюда до Цзиньчжоу?

Прохожий вежливо ответил:

— Гость изволит шутить? Если вы хотите отправиться из столицы в Цзиньчжоу, то нужно ехать через Лоян и Хэнань, а вы находитесь восточнее, отсюда до Цзиньчжоу пять с лишним тысяч ли сушей. Разве вы дойдете?

Девушка, выслушав его, очень опечалилась и воскликнула, обращаясь к служанкам:

— Отчего небо все время посылает мне такие трудности? Мне только и осталось теперь умереть!

Сказав так, она свернула к большому дому, стоявшему у самой дороги. В первом окне она увидела какого-то человека в плаще и тростниковом одеянии, игравшего на *комунго*[30]. У него было молодое лицо и седые волосы, словно перья журавля. Он был красив. К этому времени у странниц кончился запас еды, и они не знали как им быть. Ок Нан подошла [к окну] и попросила поесть. Почтенный кончил [играть] на

комунго, поднял глаза и, посмотрев на Ок Нан, вежливо осведомился:

— Кто ты такой? Почему ты, здоровый человек, просишь милостыню?

Ок Нан поклонилась и сказала:

— Я — слуга, родом из столицы. Прислуживая молодому хозяину, отправился в Цзиньчжоу. Мы сбились с пути и приехали в эти места, но не знаем, что делать, еда у нас кончилась, и мы, прося милостыню, хотим накормить хозяина.

Человек со вздохом сказал:

— Какая жалость! Пригласи своего хозяина, может, он придет?

Ок Нан вышла [за ворота] и пригласила Ё Ран. Девушка, успокоенная тем, что [незнакомец уже] старик, вошла. Почтенный, окинув ее взглядом, спросил:

— Откуда вы, молодой человек? Как вас зовут?

Девушка ответила:

— Мое имя Ли Хён, я еду из столицы, сбился с пути и прибыл сюда. Получил ваше дружеское приглашение и очень тронут этим. Хотелось бы узнать ваше уважаемое имя.

— Я родом из Сицзина, — ответил почтенный, — мне не удалось сдать экзамены на чин, и я поселился в этих краях. Люди меня прозвали *чхоса*. Гость говорит, что едет в Цзиньчжоу. Дорога на Цзиньчжоу опасна и далека, дойти туда трудно. Что же вы собираетесь делать?

Девушка поднялась и с поклоном сказала:

— Вы нас так тепло приняли. Мы не забудем вашей доброты. Я странник, скитающийся на чужбине, нигде не мог найти пристанища и вынужден был отправиться в Цзиньчжоу. Но у меня нет денег, и я оказался в затруднительном положении.

— Если гость не побрезгует, — промолвил *чхоса*, — пусть останется на месяц в доме старика, а потом найдет человека, который бы тоже отправлялся в Цзиньчжоу, и поедет вместе. Так-то будет лучше!

Девушка с благодарностью повторила:

— Если так, то я не забуду вашей доброты. Но у меня нет еды, и я боюсь, что введу хозяина в расходы.

Чхоса улыбнулся:

— Отчего благородный человек говорит такие самоуничижительные слова? Разве для него спокойная бедность — это не [чтение] книг под ивами? Поддерживать друг друга в трудностях, помогать друг другу — вот подлинное человеколюбие. Глупо видеть смысл [жизни] только в плошке риса!

Девушка, видя справедливость и великодушие *чхоса*, без всяких церемоний оставила у него вещи и спокойно поселилась в его доме. Но она все время с тоской смотрела на небосклон, где по вечерам восходила прекрасная луна, и печаль не оставляла ее.

Далее рассказывают вот что.

Хакса Ли провел три года в трауре по отцу, душа его была спокойна, потому что государь не тревожил его. На покое, на лоне природы искренне выполняя свой сыновний долг, он еще больше сил вкладывал в учение. *Хакса* приобрел знания о расцвете и гибели царств за тысячи лет, и разум его еще более просветлел. Душа его была широка и не знала волнений. Одно только заботило его — он ни на минуту не мог забыть [о том], что Лю где-то [странствует]. Из чувства благодарности к *чхоса* за его дружбу он решил, что обойдет всю Поднебесную и соединится с супругой. Однако у него не лежала душа к семейной жизни. А госпожа Чин на своей половине никак не могла забыть целомудренную и преданную девушку Лю. Слезы сами капали на одежду. Она страдала еще больше оттого, что сын ее тоскует в одиночестве. *Хакса*, огорченный тем, что мать его так печалится, невольно сказал:

— Я не знаю, где находится госпожа Лю. Конечно, смешно, когда мужчина живет в одиночестве из верности к одной женщине. Я хочу как следует все взвесить, жениться и успокоить вас.

Госпожа взяла руку сына и, роняя слезы, сказала:

— Зачем ты так говоришь? Характер моей снохи и ее

добродетели непревзойденны. Я потеряла ее, и теперь ничего не возместит мне утраты, хоть расплавь золото и камень. Ты ничего не говоришь о добрых [отношениях] между супругами, а думаешь лишь о благодарности матери. Зачем ты произносишь такие бесчестные слова? Пусть в этой жизни я не увижу твою добродетельную супругу, но снова женить я тебя не могу!

Хакса, поняв, что воля матери [непреклонна], дважды поклонился и ушел. Он продолжал проводить свои дни, утешая мать.

Однажды ночью, когда тускло светила луна, он, бродя перед домом, взглянул на небо. В той стороне, где находится Яньбэй, сияла звезда Тесён [31], и свет ее озарял вселенную, а звезда Хёнхок [32] затмила звезду Чамисён [33].

У *хакса* вырвался вздох:

— Мудрый государь находится в большой опасности. Конечно, его окружают таланты, которые помогают в управлении, но для меня это — знамение неба. Что же делать?

Однажды *хакса* сидел в кабинете и играл на *комунго*. Вдруг во двор кто-то прискакал. Конь его был взмылен. *Хакса* взглянул на гостя и, удивленный, быстро вышел к нему. Дважды поклонившись, он сказал:

— После того как я расстался на постоялом дворе с великим князем, я только и думал о нем. Теперь великий князь пришел в мое жалкое жилище. Мне выпало незаслуженное счастье. Великий князь как государь могущественного княжества всеми почитаем. Так почему же вы приехали запросто верхом на коне?

Ён-вану понравилось, что *хакса* Ли, несмотря на то что на нем были не княжеские одежды, сразу узнал его. [Ён-ван] взял хозяина за руку и, введя в комнату, усадил и приветливо проговорил:

— Прошло пять лет, как мы расстались. Я никак не мог забыть ваше яшмовое лицо и манеры небожителя. Мне нужен ваш хитроумный совет. Не удивляйтесь этому.

Хакса, поблагодарив, спросил, в чем дело. Ван, удалив всех, сказал:

— Че Тхэ и Хван Ча Чжин, злоупотребляя властью, хотят поднять бунт во дворце. Поднебесной, о которой печется наш государь, могут в один прекрасный день завладеть чужие люди. Я думаю [об этом] день и ночь. Коварные придворные презирают слабоумного государя. У ванов Че и Чу отняли княжескую власть, а их самих сослали на окраины. Мне тоже хотели навредить. Я не мог сидеть и ждать, поэтому приехал [к вам] и спрашиваю, что предпринять?!

Хакса помолчал, лицо его стало суровым, он сказал:

— Я самый заурядный человек, отчего же великий князь так много с меня спрашивает? Уж не хочет ли великий князь обмануть государя и захватить престол?

— Вы только увидели [меня], а уже спрашиваете о замыслах, — промолвил ван.

Тогда лицо *хакса* приняло обычное выражение, и он спросил:

—Допустим, что вы не собираетесь захватить престол и я выскажу вам свои глупые мысли. Однако не доставит ли это вам еще большие неприятности?

Ван ответил:

— Как бы то ни было, если я избегу козней коварных придворных, меня не станут беспокоить никакие неприятности.

Хакса задумался и через некоторое время сказал так:

— Советник Че и первый министр Хван — самые знаменитые министры и самые мудрые, маленькой хитростью их [умы] не усыпишь. Лучше вы в нынешнюю жару наденьте зимнее платье, закутайтесь, возьмите посох и, когда придет время жертвоприношений, прикиньтесь паралитиком. При дворе этому поверят, и к вам будут относиться как к больному. Поступите так, и тогда Хван и Че станут преследовать Чже-вана под предлогом [охраны интересов] юного государя. Однако это будет уже не только ваше личное дело. Вы [же сами] не начинайте раздоров, а подумайте о том, как успокоить Поднебесную, и не помышляйте о захвате престола.

Ван обрадовался и согласился с ним. Ночь он провел у Ли Хёна. [*Хакса*], приготовив ужин, угостил его. Всю ночь они

обсуждали, как управлять народом, и строили планы спасения страны. Беседа текла, словно река, и каждое слово было мудрым. Ван был очень доволен и благоговел [перед *хакса*]. Еще раньше он перебрал в уме всех подданных своих и наследника, но не нашел никого, кто мог бы стать его преданным другом. Он думал: «А не привлечь ли его к себе на службу?» Только на рассвете они разошлись, довольные друг другом. Прощаясь, *хакса* сказал:

— Великий ван, следуя примеру мудрого чжоуского У-вана [34] и справедливости чжоуского гуна [35], думайте об управлении государством, но не замышляйте против государя. Если наш план удастся, то я не сочту тысячу ли за расстояние и навещу вас. А если все получится не так, то пусть меня обезглавят или сварят живьем. Но [я уверен, что] мы с вами непременно увидимся снова!

Ван с благодарностью промолвил:

— Я никогда не забуду [ваших слов]! — и, хлестнув коня, ускакал.

Хакса вздохнул и невольно подосадовал. Его речи были похожи на предостережение, но после небесного знамения они были бесполезны.

А дело осложнилось. Кто-то, знавший Ён-вана в лицо, доложил правителю, что в такой-то день Ён-ван на коне приезжал в дом Ли Хёна и провел там ночь.

Правитель испугался и написал донос на имя государя о том, что *хакса* тайно связан с Ён-ваном. У государя Ён-ван был давно на подозрении. Получив подтверждение, он очень встревожился и послал в Цзиньчжоу гонца с приказом арестовать *хакса* и выяснить обстоятельства [дела].

А о том, что случилось дальше, вы узнаете из следующей тетради.

[1] Юнлэ — девиз правления минского императора Чэнцзу (1403—1424).

[2] *Сиран* — советник при министерстве.

[3] Хуну — девиз правления основателя минской династии Тайцзу (1368—1398).

[4] *Жэньсюй* — 1382 год.

[5] *Кан* — мера площади для жилого помещения (2,5 *кв. м*).

[6] *Шицзин* — «Книга песен», одна из книг конфуцианского канона, памятник древней китайской поэзии.

[7] *Чхок* — мера длины, равная 0,32 *м*.

[8] Праздник седьмого дня седьмой луны. — По китайской легенде, в этот день на мосту через Серебряную реку (Млечный Путь) встречаются Пастух и Ткачиха (названия звезд в созвездии Водолея), разлученные небесным государем за то, что, увлекшись любовью, они забыли свои обязанности: пасти скот и ткать шелк.

[9] *Чхоса* — чиновник в отставке.

[10] Тростниковая шляпа и плащ — одежда отшельника.

[11] *Луньюй* — одна из книг конфуцианского канона, в ней записаны беседы Конфуция с учениками.

[12] Поймать синее облако... — т. е. преуспеть на службе.

[13] Украсить цветком корицы — т. е. успешно сдать экзамены на чин. Выдержавший первым экзамен получает в награду ветку с искусственным цветком корицы.

[14] Утки-неразлучницы — утки, которые всегда живут парой. Утки-неразлучницы — символ супружеской верности.

[15] *Чонтугван* — чиновник, оглашающий список лиц, сдавших государственный экзамен.

[16] *Халлим хакса* — звание, которое в средневековой Корее давали высшим чиновникам.

[17] Отношения при дожде из облака — т. е. любовные отношения. По китайской легенде, фея, обитающая в горах Ушань, однажды приняла князя и разделила с ним ложе. При расставании она сказала, что утром превращается в облачко, а вечером выпадает дождем.

[18] Ён-ван — по-китайски Янь-ван, четвертый сын минского императора Тайцзу (1368—1398) и дядя императора Хуйди (1399—1403), правил областью Янь. Янь-ван восстал против Хуйди и, захватив престол провозгласил себя императором Чэнцзу (1403—1424).

[19] Тхэ-чжо — Тайцзу, основатель династии Мин (1368—1398).

[20] Пан Хе Ю, Че Тхэ, Хван Ча Чжин — по-китайски Фань Сяо-жу, Ци Тай, Хуан Цзы-дэн — сановники минского императора Хуйди.

[21] *Мунсин* — гражданский чиновник. В Корее в эпоху Корё (918—1391) так называлась партия «гражданских чиновников», которые боролись за власть с «партией военных» — *мусин*.

[22] *Вигуккон* — военачальник, ведающий обороной всей страны.

[23] Гора Тайшань — в Китае; символ величия.

[24] Две жены — жены легендарного китайского государя Шуня. После смерти супруга они оплакивали его на берегу реки Сян, их слезы кровавыми каплями падали на листья бамбука, и они навсегда остались крапчатыми. Пожелав до конца остаться верными своему супругу, обе жены утопились в реке Сян и стали ее духами.

[25] Цзяньвэнь — годы правления минского государя Хуйди (1399—1403).

[26] Зеленый терем — публичный дом.

[27] Получить гребешок и полотенце благородного господина — т. е. выйти замуж

[28] К блеску золота прибавить сияние яшмы — выбрать подходящую супругу (или супруга); золото и яшма — символ достойной супружеской четы.

[29] Голодный дух — по преданию, умершие без погребения и без жертвоприношений становятся тенями, злыми духами.

[30] *Комунго* — корейский музыкальный инструмент, напоминающий лютню.

[31] Звезда Тесён — звезда в созвездии Малой Медведицы.

[32] Звезда Хёнхок — Марс.

[33] Звезда Чамисён — одна из звезд в созвездии Большой Медведицы.

[34] Чжоуский У-ван — основатель древней китайской династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.).

[35] Чжоуский гун — первый советник основателя чжоуской династии, Цзи Дань. Конфуцианская традиция считает его просвещенным государственным деятелем и образцовым правителем.